

ДЕТСКИЙ ЕКТИВ

И. АНДРИАНОВА-ГОЛИЦЫНА

МОГИЛЬЩИКИ ГУАРАНИ

Ирина
Андрианова-Голицына

МОГИЛЬЩИКИ
Г У А Р А Н И

СЕРЕБРЯНЫЕ
ДЕРЕВЬЯ

Детективные повести

Художник
В. Попова

МОСКВА *ДРОФА* 2001

УДК 821.161.1-93 Андрианова-Голицына
ББК 84(2Рос=Рус)6
А65

Серия основана в 2000 году

Иллюстрации В. Л. Поповой

А65 Андрианова-Голицына И. А.
Могильщики гуарани: Детективные повести / Ил.
В. Л. Поповой. — М.: Дрофа, 2001. — 192 с.: ил. —
(Детский детектив).

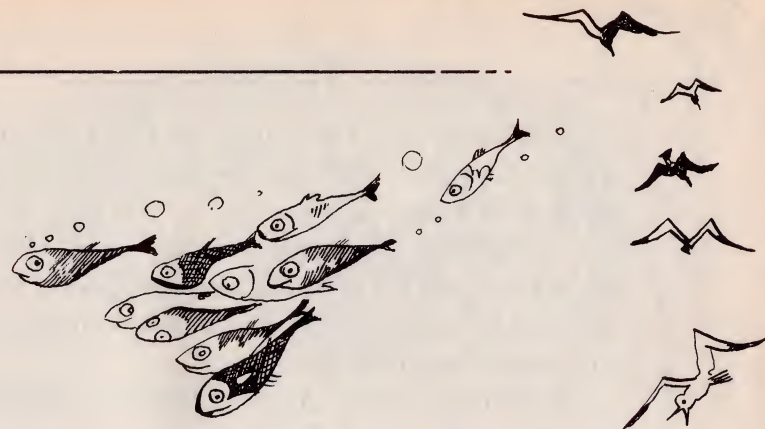
ISBN 5—7107—3918—9

Великая сыщица всех времен и народов Федосья Рюриковна Вечная вновь оказывается в центре невероятных и загадочных событий. Она разгадывает тайну исчезновения Лили Сомье и, легко перемещаясь во времени и пространстве, предотвращает убийство генерала.

УДК 821.161.1-93 Андрианова-Голицына
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5—7107—3918—9

© И. А. Андрианова-Голицына.
Текст, 2001
© В. Л. Попова. Иллюстрации, 2001
© ООО «Дрофа», 2001

Дорогие друзья!

Если вы фанатики детективов, любители запутанных остросюжетных историй, если вам нравится шевелить мозговыми извилинами и следовать за сыщиком по пятам по лабиринтам сногсшибательных событий, тогда эта книга для вас — находка. В ней действует великая сыщица всех времен и народов Федосья Рюриковна Вечная. Эта умнейшая и веселая женщина «щелкает» тайны всевозможных преступлений, как иная бабушка — семечки.

О бурной деятельности Федосьи Рюриковны Вечной оставили в свое время меткие высказывания славнейшие сыновья человечества.

Лондонский сыщик Шерлок Холмс: «Она — моя коллега в шали, но без курительной трубки, хотя и с гитарой».

Великий русский поэт А. С. Пушкин: «Госпожа Вечная — прелесть! Волшебный сосуд ума».

Австрийский композитор, музыкальный гений В. А. Моцарт: «Фрейлейн Федосья — первая скрипка необозримого человеческого оркестра».

Капитан Немо, друг писателя Жюль Верна: «Федосья Рюриковна — самый очаровательный и обаятельный осьминог в юбке. Ее умственные щупальца проникают в тайники загадок, как нож гурмана в раковину устрицы».

Датский сказочник Х. К. Андерсен: «О госпоже Вечной, этой приятнейшей особе, я напишу самую свою сказочную сказку».

Русский царь Петр I: «Россия непременно возродится, встанет с колен, начнет взახлеб пить кофе на европейский манер, потому что в ней живет опора российской державы — «мин херц» госпожа Вечная».

Друзья!

Хотите получить подтверждение мыслям великих? Читайте детективы «Серебряные деревья» и «Могильщики Гуарани».

Автор

Серебряные деревья

У Федосьи Рюриковны Вечной была одна великолепная черта. Нет, конечно, великая сыщица обладала сотней разных достоинств — о них я могу рассказывать сто часов кряду, — но та черта, о которой я собираюсь упомянуть, мне нравилась особенно. Федосья Рюриковна умела выполнять свои обещания: если сказала, то сделала.

Поэтому, когда она пообещала поведать мне историю серебряных деревьев, я ни секунды не сомневался: она сдержит данное слово.

...Был ранний августовский вечер. Я вволю гулял по Малаховке. Ведь с того самого дня, как мама и бабушка оставили меня под опекой неповторимой старухи-сыщицы, я и носа не высунул за калитку, чтобы самостоятельно обследо-

вать местность. И вот, наконец, выбрался побродить — потратил море времени на разведывательное шатание, и, честное слово, Малаховка мне очень понравилась.

Я обнаружил роскошный, заросший бархатной тиной пруд, несколько детских площадок, одну — собачью. По ней гоняли друг за другом две огненные колли с белыми воротниками.

В одном из дворов я увидел голубятню, построенную в виде крошечного старинного замка. Из резных окошек, дверок, забавных чердачных отверстий выглядывали дикийвинные голуби — белоснежные, кудрявые, лохматые, красного цвета. И не просто выглядывали, а вылетали на волю, нежно бормотали друг с другом, взмывали в небо... Короче, почти полчаса я проторчал у забора, за которым текла мирная голубиная жизнь.

И везде-везде в Малаховке — на каждом перекрестке, на каждой аллее, по которой я шел, у каждого дома, который я разглядывал, — росли сосны.

Однажды мы с родителями гуляли в московском Серебряном бору, где глухо шумели такие же гордые, стройные сосны, и мама с восхищением твердила:

«Сосновый воздух — самый целебный!» Так вот, малаховским горьковатым сосновым воздухом я готов был дышать всю оставшуюся жизнь. Потому что он был насыщен не одними целебными свойствами, а тайнами, загадками, бесконечными детективными историями. Конечно, благодаря чудесной обительнице этих мест — Федосье Рюриковне Вечной.

Когда сумерки спустились на Малаховку, я повернул к дому моей наставницы. Тут почему-то мне вспомнились родители, гуляющие сейчас по северной стране Швеции.

Если бы они знали, как мы живем с подругой бабушки, они пришли бы в ужас. Я не соблюдал режим, ел без всякой меры вкуснятину, которую дома мне покупали лишь по праздникам, сопровождал Федосью Рюриковну в опасные места, принимал участие в детективных расследованиях. Чего стоило мое стояние за пыльной шторой ресторана, в том самом странном месте, где всего три недели назад при загадочных обстоятельствах умерли мать и дочь Гаррисон!

Бедные родители! В какую-то минуту мне стало стыдно. «Сегодня обя-

зательно лягу спать в десять часов вечера, как велела мама», — твердо решил я.

С этой суровой мыслью я завершил прогулку, оказавшись перед знакомой

белой калиткой. Поднялся не спеша на крыльцо, увитое синими узорчатыми листьями декоративного винограда, и, наконец, распахнул стеклянные двери дома великой сыщицы...

Федосья Рюриковна сидела за круглым чайным столом. Перед ней стояли

вазочки с несколькими сортами варенья, халвой, пастилой, зефиром. Высились горки печенья и пряников, баранок и пирожных. Еще я заметил мою любимую вареную сгущенку коричневого, заманчивого цвета и клюкву в сахарной пудре. Стоит ли подробно говорить о том, что также на столе находился самовар: из-под его крышки выползал пар. Рядом стояли два внушительных заварочных чайника. В центре этого сладкого великолепия красовалась старинная суповая тарелка, до краев заполненная медом канареечного цвета.

— Милый, ты думаешь, я забыла о своем обещании — рассказать тебе о тайне серебряных деревьев? Никогда! — громоподобно проворковала она. — Я еще сказала, помнится, что за этим рассказом мы будем пить чай с медом. Мой руки и садись скорее за стол. Я лично страшно проголодалась.

Ах, чудесная Федосья Рюриковна! Она не настаивала на ужине — какой-нибудь гречневой каше с горячим молоком, а предлагала набить живот отменными сладостями, да еще в придачу — под рассказ о серебряных деревьях.

За одну секунду я вымыл руки, уселся за чайный стол.

Совсем забыл сказать: Федосья Рюриковна выглядела фантастически. На ней был потрясающий наряд — широкое багровое платье со шлейфом. От каждого движения, даже от легкого вздоха хо-

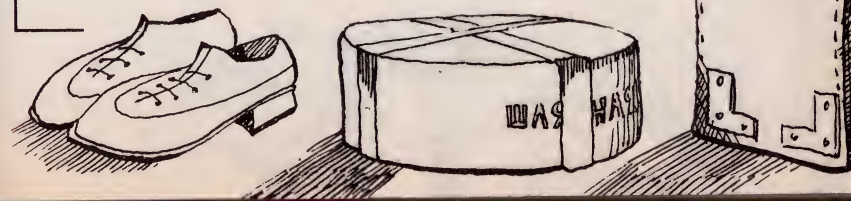
зайки платье волшеббно искрилось, словно его пронизывали короткие электрические разряды.

— Юный друг, — с довольной обаятельной улыбкой обратилась ко мне великая сыщица, — мне нравится, как

ты умеешь слушать. Я заметила: если тебя разбирает интерес, ты широко распахиваешь глаза и чуточку приоткрываешь рот. Также мне нравится читать на расстоянии твои мысли. Они искренни, а оттого — прекрасны... Да, сегодня я надела выходное платье, потому что мне предстоит вспоминать один из эпизодов моей туманной юности. А о юности, дорогой мой, можно вспоминать исключительно в праздничных одеждах.

После этой тирады сыщица разлила в чашки чай с мятой и положила в блюдечко, стоявшее передо мной, пять или шесть ложек меда.

— Давным-давно, — начала рассказывать Федосья Рюриковна, — я была свежа и молода, как майский цветок. Правда, не буду врать, что блистала сказочной красотой: Бог дал мне вполне заурядную внешность. О детективных расследованиях я в те далекие дни и не помышляла: мысли мои работали совершенно в ином направлении. Ну, например, я мечтала уехать из родительского дома, чтобы начать самостоятельную жизнь. Не удивляйся. Зуд самостоятельности обуревают всех нормальных молодых людей, которым исполнилось

лет четырнадцать-пятнадцать. Ты еще испытаешь эти муки взросления. Не пугайся, милый, ничего сверхъестественного в них нет: люди, как змеи, время от времени меняют старые, привычные шкурки на новые.

Я вздохнул. Уж больно нравоучительно звучало начало. «Ладно, буду терпеть», — решил я, болтая ложечкой в чашке.

— Юный, смешной друг, — вздохнув, пророкотала Федосья Рюриковна, — неужели я утомила тебя? Будь снисходительным — должна же я взять разбег перед тем, как выложить тебе тайну серебряных деревьев. Терпеть осталось совсем недолго.

Итак, когда мне стукнуло восемнадцать, я собрала необходимый багаж, купила билет на поезд, написала записку, в которой сообщила родителям, что выросла и отправляюсь искать свое счастье, и тайно, никому ничего не сказав, покинула отчий дом. Меня охватывало чувство дурацкого ликования, когда я представляла (заметь, уже сидя в купе мчащегося поезда), как за обедом мое семейство — отец, мать, пятеро братьев и сестер — примется обсуждать мой героический поступок. Верно,

они захотят немедленно отправиться в погоню, чтобы вернуть меня в родные стены, но я не сообщила, куда отправилась. Поезд же мой шел в сторону Альп.

— Альпы — это горы? — уточнил я на всякий случай.

— Естественно, не полуостров и не морская впадина, — согласилась великая сыщица. — Горы. И они начинены великолепными курортами, как булка изюмом. Там во времена моей юности отдыхали, да и сейчас, верно, отдыхают разные люди — старики, молодые, дети.

Когда я прибыла на конечный пункт, то довольно легко устроилась продавщицей цветов в одном курортном местечке, лежащем высоко в горах. Пусть моя внешность не поражала окружающих ослепительной красотой, но молодость и розовые щеки позволяли мне победно стоять за прилавком цветочного магазина в окружении роз, гвоздик, гиацинтов, сирени, тюльпанов, нарциссов и предлагать этот нежный, благоухающий товар желающим.

— Вам не было скучно? — поинтересовался я. — Разве продавать цветы — та взрослая жизнь, о которой вы мечтали?

— Ах, мой друг, — вздохнула Федосья Рюриковна. — Я же не тупо продавала растения, механически завертывая их в бумагу и принимая деньги у покупателей. Я общалась с клиентами! Вот что было прекрасно! Общаться же я всегда умела и любила, а беседа с людьми, подмечала тысячу деталей и мелочей. Я узнавала так много о человеческой натуре. Подобных знаний мне не смог бы дать ни один европейский университет, прослушай я в его стенах даже курсы всех наук... Я была наблюдательной девушкой и, изучая характеры людей, легко отличала хитрых от лживых, дураков от умников, капризных от неприхотливых. Я подмечала разные оттенки настроений, могла по шагам отличить, в каком душевном состоянии ко мне подошел покупатель. Я безошибочно научилась узнавать чувства людей: любят ли они друг друга, уважают или ненавидят. Иногда мне казалось, что я догадываюсь о намерениях своих клиентов... Мой юный друг, я жила в своей стихии, ибо для меня нет и никогда не было ничего более интересного, важного, притягательного, чем узнавать психологическую природу человека!

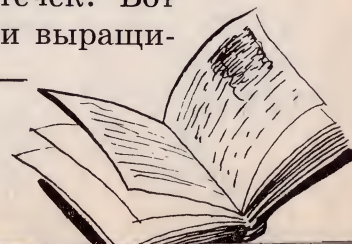
Федосья Рюриковна так вдохновенно произнесла этот монолог, что я восхищенно подумал: «Здорово! Сажу как в театре».

— Именно, — согласилась великолепная проницательная старуха. — Нако-

нец-то ты понял: не продажа цветов составляла мое призвание, а мир людей с его светлыми и темными тайнами.

Цветы в магазин, где я три раза в неделю работала, привозили несколько крестьян из окрестных местечек. Вот уже много лет эти труженики выращи-

вали и пестовали благоухающий товар в своих альпийских садиках.

Хозяйка цветочного магазина — добрая пожилая фрау была замечательной особой: она любила цветы, умела их сохранять долгое время свежими, радующими глаза и душу. По утрам она пела оперные арии на пяти языках мира. Между прочим, волосы хозяйка красила в бледно-розовый цвет, утверждая, что этот оттенок прекрасно гармонирует с ее глазами.

В доме фрау была огромная библиотека, посвященная цветам. Кстати, моя хозяйка обожала читать еще и приключенческие романы. А поскольку она не страдала ни угрюмостью, ни жадностью, ни человеконенавистничеством, то позволяла и мне пользоваться своей сокровищницей — книжным шкафом. Вечера мы проводили в гостиной вдвоем, при свете ламп, читая или беседуя о курортниках.

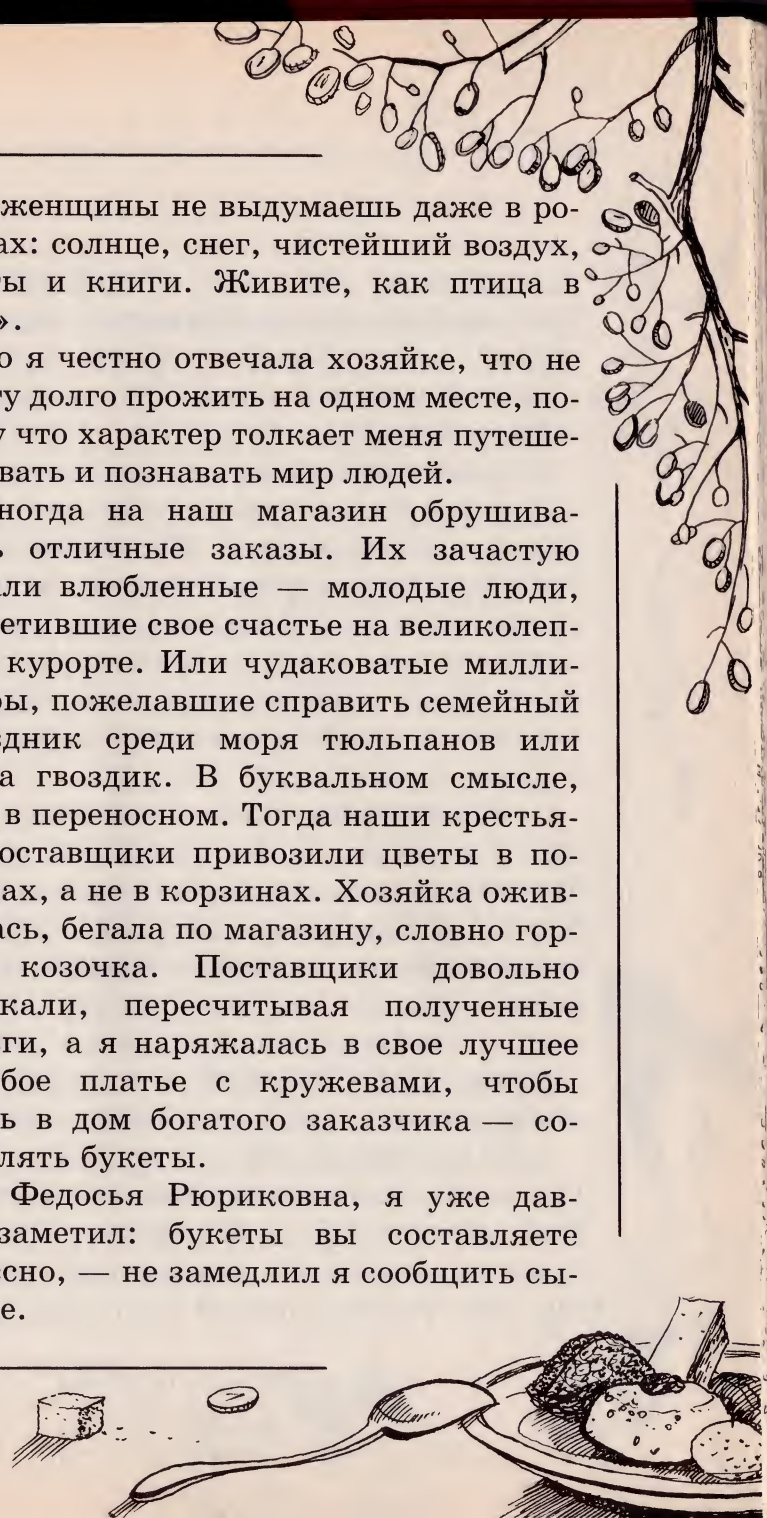
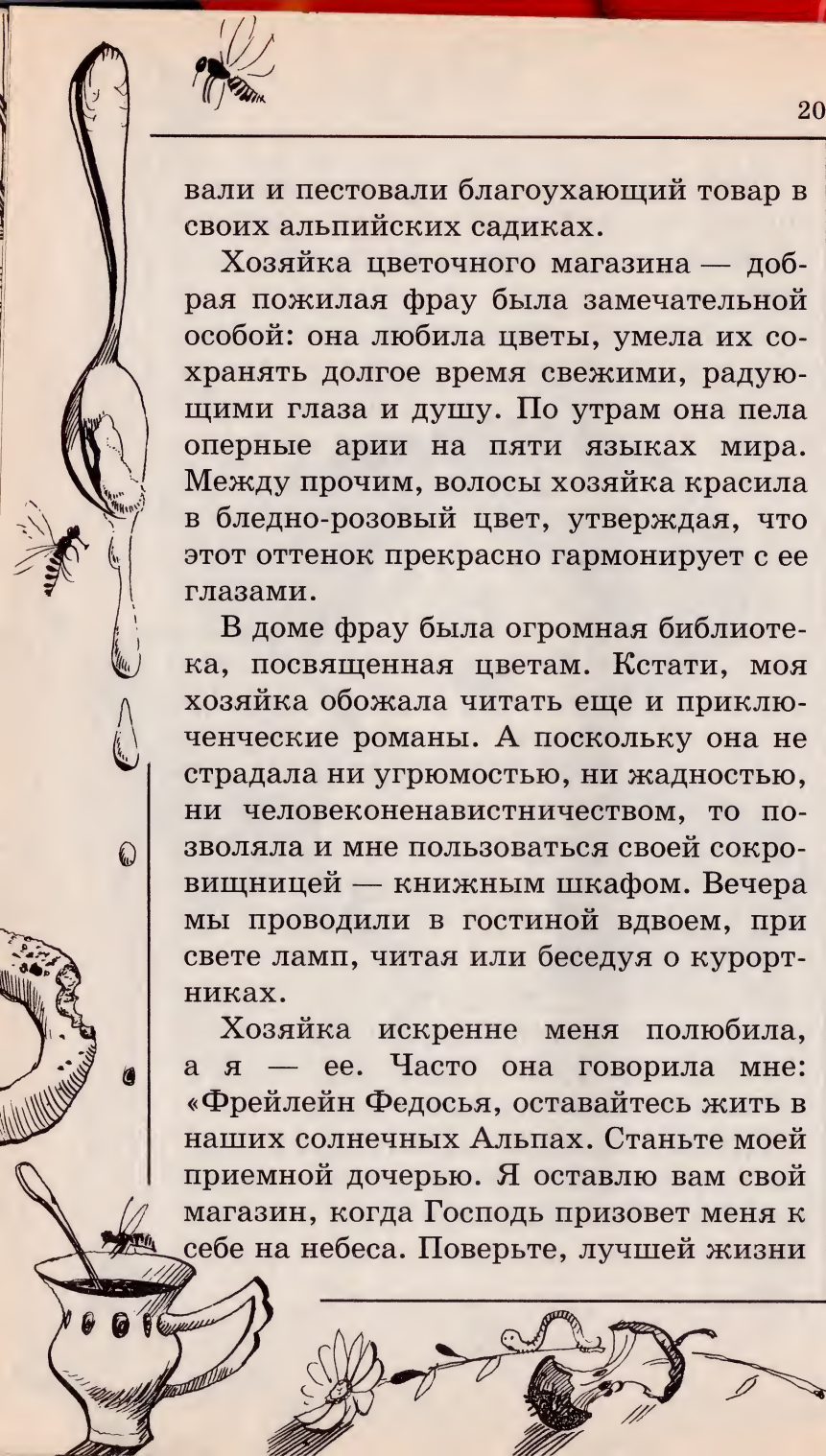
Хозяйка искренне меня полюбила, а я — ее. Часто она говорила мне: «Фрейлейн Федосья, оставайтесь жить в наших солнечных Альпах. Станьте моей приемной дочерью. Я оставлю вам свой магазин, когда Господь призовет меня к себе на небеса. Поверьте, лучшей жизни

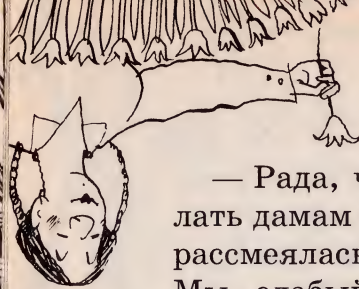
для женщины не выдумаешь даже в романах: солнце, снег, чистейший воздух, цветы и книги. Живите, как птица в раю».

Но я честно отвечала хозяйке, что не смогу долго прожить на одном месте, потому что характер толкает меня путешествовать и познавать мир людей.

Иногда на наш магазин обрушивались отличные заказы. Их зачастую делали влюбленные — молодые люди, встретившие свое счастье на великолепном курорте. Или чудаковатые миллионеры, пожелавшие справить семейный праздник среди моря тюльпанов или озера гвоздик. В буквальном смысле, а не в переносном. Тогда наши крестьяне-поставщики привозили цветы в повозках, а не в корзинах. Хозяйка оживлялась, бегала по магазину, словно горная козочка. Поставщики довольно хмыкали, пересчитывая полученные деньги, а я наряжалась в свое лучшее голубое платье с кружевами, чтобы ехать в дом богатого заказчика — составлять букеты.

— Федосья Рюриковна, я уже давно заметил: букеты вы составляете классно, — не замедлил я сообщить сыщце.

— Рада, что ты успешно учишься делать дамам комплименты! — раскатисто рассмеялась Федосья Рюриковна. — Мы, слабый пол, нуждаемся в сладких словах, как поющий соловей нуждается в теплой майской ночи... Но — продолжаю дальше!

В этом месте рассказа мы с сыщицей положили в свои тарелки вдоволь зефира, халвы и пряников. Я зачерпнул несколько ложек меда и отправил их одну за другой в рот. Если бы мама увидела меня в эту секунду, она бы пришла в ужас. «Есть столько сладкого — это преступление!» — закричала бы она непременно.

— Размеренная жизнь в Альпах, мой юный друг, текла своим чередом, цветы благоухали, наш альпийский курорт работал без перебоев, — загудела великая сыщица, болтая ложкой в чашке. — И я даже написала письмо родному семейству. Запомни, милый: родных нельзя держать до бесконечности в неведении, иначе может случиться непоправимое.

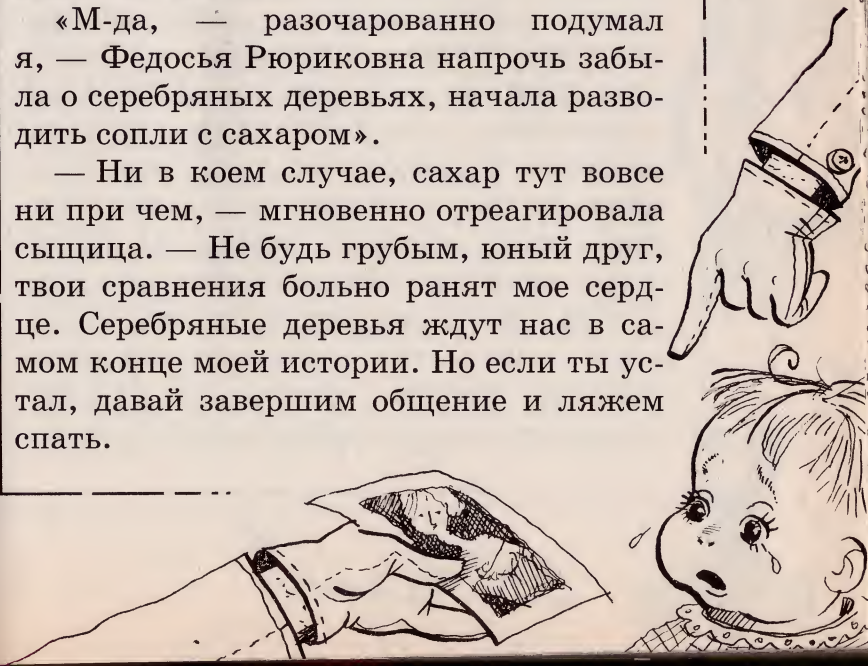
— Непоправимое? — удивился я. После съеденного меда мои губы с трудом разлепились. — По-моему, когда я без спроса гуляю во дворе или сижу у Митьки из двенадцатой квартиры, мои

родичи счастливы и наслаждаются свободой.

— Это тебе только так кажется, — мудро возразила Федосья Рюриковна. — Родители всегда волнуются о любимом чаде, даже во сне, не то что наяву... Я же через пять месяцев житья-бытья в Альпах загрустила не на шутку, так затосковала по родным, что готова была вслед за своим письмом помчаться назад, в родной город, чтобы обнять батюшку, поцеловать матушку, потрепать по щекам братьев и сестер. И еще я так захотела брусничного варенья — хоть плачь! Замечу в скобках: в Альпах брусника не растет, так же как и клюква, голубика и костяника. Ягоды моей родины и детства.

«М-да, — разочарованно подумал я, — Федосья Рюриковна напрочь забыла о серебряных деревьях, начала разводить сопли с сахаром».

— Ни в коем случае, сахар тут вовсе ни при чем, — мгновенно отреагировала сыщица. — Не будь грубым, юный друг, твои сравнения больно ранят мое сердце. Серебряные деревья ждут нас в самом конце моей истории. Но если ты устал, давай завершим общение и ляжем спать.

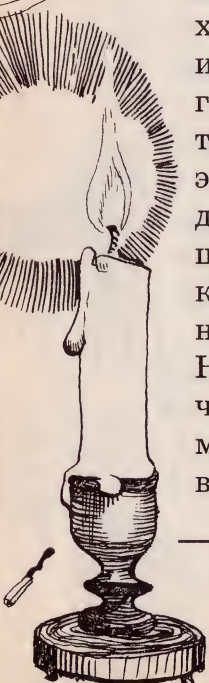

— Нет! — вскричал я. — Я готов слушать вас до зари! Нечестно: сами сказали, что откроете тайну, а сейчас предлагаете лечь спать.

— Ну ладно, оставим эту изнурительную воспитательную дуэль. Ссоры сокращают годы, милый. Давай жить в мире, — примирительно пробасила Федосья Рюриковна. — Слушай, что произошло в Альпах дальше.

Сыщица затолкала в рот тульский пряник размером с мужскую ладонь. На прянике сахарной глазурью было выведено: «Семеро одного не ждут».

— Так вот, в те самые дни, когда я затосковала по родному очагу и готова была мило распрощаться с доброй хозяйкой цветочного магазина, произошло следующее, — проговорила госпожа Вечная, прожевав и проглотив пряник. — Из отеля «Солнечный эдельвейс», который находился неподалеку от цветочного магазина, пришла весть: у некоего господина Жака Сомье пропала жена. Из долины примчалась полицейская машина. Несколько полицейских не нашли ничего лучше, как ходить по людным местам нашего курорта и показывать встречным-поперечным фотогра-

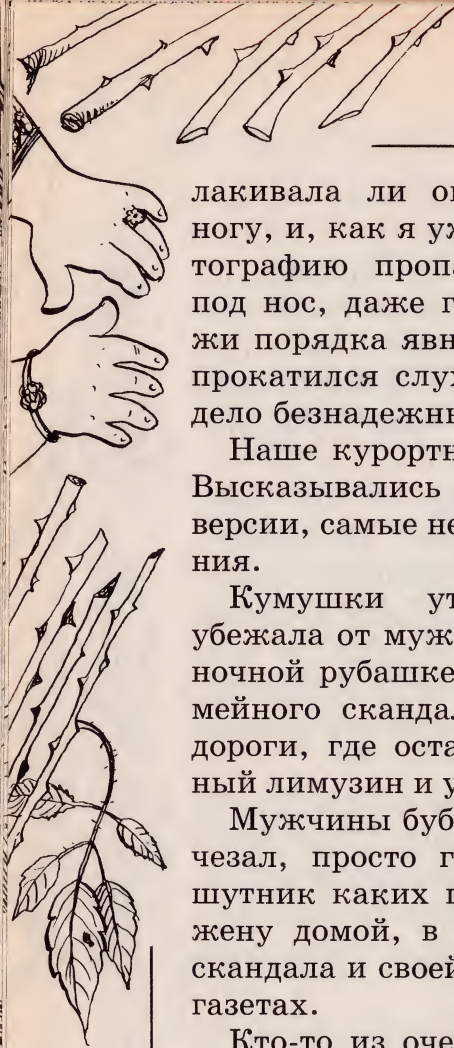
фию миловидной белокурой женщины... Знаешь ли, милый, моя длинная жизнь доказала следующее правило: на всякую редкую скрипку должен найтись свой виртуоз Паганини, а на любой загадочный случай или преступление должен отыскаться свой Шерлок Холмс.

В том далеком теперь от нас году, когда я — розовощекая девушка — сидела в цветочном магазине и продавала цветы пестрой альпийской публике, никто, в том числе и я сама, не мог предположить, что тайну исчезнувшей блондинки предстоит раскрыть именно мне.

Федосья Рюриковна не спеша отпила чай, съела три ложки меда. Ее малиновое платье со шлейфом прелестно искрилось и еле слышно шуршало. Я весь обратился в слух. Наконец-то начинается самое интересное!

— Полицейские вели себя глупо, — сказала будничным голосом прославленная сыщица. — Они круглые сутки топтались в отеле «Солнечный эдельвейс», бесконечно расспрашивали господина Жака Сомье, во что была одета его жена перед исчезновением, были ли у нее на теле родимые пятна, не приво-

лакивала ли она левую или правую ногу, и, как я уже говорила, совали фотографию пропавшей женщины всем под нос, даже годовалым детям. Стражи порядка явно скучали, и по округе прокатился слух, что они считают это дело безнадежным.

Наше курортное местечко забурлило. Высказывались разные обывательские версии, самые невероятные предположения.

Кумушки утверждали: блондинка убежала от мужа глухой ночью в одной ночной рубашке после грандиозного семейного скандала. Убежала в сторону дороги, где остановила новенький черный лимузин и укатила в долину.

Мужчины бубнили: мол, никто не исчезал, просто господин Жак Сомье — шутник каких поискать. Сам отправил жену домой, в Париж, а теперь ждет скандала и своей фотографии в местных газетах.

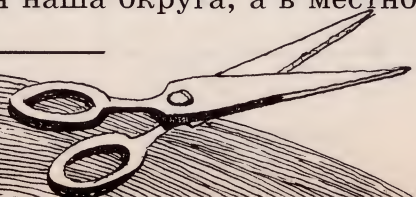
Кто-то из очевидцев клялся, что видел в горах снежного человека: он-то якобы и тащил жену господина Сомье в свое поднебесное логово. Несчастливая женщина без чувств, как сноп, свисала с могучего волосатого плеча.

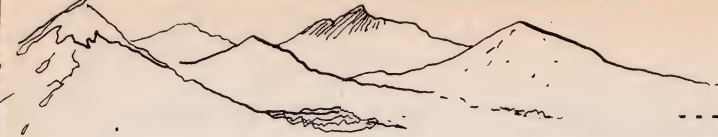
Версию о снежном человеке высмеяла вся наша округа, а в местной газете по-

явилось скромное объявление, что тому, кто сообщит, где находится Лили Сомье (так звали горемычную блондинку), господин Жак Сомье заплатит хороший гонорар.

Спустя два дня после случившегося из отеля «Солнечный эдельвейс» в цветочный магазин, где я служила, пришел слуга и попросил мою хозяйку прислать в номер господина Жака Сомье девять темно-красных роз...

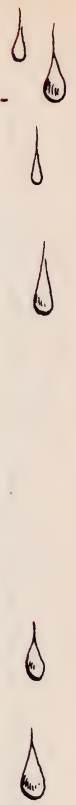
В этом месте своего повествования Федосья Рюриковна снова отхлебнула чай, пожевала пастилу и отправила в рот семь баранок, одну за другой. Потом она спросила:

— Не зажечь ли нам свечи, милый? Стемнело, а детективные истории при свете свечей слушаются особенно увлекательно.

Конечно, Федосья Рюриковна Вечная была права. В комнате стало так темно, что я плохо различал лицо великой сыщицы. Но если ты не видишь собеседника, у тебя остается впечатление, что ты беседуешь с привидением.

Зажечь свечи оказалось минутным делом, и вот в теплом шевелении пламени Федосья Рюриковна продолжила рассказ, который все больше и больше захватывал меня.

— Хозяйка цветочного магазина, милый, участливо начала расспрашивать слугу о состоянии здоровья господина Жака. Слуга пожал плечами и ответил: «Здоров как бык. Вчера на лыжах ходил в горы». «Бедняжка! — твердила свое хозяйка. — Ему, верно, так одиноко, так неуютно». Слуга вновь пожал плечами, пробубнив: «Я за постояльцами не слежу, я не полицейский, но в

горы вчера господин Сомье ходил — это точно». «Не послать ли нам господину Сомье розы персикового цвета? Они более свежие, с каплями утренней росы», — поинтересовалась хозяйка у посыльного. «Думаю, что не надо, — ответил слуга. — Господин Сомье просил темно-красные розы». «А может быть, его заинтересуют розовые гвоздики? У наших гвоздик полуметровые стебли, это признак отличного качества», — не отставала хозяйка от посыльного. «Сказано же, девять темно-красных роз. О гвоздиках или маргаритках я не слышал», — твердил свое слуга. «Вот погляди, любезный, свежайшие лилии цвета львиной шкуры — совершенно замечательный получится букет», — наступала моя добрая пожилая фрау. Ей так хотелось угодить потерпевшему господину Сомье.

«Не-а, — упорствовал парень, — не трудитесь морочить мне голову. Я согласен только на девять темно-красных роз. Господин Сомье любит, чтобы его указания выполнялись тютелька в тютельку. Раз он настаивает на розах, значит, именно они ему нужны».

«А зачем господину Сомье цветы? — вдруг спросила хозяйка. — У него же та-

кое несчастье, а он...» «Насколько я понял, он хочет поставить их перед портретом горячо любимой женушки, — терпеливо пояснил слуга. — Так что доложить господину Сомье?» «Скажи ему, что через полчаса цветы будут у него в номере», — любезно завершила беседу хозяйка. Слуга, поклонившись, удалился.

Сыщица, уставившись на горящие свечи, замолчала. Пауза длилась около минуты. Может быть, моя предводительница вспоминала детали той давнишней истории?

— Милый мой друг, — наконец прокотала Федосья Рюриковна с новыми силами, — в продолжение разговора хозяйки цветочного магазина и посыльного из отеля «Солнечный эдельвейс» мне не давала покоя одна мысль. Она пронзила меня в самом начале, и, после того как посыльный ушел, я, образно выражаясь, болталась на этой мысли, как рыба на крючке. «Почему господину Жаку Сомье понадобилось девять темно-красных роз? Если он хочет поставить их к портрету жены, значит, ее нет в живых? Но в таком случае положено приобретать четное количество роз — четыре, шесть, восемь».

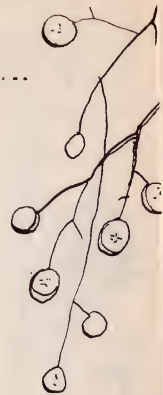

«Фрейлейн Федосья! — энергичным возгласом привела меня в чувство хозяйка. — Собирайтесь, голубушка! Вы отнесете господину Сомье заказ».

О, я совершенно забыла сказать тебе, мой самый внимательнейший слушатель, что в мои обязанности входило не только красоваться за прилавком, но и разносить заранее заказанные букеты клиентам. Поэтому, не мешкая, я собралась в дорогу. Конечно, вместе с хозяйкой мы придирчиво отобрали девять темно-красных роз. Они источали сладкий, волнующий аромат.

Когда я добралась до отеля «Солнечный эдельвейс», стоял уже полдень. На горизонте сияли хрустальными шапками альпийские вершины, небо синело ласково и приветливо, а воздух был такой свежий, что я не дышала, а пила его полной грудью, как божественный нектар.

В холле отеля меня остановил портье, с которым мы были хорошо знакомы. Высокий, нос и уши в веснушках, довольно туповатый малый лет двадцати, звали его Ганс. Он сказал: «Фрейлейн Федосья! Господина Сомье нет сейчас в номере, поставьте, пожалуйста, цветы

сами. Я дам ключ». При этом он густо покраснел, опустив глаза.

«Хорошо, — кивнула я, — Ганс, ответь мне на один вопрос: муж и жена Сомье крепко не ладили друг с другом?» «Чепуха, она его просто обожала, а он ходил чернее тучи. Может, дела у него какие не ладились?» — Ганс покраснел еще сильнее.

«Ты прав, — согласилась я, — на мужчин частенько по разным пустякам находит хандра». «Но теперь-то он, этот господин Сомье, понял, какую жемчужину потерял, — продолжал поддерживать разговор Ганс. — Всем твердит, что не может жить без своей Лили, мол, места себе не находит после ее исчезновения. А когда она была здесь, я думал: господин Сомье устал от супружеского бремени, явно же нушкой тяготился. Но, может, я чего не понимаю в семейных отношениях?» Тут лицо Ганса стало пунцовым, будто переспевший помидор. Я тогда про себя решила: «Если мы поговорим еще минуту, Ганса хватит кондрашка». Поэтому, взяв ключ, я поднялась в номер господина Сомье...

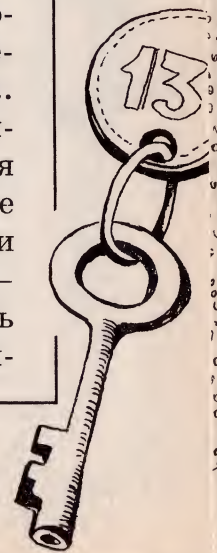
Федосья Рюриковна не забывала делать утомительные паузы. На этот раз

она отправляла в рот одну за другой ложки варенья и хрупала печеньем, а я, мне кажется, уже перестал дышать. Уже кое-какие соображения бродили в моей голове, и по довольному похмыкиванию сыщицы я сделал выводы — стою на верном пути к разгадке.

— Так, так, так, — подбодрила меня Федосья Рюриковна. — Ты правильно думаешь: мадам Сомье никуда сама собой не исчезала. Видимо, мои уроки пошли тебе впрок.

— Она... умерла? — спросил я немного осевшим голосом.

— Не спеши, будем двигаться по порядку. Надо заметить, мой милый, иногда сущая безделица, случай определяет судьбу человека. Вот, например, гениальному Ньютону свалилось на голову яблоко, и он осчастливил человечество открытием закона всемирного тяготения. Заметь, мир будет передавать имя Ньютона из века в век. А возьмем русского царя Петра Великого. В детстве он панически боялся воды — речной, озерной, морской, все равно. Царя трясло при виде волн и водной глади. Но его воспитатель — дядька, как тогда говорили, — князь Борис Алексеевич Голицын, хитроум-

ным способом излечил царя-отрока от водобоязни. Идея этого способа пришла в голову князя совершенно случайно. И вот результат — Россия под предводительством Петра вышла к морям, создала несокрушимый флот. Или... Да зачем нам нескончаемая вереница исторических примеров? Дурацкая случайность, настигшая меня после беседы с портье Гансом, повлияла на всю мою оставшуюся жизнь.

Сыщица опять сделала паузу. Мощно трещали свечи. Сердце мое почти не билось, мысли витали в Альпах, в курортном местечке. Я видел розовощекую девушку с умными наблюдательными глазами, которая стояла в коридоре отеля, напротив двери одного из номеров. В руке она держала ключ.

— Когда я открыла дверь в номер господина Сомье, — продолжала, промочив чаем горло, неутомимая сыщица, — жуткий сквозняк распахнул окна — вот она величайшая из случайностей! — и все, лежавшее на столе, полетело на пол. И фотография Лили, и бумажник господина Сомье, и карандаши, и шляпа, и блокнот, еще какие-то безделушки. Устояла лишь хрустальная ваза...

Мой юный друг, признаюсь: перепугалась я страшно, опустилась на колени, быстро начала собирать упавшие предметы... Да, да, если бы не тот альпийский сквозняк, я никогда, верно,

не начала бы заниматься детективной практикой.

За считанные минуты мне удалось справиться с нелегкой задачей. Особенно пришлось повозиться с бумажником. Упав, он распахнулся, и деньги, счета,

записки вывалились на пол. Денег оказалось достаточно для того, чтобы судить о парижанине как о состоятельном человеке. Будь я жуликоватой девчонкой, то утащила бы пару-другую хрустящих купюр. Но я, заметь, милый, не дурного воспитания, никогда не возьму себе чужого, ибо украденное не украшает человека, а приносит несчастья, разочарования, болезни. И тебе в будущем не советую марать руки о чужое добро. Договорились, милый?

В голосе великой сыщицы прозвучала искренняя надежда на мой светлый, честный завтрашний день. Я не мог расстраивать Федосью Рюриковну. Да и, если честно говорить, в мои планы на будущее не входило стать рецидивистом.

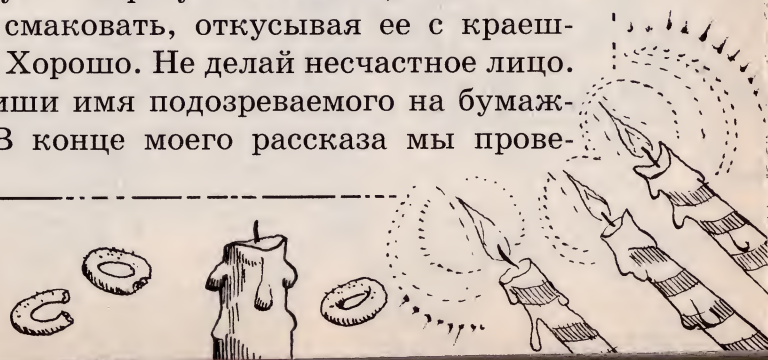
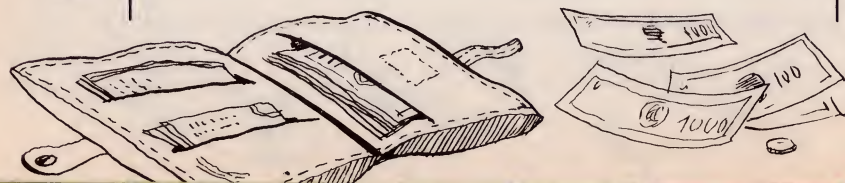
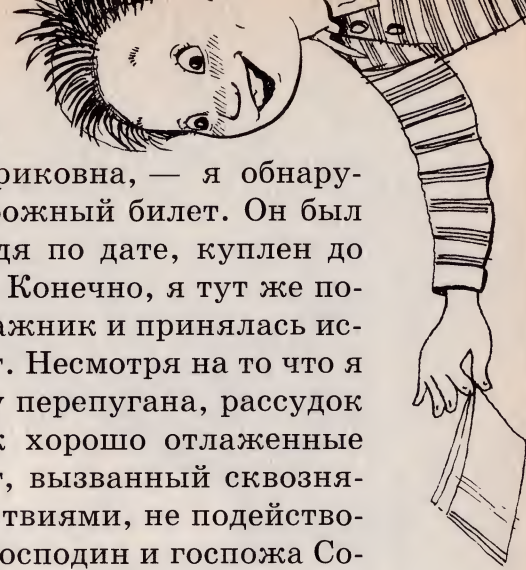
— Договорились, — согласился я. — Руки о чужие вещи марать не буду... Но не уходите от главной темы, пожалуйста.

— Хорошо... Твои напоминания, мой юный друг, пробуждают во мне все новые и новые воспоминания. Точнее, их мельчайшие детали... Итак, в Альпах, в отеле «Солнечный эдельвейс», в номере господина Жака Сомье, под столом, — продолжала монотонным голо-

сом Федосья Рюриковна, — я обнаружила железнодорожный билет. Он был до Парижа и, судя по дате, куплен до отъезда в Альпы. Конечно, я тут же положила его в бумажник и принялась искать второй билет. Несмотря на то что я была не на шутку перепугана, рассудок мой работал, как хорошо отлаженные часы: даже испуг, вызванный сквозняком и его последствиями, не подействовал на него. Раз господин и госпожа Сомье приехали на курорт вдвоем, они должны вместе возвратиться в Париж... Увы, второй билет никак не находился, а мне пришлось на четвереньках облазить все углы номера.

— Федосья Рюриковна, можно я назову имя того, кто был повинен в исчезновении Лили Сомье? — свистящим лихорадочным шепотом спросил я. Меня пронзила одна гениальная догадка, и я хотел показать сыщице, что я достойный ее ученик.

— Нет! Не говори! — трагически вскрикнула она. — Ты же не ешь шоколадную конфету с начинки, а начинаешь смаковать, откусывая ее с краешка... Хорошо. Не делай несчастное лицо. Напиши имя подозреваемого на бумажке. В конце моего рассказа мы прове-

рим, насколько у тебя развилось чувство интуиции.

Свечи роняли на скатерть быстрые, горячие капли воска. Я схватил бумажную салфетку и нацарапал на ней два слова.

— Прекрасно, — удовлетворенно сказала Федосья Рюриковна. — Теперь давай сюда свое гениальное предположение, я спрячу его под конфетницу.

Кому-то будет трудно поверить, но у меня было ощущение, что именно я расследую странное исчезновение, происшедшее много лет назад в Альпах. Именно я несу букет темно-красных роз в отель «Солнечный эдельвейс». Именно я беседую с портье Гансом о жизни супругов Сомье. Именно я ползаю на четвереньках по номеру в поисках второго обратного железнодорожного билета.

— Продолжаю не мешкая, — донесся до меня звучный голос Федосьи Рюриковны. — Пока я ползала по номеру, дверь с треском распахнулась и на пороге предстал господин Сомье. На вид ему было лет тридцать пять с хвостиком. Он носил густую черную шевелюру. Глаза имел черные, с синеватыми белками. И ты не поверишь, мой юный

друг, — господин Сомье пребывал в прекрасном расположении духа. В номер он вбежал пританцовывая, мурлыча песенку из модной в то время оперетки. Увидев меня, он остановился как вкопанный, лицо его нахмурилось, и он спросил недовольно: «Фрейлейн, кто вы и что делаете здесь, на полу?» Я начала бормотать извинения, объяснять про сквозняк, он делал вид, что страшно разозлился. Но я-то видела: он хотел, чтобы я побыстрее ушла. «Вот ваши цветы, господин Сомье, — мне пришлось сделать выразительный книксен. Милый, если ты не знаешь, что такое книксен, поясню: изящный замысловатый поклон... — Как вы заказывали, господин Сомье, самые лучшие темно-красные розы из нашего магазина».

Парижанин моментально скорчил скорбную мину. К слову добавлю, за свою долгую жизнь я заметила: половина человечества — неплохие актеры... Господин Жак был одним из них, он пробормотал: «Бедная Лили... Я поставлю этот букет к ее портрету... Она так любила розы цвета раздавленной вишни».

После чудесно сыгранной господином Сомье мизансцены я покинула отель

«Солнечный эдельвейс». Но — свершилось! В моей душе проснулась жажда проникновения в тайны странных, необъяснимых вещей и ситуаций. Эта жажда на-

чала сжигать мне душу, томить меня, — о-о, адовы муки! — и я понеслась в цветочный магазин, чтобы объявить своей хозяйке о том, что после обеда мне необходим отпуск до следующего утра.

Как ты думаешь, мой верный слушатель, какие вопросы не давали мне покоя?

Федосья Рюриковна победно сверкнула глазами, начала жадно поглощать остывший чай. Звук этого поглощения был такой, будто слон чавкает ногами-тумбами по болоту.

— Вас удивило веселье господина Со-мье, да? — неуверенно спросил я.

— Да. Удивило. Но не это главное.

— Наверное, еще удивил букет роз... Вы совсем недавно сказали, что число цветов озадачило вас...

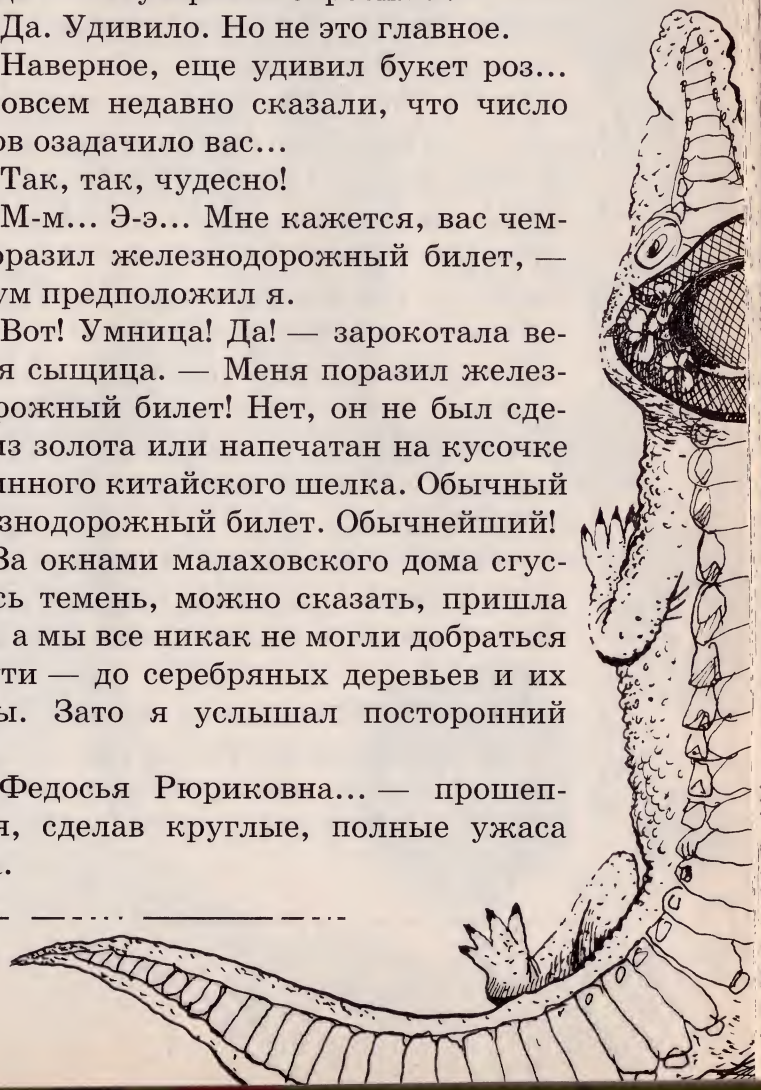
— Так, так, чудесно!

— М-м... Э-э... Мне кажется, вас чем-то поразил железнодорожный билет, — наобум предположил я.

— Вот! Умница! Да! — зарокотала великая сыщица. — Меня поразил железнодорожный билет! Нет, он не был сделан из золота или напечатан на кусочке старинного китайского шелка. Обычный железнодорожный билет. Обычайший!

...За окнами малаховского дома сгустилась темень, можно сказать, пришла ночь, а мы все никак не могли добраться до сути — до серебряных деревьев и их тайны. Зато я услышал посторонний шум.

— Федосья Рюриковна... — прошептал я, сделав круглые, полные ужаса глаза.

— В чем дело, милый? Тебя укусил комар? — невозмутимо пробасила Федосья Рюриковна.

— Нет... Рядом с домом кто-то ходит... Скрипит песок... — отрывистым шепотом сообщил я. Наверное, так в боевых условиях разведчики докладывают своим командирам информацию, полученную о противнике.

— Ну не крокодил же там заплутал. — Великая сыщица решительно встала, направилась к стеклянным дверям, распахнула их. — Иго-го-го! — прокричала она помолодевшим, чистым басом. — Кто бы ты ни был, крадущийся в ночи, выходи, куда цел!

Внезапно из темноты вынырнула фигура — в шляпке с искусственными анютиными глазками на полях, прозрачном полиэтиленовом плаще и с корзиной в руках.

— Здрасьте, госпожа Утуткина, давно не виделись! — обрадовалась сыщица. — Вы собираете в моих ночных джунглях грибы?

Госпожа Утуткина — женщина неопределенного возраста, с длинным мясистым носом и длинными бесцветными губами — засмеялась дребезжащим смехом.

— Добрый вечер, добрый вечер, госпожа Вечная! Слава богу, я наконец-то застала вас дома. Вы правы, я собираю. Но не грибы — это было бы слишком экзотично, грибы под звездами. Я собираю денежки на компьютер нашему дачнику господину Макарону. У него скоро день рождения... Кто сколько может подать, — сообщила Утуткина.

— Скажите, любезная, а дождевальная установка «Серебряные струи» пока никому не сгодится в подарок? — поинтересовалась моя предводительница. — Она стоит сущие пустяки: столько, сколько автомобиль «мерседес».

— Ой, вы все шутите, госпожа Вечная! Господин Макарон — очень нужный человек для нашего дачного кооператива, работает в банке. Понимаете? — Утуткина произнесла слово «понимаете» глубинным, многозначительным голосом.

— Отчего же не понять — понимаю, — заверила дачную общественницу сыщица. — И по сколько дачники дают денег?

— Кто рубль. Кто три... — засуетилась Утуткина.

— Хорошо. Я пожертвую на компьютер пять рублей. Мой юный друг, — об-

ратилась Федосья Рюриковна ко мне, — мы ничего не потеряем, если не купим завтра лишние триста граммов ванильной пастилы?

— Ничего, кроме пастилы, — оптимистично заверил я.

— Прекрасно! Госпожа Утуткина, вот вам деньги. Я надеюсь, банкир Макарон наконец-то обретет счастье в этой жизни.

Утуткина схватила пять рублей и бросила их в корзинку. Затем ее фигура растворилась в темноте, а мы с Федосьей Рюриковной возвратились к чайному столу.

— В прошлый раз госпожа Утуткина спрашивала меня примерно в такое же темное время, как пройти в библиотеку, — задумчиво сказала великая сыщица. — Она следит за мной, и, сознаюсь без дураков, это радует мое старое сердце детектива. Запомни: если кто-то за тобой наблюдает, значит, ты кому-то еще интересен в этом мире.

— Вы интересны не одной госпоже Утуткиной, но и мне, — тихо сказал я.

— Спасибо за искренность, милый, — торжественно проговорила Федосья Рюриковна. — Я тронута, готова просле-

зиться, а впрочем, лучше продолжу историю про серебряные деревья.

Итак, когда я добралась до цветочного магазина, то незамедлительно попросила мою хозяйку об отпуске до следующего утра. Естественно, она мне не отказала. Я переделалась в лыжный костюм — знаешь, такие элегантные шерстяные ультрамариновые трико и такого же цвета куртку, — натянула теплую шапку и отправилась восвояси. Мой путь лежал к лыжной станции, где я взяла напрокат лыжи.

Хозяин милого заведения оказался на редкость словоохотливым и на мои вопросы о том о сем сообщил, что несколько дней назад, когда уже стемнело, к нему пришла пара. Он — черноволосый, высокий, она — хрупкая блондинка. Пара взяла напрокат лыжи. «Удивительно, — подумала я, слушая хозяина лыжной станции, — почему до говорливого старика не добралась полиция с фотографией пропавшей?»

— Уважаемый, — сказала, помнится, я, — и когда же те двое закончили свою лыжную прогулку? Наверное, при луне?

— Ничего подобного. В тот вечер не было луны, мела поземка, фрейлейн.

Закончил же прогулку один господин, без спутницы лишь на следующее утро. Да, да, он возвратил мне обе пары лыж утром. Конечно, я плохо спал ночь, думал, что мои лыжи украли. Наутро господин объяснил мне, что его жене на прогулке стало плохо-вато, она упала, сломала лыжу, и он был вынужден проводить ее до отеля. Рано утром господин помчался в спортивную лавку, чтобы купить новую пару лыж взамен сломавшихся... Но какое дело мне до его жены? Мне главное, чтобы лыжи были в целости, а если нет, то я всегда строг, беру немалый штраф. Ведь не дело, если каждый курортник будет ломать или не возвращать лыжи. Тогда закрывай лавочку! А ведь лыжи напрокат — мой бизнес.

— В какую сторону поехали в тот вечер романтические муж и жена? — зада-ла я новый вопрос.

— Э-э... М-м... — задумался хозяин. — Собственно, зачем вам-то это знать?

— Затем, чтобы немедленно испытать романтические чувства, как те двое. Видно, они знают толк в подобных вещах.

Конечно, мой ответ был слишком наивным, дурацким, как я бы сейчас отметила, но учти: та давнишняя история была моим первым детективным делом. Вне всякого сомнения, я допускала ошибки и промахи. Хозяин лыжной станции, к счастью, не удивился моему ответу, он даже обрадовался:

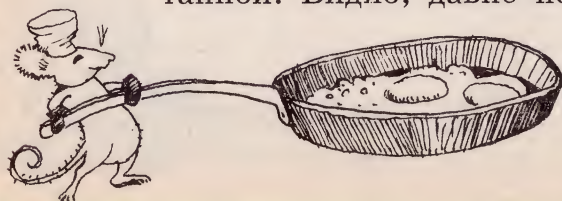
— Хорошо, симпатичная фрейлейн, я покажу вам их маршрут. Он действительно необычен. Последнее время наши отдыхающие любят кататься вон с того пологого склона, а эта пара сразу повернула от лыжной станции направо и исчезла в тех высоких елях.

— В старых елях?

— Да. За ними довольно крутой спуск и небезопасный. Но какое мне дело, любезная фрейлейн, кто и где хочет сломать себе шею? Мне главное — лыжи. Верни в целости, а там хоть по небу катайся, — заключил хозяин лыжной станции.

Я поблагодарила его за разговор, встала на лыжи и покатила в сторону мохнатых высоких елей, пружинивших ветвями на ветру.

Лыжня, мой друг, ведущая к старым елям, оказалась совершенно нераскатанной. Видно, давно по ней никто не

мчался, а вчерашний снег и вовсе основательно ее забил. Но я упорно шла к цели, потому что интуиция и надежды на раскрытие преступления не покидали меня ни на минуту. Когда старые ели остались позади, я увидела довольно короткий, крутой спуск, а за ним — обрыв. Знаешь, я всегда отличалась неплохим зрением, но тот обрыв различила с трудом. Кругом было белым-бело, все сливалось в глазах, вдалеке мерцали вершины Альп. Э, да что говорить: мне повезло, что я не помчалась с молодецким гиканьем в белую яму навстречу смерти.

Очень и очень осторожно, боковым шагом я доковыляла до края обрыва и заглянула вниз. Сначала я ничего не заметила, но когда глаза мои привыкли к молочному снегу, я различила на белом полотне небольшое возвышение. Ты не поверишь, милый, я увидела, рядом с ним торчала лыжная палка!

— Так вы обнаружили труп госпожи Сомье? — прошептал я.

— Увы и да. Именно я обнаружила его первой, — вздохнула Федосья Рюриковна.

— Вы сразу побежали в полицию? — воскликнул я.

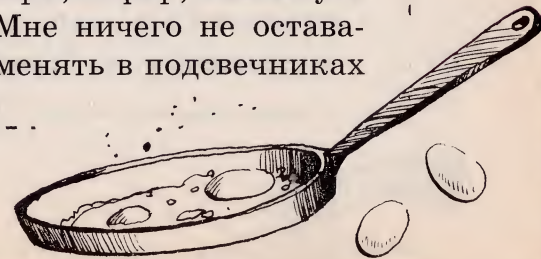
— Конечно нет. Я должна была понять основное: почему мадам Сомье, беспечная парижанка, лежала мертвая на склоне Альп, а ее муж заказал в свой номер девять роскошных темно-красных роз? Мой друг, запомни: полиция, как собака, всегда под рукой — свистни, она, высунувши язык, примчится через секунду.

— Так что же вы стали делать? — Сердце мое бешено колотилось. — Скорее рассказывайте, скорее!

Тут Федосья Рюриковна внезапно поднялась из-за стола, с хрустом развела руки в стороны, расправила могучие плечи. Ее багряное платье со шлейфом засверкало, словно гора рубинов.

— Не торопись, милый. Давай-ка лучше заварим чаю и зажарим яичницу. Мне кажется, что мы сидим за пустым столом уже целую вечность.

Сыщица прошествовала на кухню и начала там колдовать. Она гремела сковородками, шкворчала яичницей, резала колбасу и сыр, открывала банку с моей любимой сгущенкой, высыпала из бесчисленных пакетов в вазочки печенье, баранки, сухари, зефир, пастилу и орехи в сахаре. Мне ничего не оставалось делать, как менять в подсвечниках

свечи. Это было задание предводительницы, которое она протрубила из недр кухни.

И вот во всеоружии мы снова уселись за стол.

— Итак, продолжаю! — провозгласила Федосья Рюриковна, проглотив приличный кусок яичницы. — После того как я обнаружила тело бедной мадам Лили Сомье, я не спеша вернулась на лыжную станцию. Там я вернула говорливому хозяину станции драгоценные лыжи, любезно с ним распрощалась и отправилась к отелю «Солнечный эдельвейс».

Мой знакомый портье Ганс, с которым мы мило поговорили в полдень, как всегда, был на своем месте, в холле. «Чем могу помочь вам, фрейлейн Федосья?» — сказал он и, как всегда, густо покраснел. «Послушай, Ганс, к господину Сомье, пока я отсутствовала, сегодня никто не приезжал?» — задала я вопрос. «Откуда вы знаете? — удивился он. — Приезжал. Юноша. Очень стройный, тощий. В синем бархатном берете. С большими зелеными глазами», — ответил пунцовый Ганс. «Милый Ганс, тебе не кажется, что ты описываешь женщину?» — задала я

свой следующий вопрос. «Нет, любезная фрейлейн Федосья, это все-таки был юноша, одетый в дорогой дорожный мужской костюм и мужские сапоги. Женщины так не одеваются». «По-

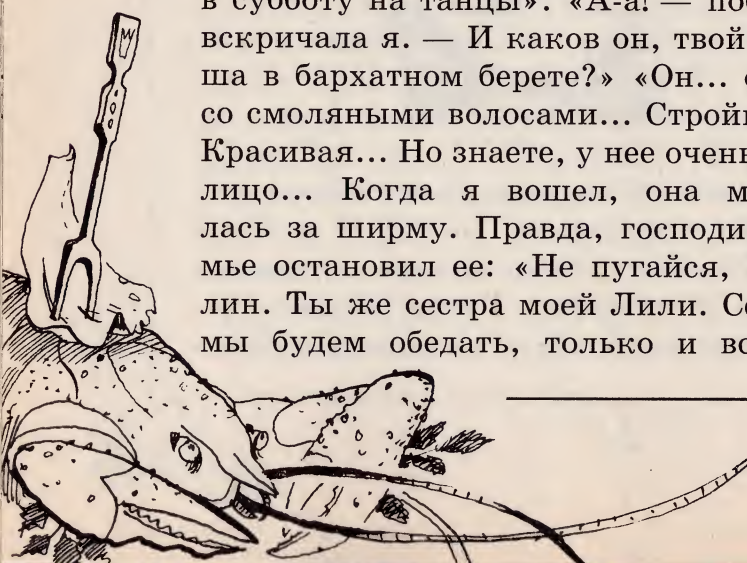

думаешь, дорогой костюм и сапоги, — начала злиться я. — Этот юноша уехал?» «Нет. Он в номере господина Сомье. А господин Сомье заказал довольно дорогой обед. С омарами и фран-

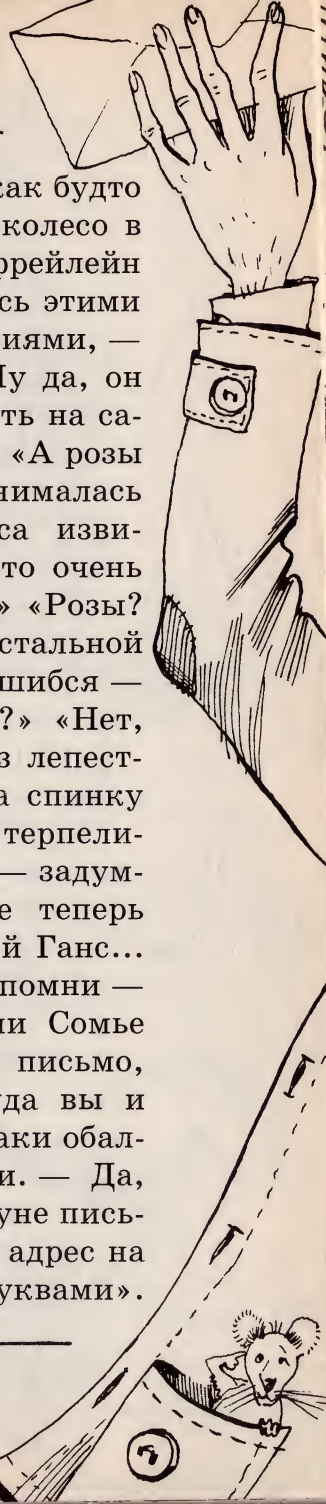

пузским шампанским. Я сейчас понесу обед наверх». «Вот и славно! — обрадовалась я. — Ганс, давай поспорим. Если ты увидишь, что у господина Сомье сидит женщина, я пойду с тобой в ближайшую субботу на танцы в отель «Хрустальные Альпы». «Спасибо, — сказал Ганс и стал совершенно невозможного красного цвета, как рак, обваренный кипятком. — А если я увижу юношу?» «Этого не будет! — заверила я Ганса. — Иди и не урони поднос с омарами! Я жду тебя здесь с нетерпением».

Не прошло и семи минут, как Ганс возвратился. Его щеки пылали, словно малиновые пионы, дышал он тяжело, будто после долгого бега. Он поставил пустой поднос на стойку, пролепетав: «Фрейлейн Федосья, вы идете со мной в субботу на танцы». «А-а! — победно вскричала я. — И каков он, твой юноша в бархатном берете?» «Он... она... со смоляными волосами... Стройная... Красивая... Но знаете, у нее очень злое лицо... Когда я вошел, она метнулась за ширму. Правда, господин Сомье остановил ее: «Не пугайся, Жаклин. Ты же сестра моей Лили. Сейчас мы будем обедать, только и всего».

«Странно, — сказала я. — Он как будто внушил ей, что она не пятое колесо в телеге, а сестра жены». «Ох, фрейлейн Федосья, вы всегда выражаетесь этими странными русскими сравнениями, — вздохнул пунцовый Ганс. — Ну да, он вроде подсказал ей, кто она есть на самом деле и как ей себя вести». «А розы темно-красного цвета? — не унималась я, заставляла шевелить Ганса извилинами. — Где они стояли? Это очень важно. Вспомни, Ганс, душка!» «Розы? Что розы? Они стояли в хрустальной вазе посреди стола». «Ты не ошибся — не у фотографии Лили Сомье?» «Нет, точно. Посреди стола. Один из лепестков даже оторвался и упал на спинку самого крупного омара», — терпеливо ответил алый Ганс. «Та-ак, — задумчиво пробормотала я. — Мне теперь почти все ясно, милый, добрый Ганс... А теперь поднапрягись и припомни — не отсылала ли госпожа Лили Сомье накануне своего исчезновения письмо, записку, телеграмму?» «Откуда вы и это знаете?! — Портье прямо-таки обалдел от моей проницательности. — Да, госпожа Лили отсылала накануне письмо, в таком розовом конверте, адрес на нем был написан печатными буквами».

«Что ты сделал с этим письмом?!!» — взревела я. «Как что, фрейлейн Федосья? Я отнес его на почту», — ответил Ганс.

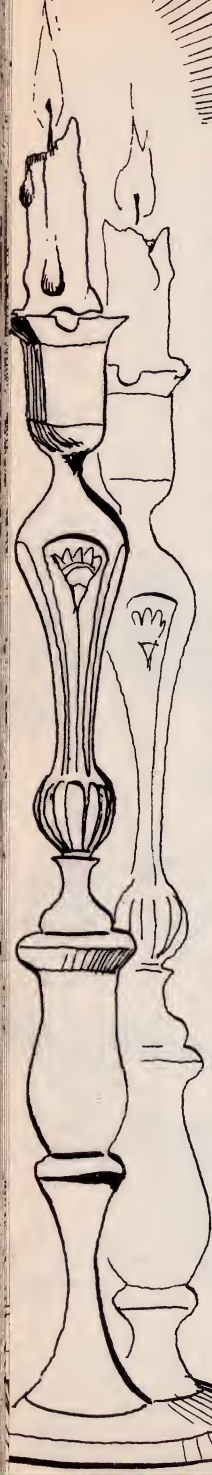
— О-о-о-о-о-о!

...Да, именно так застонала Федосья Рюриковна, вспомнив весь ужас давно минувшей минуты. Она не протянула гнусаво «О-о-о». Не выкрикнула коротко: «О!» Не пропела, жеманясь: «О-о!» Она застонала, как дикий зверь, раненный стрелой под лопатку. (Я, правда, никогда не видел подстреленного зверя, но в тот момент вообразил себе именно такую картину.) Стон великой сыщицы висел в воздухе десять или даже одиннадцать секунд.

В следующее мгновение, как он оборвался, ночная Малаховка начала наполняться тревожным собачьим лаем. Сначала залаяла собака с соседнего участка, ей откликнулась следующая, той — третья. Может быть, собакам показалось, что действительно ужасающий вопль принадлежит не человеку, а зверю, и они решили на него поохотиться?

— Федосья Рюриковна! — заорал я, перекрывая хор собачьих голосов. — Вам дать воды?!

— Нет, милый, не волнуйся. Чаю, — совершенно спокойно откликнулась она. — Не пугайся, ради бога, иногда я вживаюсь в свои старинные детективные истории заново, даю волю разбушевавшимся эмоциям... Ты только представь себе кошмар: тупица Ганс отнес письмо бедняжки Лили Сомье на почту! Письмо, в котором, как я предполагала, были все ключи к разгадке моего первого альпийского дела!.. Это известие поразило меня в самую чувствительную часть тела. Догадайся — какую?

— В печень? — предположил я. — Мой папа, когда спорит с мамой, всегда напоминает: «Только не бей меня в самую печень».

— Фи, какая проза, — скривила губы сыщица. Затем она нацепила на вилку последний кусок недавно зажаренной яичницы и с отменным аппетитом проглотила его. — В сердце, мой друг, в сердце... Но в следующую секунду я вспомнила: почта из нашего альпийского местечка уходит два раза в неделю... Ведь, не забывай, мой удивительный слушатель, события, о которых я рассказываю, происходили в начале двадцатого века, и, сам

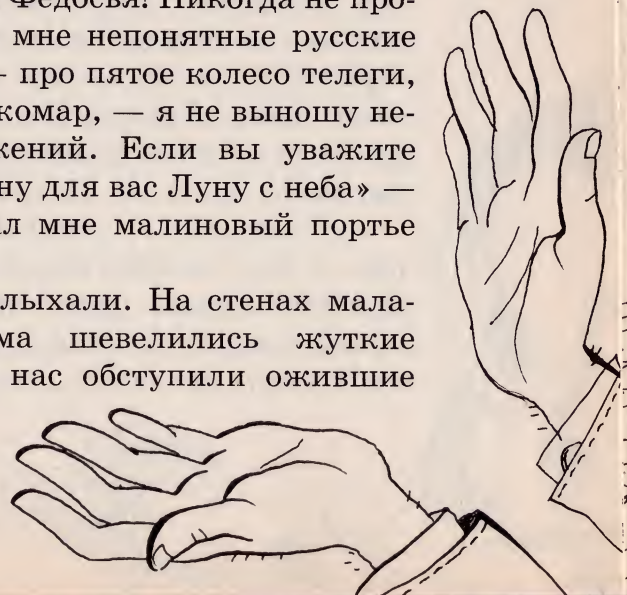

понимаешь, нынешней современной оперативности, я бы сказала — будничной суеты не было и в помине. Сейчас чихни — и через три секунды об этом узнает весь мир. А раньше сообщения двигались неспешно, особенно такого местного значения, как наше, альпийское.

«Дорогой, милый-премилый Ганс, — взмолилась я, — я пойду с тобой на танцы в «Хрустальные Альпы» не только в субботу, но и в воскресенье, если ты выпросишь письмо Лили Сомье у своего друга, почтальона Мартина. Оно должно уйти в долину только завтра утром, у нас есть еще несколько часов до наступления ночи, чтобы перехватить наиважнейший документ. Раздери меня комар!»

«Фрейлейн Федосья! Никогда не произносите при мне непонятные русские выражения — про пятое колесо телеги, про раздери, комар, — я не выношу неясных выражений. Если вы уважите меня, я достану для вас Луну с неба» — вот что сказал мне малиновый портье Ганс.

...Свечи полыхали. На стенах малаховского дома шевелились жуткие тени, словно нас обступили ожившие

герои давних событий. А ночь дышала вокруг дома Федосьи Рюриковны прохладой и свежестью, но нам с великой сыщицей было жарко.

— Милый, не буду утомлять тебя ненужными подробностями, — протрубила Федосья Рюриковна, — не мешкая сообщу главное. Письмо Лили Сомье лежало у меня в сумочке через сорок с половиной минут. Для выполнения этого маневра Ганс пожертвовал своим новым одеколоном, запах которого сводил почтальона Мартина с ума. Говорят, наодеколонившись этим чудом парфюмерии, почтальон сделал в тридцать второй раз предложение выйти за него замуж любимой девушке, и она, благодаря неотразимому запаху, приняла его.

— Федосья Рюриковна! Миленькая! — взмолился я. — Не надо про женитьбу, не надо про одеколон, не надо про тридцать два предложения руки и сердца! Давайте, что было в письме!

— Да-да-да, — усмехнулась сыщица. — Ты иногда направляй меня в нужное русло. Или мне угрожает опасность. Я, как заметил неизвестный поэт древности, — растекаюсь

мыслью по дереву... Итак, письмо Лили Сомье оказалось у меня. Я не стала читать его при Гансе, а, сказав своему невольному помощнику: «Готовься к танцам», ускользнула из холла отеля «Солнечный эдельвейс». Я не стала спешить домой, то есть в цветочный магазин, а отправилась в кафе, неподалеку от «Солнечного эдельвейса». Там, взяв чашку кофе и булочку, осторожно вскрыла розовый конверт...

Тут я затаил дыхание и...

Прямо под окном раздался душераздирающий вой. Затем кто-то начал ломиться в стеклянную дверь дома.

— Что за наказание! — возмутилась Федосья Рюриковна. — Полкан, ты что, не можешь посильнее налечь на дверь?

Тотчас возня по ту сторону порога прекратилась. Следом я услышал понимающий рык. Затем на стекло надавили две собачьи лапы, дверь распахнулась, и в дом ввалился Полкан — коричневый пес с желтыми глазами.

— В чем дело, собака? — строго спросила Федосья Рюриковна. — Ты же знаешь, что домой надо являться до 22.00. А сейчас...

Сыщица взглянула на массивные старинные часы в футляре, висевшие напротив чайного стола.

— Сейчас полночь с хвостиком. Ешь свои кости, Полкан, и — марш! Спать!

Пес терпеливо, сидя и стуча хвостом по полу, выслушал хозяйку и, как толь-

ко она кончила его отчитывать, бросил-ся на кухню, где довольно захрустел говяжьими костями.

— Федосья Рюриковна! Письмо!! Что было в письме?!! — взвыл я не хуже Полкана.

— Терпение, мой друг, терпение... Как говорит мой добрый знакомый,

царь-батюшка Петр Первый: «Терпение и труд все перетрут»... Продолжаю рассказ. Вскрыв розовый конверт, я увидела почерк Лили Сомье — довольно четкий и изящный. Это говорило о том, что она не была какой-нибудь рохлей, тухлой-матюхой, а умела принимать самостоятельные решения. Эти мои догадки и подтвердило само письмо...

Если ты не забыл, адрес на конверте Лили написала печатными буквами. Она сделала это в целях конспирации, из чего я — еще не читая ее письма — сделала вывод: в послании содержится наиважнейшая информация. Да, важная деталь — Лили писала своей матери в Париж. «Матушка, — примерно так начиналось это письмо, — Жак требует от меня, чтобы я передала ему клад, который вы якобы нашли в глиняном горшке тридцать лет назад в вашем саду. Но ведь кроме серебряной старинной монетки, в этом горшке ничего не обнаружено. Кто-то из наших соседей-доброхотов сочинил сказку, что вы откопали сундук с золотом, и теперь Жак неотступно следует за мной день и ночь, говоря, чтобы золото отдали в его распоряжение. Если вы не забыли, ту старинную монетку я ношу на цепочке,

как талисман. Сейчас пришло время — вернуть ее вам. Поэтому вкладываю ваш «клад» в конверт. Жак постоянно угрожает мне. Через несколько дней, когда мое послание отправится к вам, матушка, я объявлю Жаку, что никакогоклада не существует, а монетку я потеряла. Не хочу скрывать, матушка, наши отношения с Жаком окончательно испортились, и после нашего совместного отдыха на альпийском курорте я решила уйти от него, начать самостоятельную жизнь. Не пугайтесь, дорогая моя, я сразу, не заезжая в Париж, решила уехать в Америку. Наверное, найду там работу в каком-нибудь доме моделей. Вы же знаете мой безупречный вкус и фантазию. Устроившись на новом месте, обязательно напишу вам. Видно, супружество создано не для вашей несчастной дочери. До скорой встречи, дорогая моя матушка. Ваша Лили».

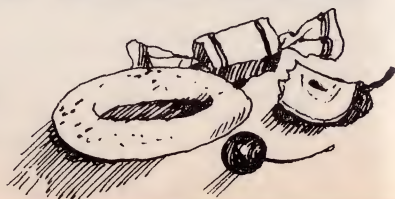
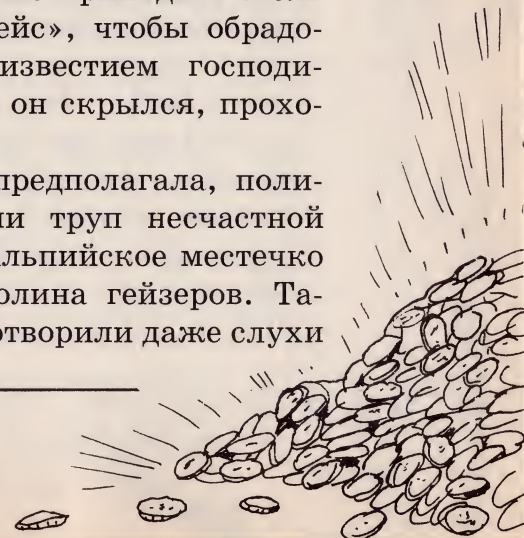
Мой юный друг, я потрясла розовый конверт. На столик передо мной упала маленькая серебряная монетка. На одной ее стороне я увидела изображение ветвистого, с густой кроной дерева. На другой не было ничего. Так что я не смогла догадаться, тем более предполо-

жить, откуда сей нумизматический экземпляр, из какой страны, какого достоинства и вообще — передо мной лежала еще одна тайна, разгадать которую я и не пыталась.

Допив кофе, съев булочку — знаешь ли, никакие волнения не могли, да и сейчас не могут поколебать мой несокрушимый аппетит, — я отправилась в полицейский участок. Для этого мне пришлось остановить попутный лимузин. В участке я рассказала, что днем каталась на лыжах и обнаружила на самом склоне странный холмик с лыжной палкой рядом. Полицейские поблагодарили меня за информацию, пообещав утром следующего дня отправиться на указанное место.

У полицейских, милый мой, на этот раз, к счастью, хватило благоразумия не помчаться после моего прихода в отель «Солнечный эдельвейс», чтобы обрадовать полученным известием господина Сомье. Иначе бы он скрылся, проходимец.

Утром, как я и предполагала, полицейские обнаружили труп несчастной парижанки. Наше альпийское местечко забурлило, будто долина гейзеров. Такую лихорадку не сотворили даже слухи

о снежном человеке и о группе террористов — похитителей блондинок! Все ходили с вытаращенными глазами, и на каждом углу слышалось: «А вы знаете про Сомье?... Этот Жак Сомье... Бедная Лили Сомье...»

Примчался добрый десяток журналистов, они разнюхали, домыслили и сочинили в газетах историю супругов Сомье. Если убрать всю лишнюю и красивую шелуху из этих публикаций, можно было понять следующее...

Тут Федосья Рюриковна взяла чистую ложку и начала вылавливать из вазы орехи в жженем сахаре. Один за другим они исчезали в ее неутомимо работающем рту. Орехи не просто исчезали, они еще и жутко хрустели, потому что Федосья Рюриковна тщательно перемалывала их челюстями.

Затем сыщица принялась хлебать чай, поглощать пряники, халву, лакомиться вареньем и, наконец, отправила в рот ложек пятнадцать меда.

— Милый, не удивляйся, что я поглощаю столько еды, — мягко заметила она, увидев мои круглые глаза. — Я чувствую — приближается осень, за нею, как ты понимаешь, непременно будет зима, а я не выношу холода, у

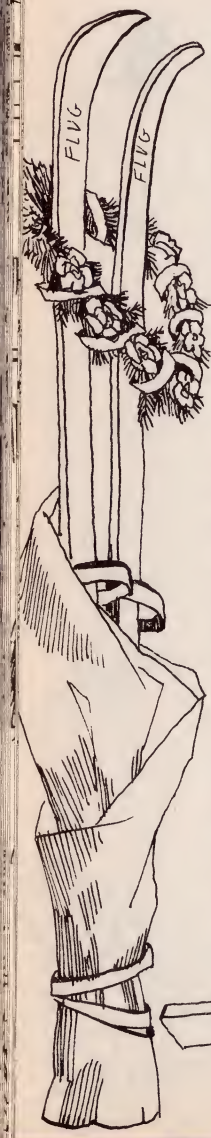
меня должен быть приличный запас подкожного жира.

— Зачем вам подкожный жир? — обомлел я. «Господи, — подумал я, — Федосья может тянуть волынку вечно. До тайны серебряных деревьев мы вряд ли сегодня доберемся».

— Что ты, что ты! Серебряные деревья от нас теперь в полушаге! — заверила меня сыщица, легко прочитав мои мысли. — Или, образно говоря, до них осталось две чашки хорошо заваренного чая!.. Не обижайся, милый. Я наконец-то начинаю распутывать узелки моей первой детективной истории.

Сыщица глубоко вздохнула: платье ее при этом вспыхнуло и погасло, словно тысяча молний, рожденных в одну секунду. Затем она сложила могучие руки на монументальной груди, уставившись на трепыхавшие свечи, и произнесла завершающую часть своего рассказа:

— Господин Жак разлюбил жену Лили, встретив зеленоглазую красавицу актрису. Ее фамилию я отчего-то вспомнить не могу, но это и неважно. Актриса потребовала от Жака Сомье, чтобы он покинул Лили и женился на

ней — богине сцены. Но быть женой простого парижанина богиня не желала. Она хотела, чтобы Жак Сомье стал богатым, как царь Крез. Жак начал мучиться, придумывать, как ему разбогатеть, тут-то до него и докатилась весть, что мать Лили много лет назад откопала в собственном саду клад.

Жак потерял голову. Представляешь, мой юный друг, он решил — протяни руку и наткнешься на большое количество золота. Также в душе он дико разгневался: оказывается, Лили и ее мать скрывали от него, что живут на мешке с деньгами! Ох, прости, на сундуке, конечно... Жак потерял контроль над собой и начал уговаривать жену отдать золотые ему, а он, мол, вложит их в дело, семья наконец-то станет счастливой и богатой. Лили уже подозревала мужа в измене и на все уговоры и призывы отмачивалась. Она даже не хотела спорить с ним, доказывая, что никаких золотых у нее нет.

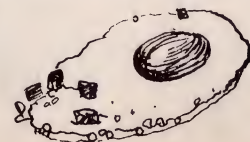
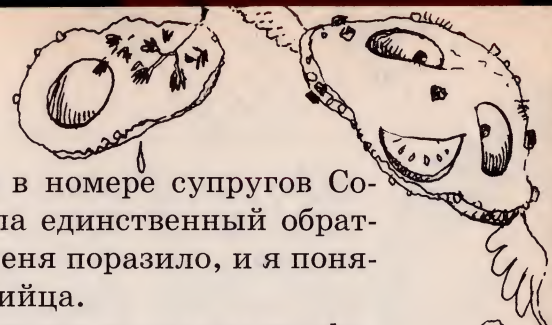
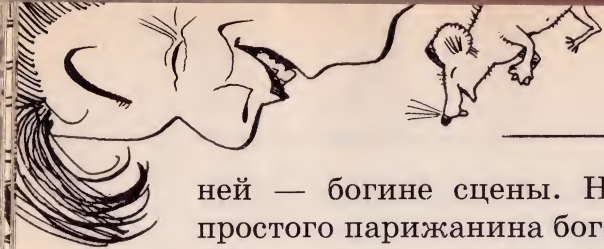
Тогда Жак решил увезти жену в Альпы, чтобы там заставить ее открыть тайну, где находится клад. Уезжая на курорт, Жак задумал гнусное злодеяние, поэтому купил один обратный билет, а не два. Один! Помнишь, я говорила, что

после сквозняка в номере супругов Сомье я обнаружила единственный обратный билет. Это меня поразило, и я поняла тотчас, кто убийца.

Не знаю, как точно складывался финал семейной трагедии поздним вечером

на альпийском склоне, может быть, Лили совершенно случайно свалилась вниз. Ведь из письма мы знаем: тайну мнимого клада Лили собиралась открыть мужу только после того, как ее письмо уйдет в Париж... Скорее всего, Жак отправился на безлюдный склон,

чтобы припугнуть Лили, он не предполагал, что развязка ближе, чем он планировал. Да, да! В итоге он все равно хотел убить жену. Помни про единственный обратный билет!

Когда Жак убедился, что жена, упавшая со склона, мертва, он тихонько пробрался в отель, наутро купил в спортивной лавке новые лыжи, вернул обе пары хозяину прокатной станции, подождал немного, а затем раструбил, что его жена пропала.

К непредвиденным обстоятельствам принадлежит и то, что внезапно в наше местечко прикатила алчная актриса. Она остановилась недалеко от «Солнечного эдельвейса», дала знать господину Жаку, что хотела бы с ним отобедать и обсудить создавшееся положение.

На самом деле она обожала острые, пикантные ситуации. Она ликовала в душе, когда ставила другим невыполнимые условия, закатывала скандалы или оказывалась в центре какой-нибудь скользкой истории. Вот где был настоящий простор для актерской игры!..

Получив от любовницы сообщение, господин Сомье заказал в нашем цве-

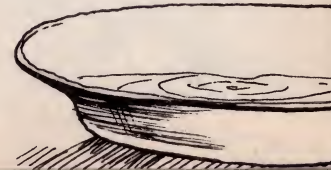
точном магазине девять красных роз. Помнишь, господин Жак проговорился в своем номере, что хочет поставить эти цветы к портрету жены, она, мол, их очень любила.

Запомни на всю жизнь: если человек исчезает, это не значит, что его нет в живых. Но господин Сомье совершенно определенно сказал: «Жена их очень любила». Он знал наверняка: ее нет в нашем грешном мире.

Между тем розы предназначались коварной разлучнице. Хочу заметить, эта женщина действительно была неплохой актрисой. Мой знакомый портье Ганс из «Солнечного эдельвейса» поверил, что к господину Сомье пришел юноша, а не женщина... Кстати, милый, как раз пришла пора узнать: кого же ты подозревал в убийстве?

Надо же! Великая сыщица не забыла, что я нацарапал на салфетке имя предполагаемого преступника. Лучше бы она об этом не вспоминала. Я хотел попросить Федосью Рюриковну не читать мою записку, но она уже приподняла конфетницу и развернула салфетку.

— О-о, ты написал «портье Ганс»... Почему же ты решил, что он убий-

ца? — разочарованно пробасила Федосья Рюриковна.

— Потому что, когда вы разговаривали с ним о супругах Сомье, он все время

краснел и опускал глаза. Я решил: ему стыдно за содеянный поступок.

— Ха-ха-ха! — раскатисто прогремела великая сыщица. — Здесь ты допустил промах: портье Ганс был попросту в меня влюблен, и в этом, учти, нет ниче-

го странного. Мне было восемнадцать, я расцвела, розовые щеки манили мужчин, как душистый цветок пчел, — все это естественные причины для нежных чувств. Вот почему, мой юный друг, Ганс краснел и опускал глаза... Ха-ха! У тебя подобные муки еще впереди, вспомнишь и меня, и Ганса, когда беспощадная стрела Амура пронзит твое сердце... Но все же я хвалю тебя за интуицию, ты почти сразу понял: Лили Сомье исчезла не просто так. Ты догадался, как заправский сыщик, что она мертва.

Конечно, мне стало обидно за свой промах, но я был от души благодарен Федосье Рюриковне — она умела и пошутить, и похвалить, и рассказать леденящую сердце историю... Она умела доходить до сути странных ситуаций. А как она жарила яичницу! Я совершенно забыл спеть гимн этой неподражаемой яичнице: с толстыми ломтями ветчины, помидорами, сыром, зеленью и чесноком. При создании этого кулинарного шедевра сыщица на кухне еще умудрялась петь романс:

Отцвели уж давно хризантемы в саду...

Да, Федосья Рюриковна Вечная была великолепной во всех отношениях.

— Федосья Рюриковна! — бодрым голосом проговорил я. — Что было дальше? К серебряным деревьям мы так и не добрались...

— Как не добрались, дорогой мой?! — затрубила сыщица. — Мы подошли к ним на целый шаг! И это немало! Я уже тебе говорила: к тому моменту, когда разразилась вся история с убийством мадам Сомье, мне наскучило жить в тихом альпийском местечке, я затосковала по родному дому, поэтому как только детективная история исчерпала себя... Кстати, убийца-муж был схвачен и заключен в тюрьму... Я распрощалась со своей душевной хозяйкой-цветочницей, искренне поблагодарив ее за то, что она взяла меня на службу, и за милые вечера, наполненные чтением, неторопливыми беседами, и за сердечное тепло, которым подчас люди стесняются одаривать друг друга. Но она не стеснялась, она была из породы душевных, чутких людей... О, хозяйка! Она горько плакала, услышав о моем решении покинуть ее, звала приезжать на следующий год. «Ах, фрейлейн Федосья! Вы мне как дочь!

Помните, мое предложение с завещанием цветочного магазина вам остается в силе!» — говорила она, сморкаясь в душистый носовой платок.

Проговорив это, сыщица достала из недр искрящегося платья свой носовой платок, напоминающий лоскут паруса, и мощно высморкалась.

— Да, да, мой милый мальчик, я уехала, можно сказать, бросив милую искреннюю женщину в одиночестве. Но в молодости мы меньше думаем и сострадаем, мы больше поддаемся импульсам и эгоистическим желаниям... Ладно, оставляю эту грустную философскую тему в тени повествования.

И тут я увидел невероятное! Федосья Рюриковна — великолепная, великая, сыщица со стальными нервами и выдержкой первоклассного разведчика — смахивала с щеки слезу!!!

— Не удивляйся, милый, я умею не только отыскивать бриллианты, разгадывать странные убийства, делать тысячу других жизненно необходимых вещей, я еще умею плакать. И это меня радует!

Тут Федосья Рюриковна стала рыдать во весь голос. По всей Малаховке снова залаяли и завывали собаки.

— Ох, как я жалею альпийскую цветочницу! Жалею, спустя почти век! Одиночество такая изматывающая штука! Ведь она была так же одинока, как я сейчас!

Пламя свечей нервно дрожало от восклицаний великой сыщицы, а одна свеча, шипя, погасла. Наверное, в нее снайперски угодила слеза госпожи Вечной.

— Давайте пойдем спать, — робко предложил я. — Вы устали, вам нужно отдохнуть.

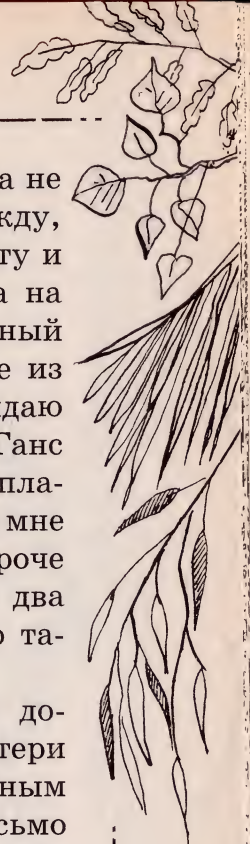
— Как?! — вскричала сыщица. — Ты не хочешь дослушать мой исповедальный рассказ про серебряные деревья?

— Хочу, — покорно сказал я. — Но вы так рыдаете, что я решил — вы переутомились...

— Дудки!! — еще громче вскричала Федосья Рюриковна. — Я доскажу тебе мою историю, никакие переутомления не собьют меня с намеченной цели.

Сыщица поглубже уселась в кресло, вытерла лицо носовым платком-парусом (он был таким гигантским и твердым, что я испугался, не поцарапает ли себе лицо моя предводительница) и приступила к последней части своего рассказа.

— Денег у меня оказалось предостаточно, ведь моя добрая хозяйка исправ-

но платила мне, а я их почти никуда не тратила. Я купила себе новую одежду, билет на поезд. В ближайшую субботу и воскресенье я, как обещала, пошла на танцы с Гансом. Под легкомысленный мотив фокстрота я сообщила портье из «Солнечного эдельвейса», что покидаю их курортное местечко навсегда. Ганс страшно расстроился и чуть не расплакался. Ведь минуту назад он сделал мне предложение стать его женой... Короче говоря, я покинула Альпы, разбив два добрых сердца. Грустно, милый, но так-то правда моей юной жизни.

Первым делом я отправилась не домой, в Россию, а в Париж, к матери Лили Сомье. Я отчего-то сочла нужным отдать ей монетку и последнее письмо любимой дочери. Этот шаг тоже, между прочим, сыграл свою роль. Без него загадка серебряных деревьев так бы и осталась загадкой.

Матушка Лили Сомье мне очень понравилась. Она жила в тихом, маленьком доме на окраине Парижа. Верно, нынче там бойкое место — станция метро либо бутик — модный магазинчик... Жилище старушки окружал уютный сад, все вокруг казалось симпатичным и привлекательным. Я представила, как

счастливы здесь жило когда-то семейство родителей Лили.

Весть о гибели дочери уже докатилась до матери. Я рассказала ей о трагедии в

подробностях, свидетелем которым была сама. Матушка мадам Сомье была опечалена необыкновенно, не расставалась с платком, утирая покрасневшие от слез глаза. Сам можешь догадаться, что означает для матери пережить свою дочь.

Дрожащими руками она взяла письмо Лили: грустно было смотреть на слезы осиротевшей старушки, но что я могла поделать?

— Вот, возьмите, пожалуйста, — протянула я ей в конце нашей встречи монетку.

— Знаете что, любезная мадемуазель, — грустно сказала старушка, — сохраните монетку у себя, на память. Мне этот горестный сувенир ни к чему, я скоро сойду в могилу, а вы будете вспоминать об Альпах, о том, как не дали восторжествовать несправедливости. Ведь, насколько я понимаю, если бы не вы, моя Лили навсегда бы осталась в снежной могиле.

Я попрощалась с матерью Лили и вышла в сад. Стоял сиреневый парижский вечер. Тихо шелестела трава в саду, а меня внезапно охватили отчаяние, боль, досада на самое себя. «Зачем? Зачем я приехала в Париж? Беречь душу старой женщины? Не нужно ей было ни письмо, ни мой рассказ, ни дурацкая монетка».

Я села на лавочку и заплакала сердитыми, колючими слезами. Самым острым моим желанием было одно — вернуться домой, в объятия своих родителей. Поскорее!

Мой милый, как ты догадываешься, я вытащила из кармана платок, чтобы высморкаться и утереть глаза. Вместе с ним выскочила серебряная монетка. Она упала на землю, и в ту же секунду я услышала тончайший незнакомый шум. Будто что-то тихо переливалось и звенело рядом.

Я обернулась. Произошло чудо. На моих глазах из монетки выросло серебряное дерево, а вместо листьев его покрывали серебряные монетки. Дерево было таким необычным, что я поднялась с лавочки и встала под его серебряные прохладные ветви. Как блаженно оказалось стоять под сенью чудесного растения!

Я погладила ветку, — несколько монет остались у меня в ладони. Я осторожно положила их в карман. Нет, мыслей никаких у меня не шевелилось в ту минуту, просто отчего-то стало жаль, если я их брошу, они затеряются, а я действительно, сохранив монетки на память, буду вспоминать историю Лили и сказочное дерево в парижском вечернем саду.

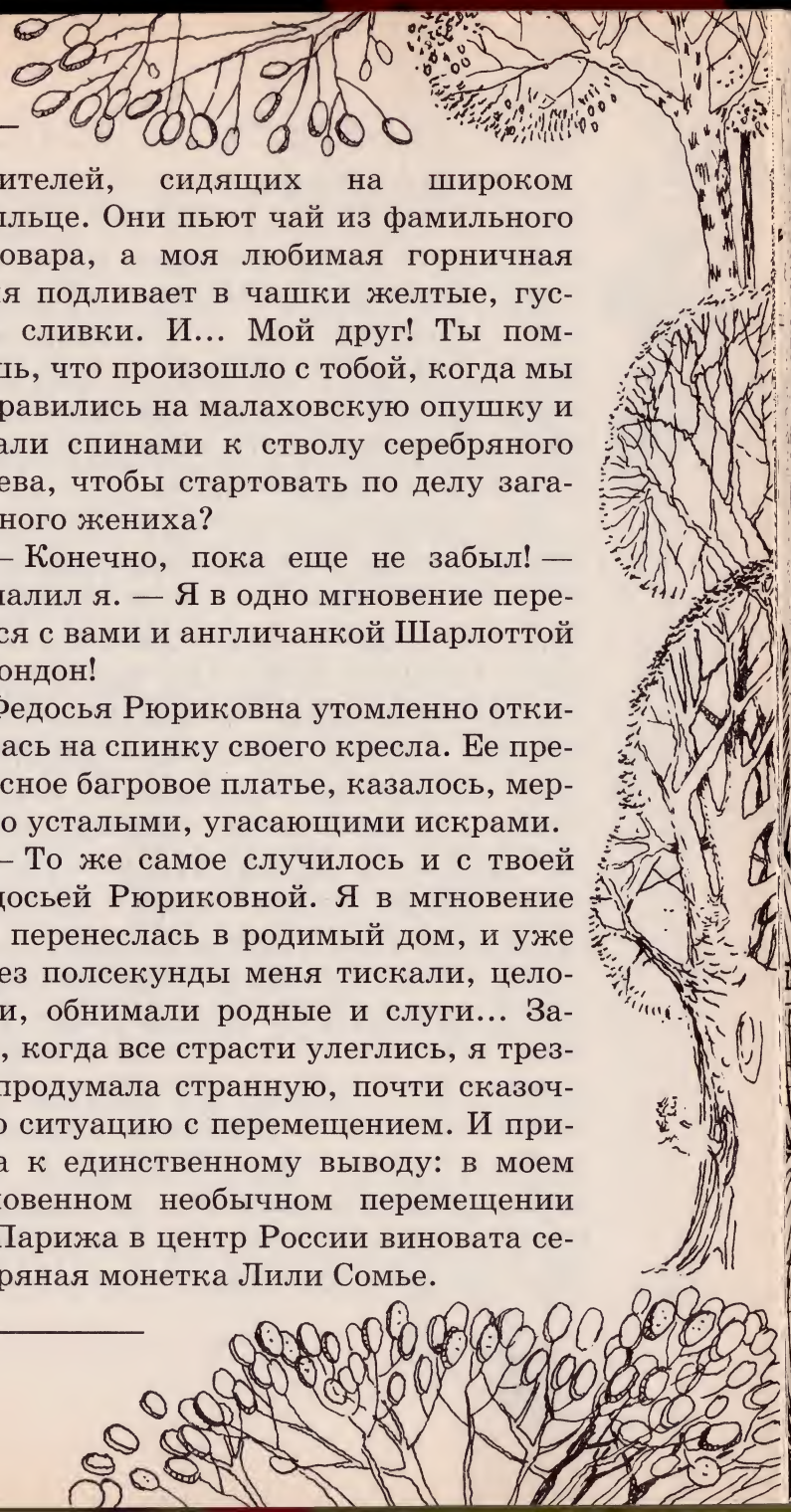
Тут, мой друг, я закрыла глаза и представила себя дома, у порога родного жилища, представила летний день,

родителей, сидящих на широком крыльце. Они пьют чай из фамильного самовара, а моя любимая горничная Таня подливает в чашки желтые, густые сливки. И... Мой друг! Ты помнишь, что произошло с тобой, когда мы отправились на малаховскую опушку и встали спинами к стволу серебряного дерева, чтобы стартовать по делу загадочного жениха?

— Конечно, пока еще не забыл! — выпалил я. — Я в одно мгновение перенесся с вами и англичанкой Шарлоттой в Лондон!

Федосья Рюриковна утомленно откинулась на спинку своего кресла. Ее прекрасное багровое платье, казалось, мерцало усталыми, угасающими искрами.

— То же самое случилось и с твоей Федосьей Рюриковной. Я в мгновение ока перенеслась в родимый дом, и уже через полсекунды меня тискали, целовали, обнимали родные и слуги... Затем, когда все страсти улеглись, я трезво продумала странную, почти сказочную ситуацию с перемещением. И пришла к единственному выводу: в моем мгновенном необычном перемещении из Парижа в центр России виновата серебряная монетка Лили Сомье.

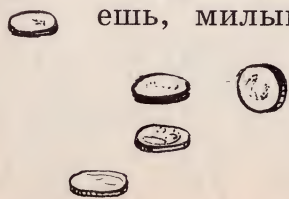
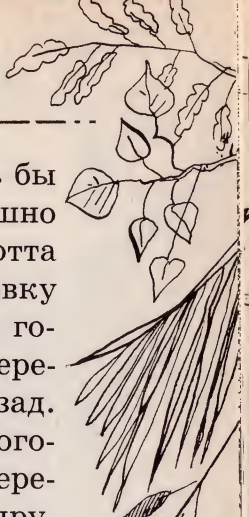

Случайно обронив ее на землю, я невольно вырастила серебряное дерево, перенеслась с его помощью на многие сотни километров от Парижа. «Так, значит, — подумала я, — теперь я могу попасть еще куда-нибудь, у меня же в кармане есть несколько других серебряных монеток с того первого дерева». И решила потренироваться.

Все оказалось именно так, как я и предполагала. Каждый раз, перемещаясь из одной страны в другую, из одного времени в другое, я не забывала положить в карман несколько новых серебряных монеток для следующих экспериментов. Причем (что меня несказанно обрадовало) я могла попасть из эпохи в эпоху, из одного века в другой, могла проводить там сколько угодно времени, а по желанию возвращаться в ту же секунду, из которой переместилась.

Что касается посаженных мною серебряных деревьев, то они обладают умением перемещать желающих только в течение трех месяцев. После этого они перерождаются в обычные деревья — осины, березы, вязы, баобабы и секвойи... Видимо, подобное их свойство предусмотрено специально. Представляешь, милый: если бы каждое дерево

«работало» века, то в мире началось бы вавилонское столпотворение. Страшно представить! Ведь помнишь, Шарлотта из Лондона попала в нашу Малаховку случайно. Она просто наткнулась в городском парке на мое серебряное дерево, которое я «посеяла» месяц назад. И мысленно в отчаянии попросила кого-нибудь помочь ей. Умное дерево перенесло ее ко мне, а я, естественно, выручила девушку. С твоей, заметь, неоценимой помощью...

О тайне серебряных деревьев догадался и мой дачный постоялец Аксель. Из Малаховки в Королевство Южного Побережья он попал, воспользовавшись могуществом серебряного дерева. Слава богу, больше Акселя мы не увидим. Ведь серебряное дерево, посаженное мною в Королевстве, пару дней назад исчерпало свои необычные возможности и переродилось — может, в пальму, а может, в какую-нибудь мимозу.

— Федосья Рюриковна, а где вы еще бывали? — спросил я.

— Милый, я была почти везде! У мушкетеров — была. В Италии семнадцатого века — тоже. С гениальным творцом эпохи Возрождения Леонардо да Вин-

чи — знакома как с тобой. С киевским князем Владимиром Красное Солнышко пила на пиру мед-пиво. Михайло Ломоносов еще отроком учил меня ловить рыбу в Белом море... Моцарт играл мне свои сочинения в домашней непринужденной обстановке. Зачем я буду перечислять тебе свои многочисленные маршруты? Лучше скажу, где не была.

— Где? — заинтересованно спросил я.

— На Южном и Северном полюсах нашей планеты. Потому что не люблю в больших количествах холод.

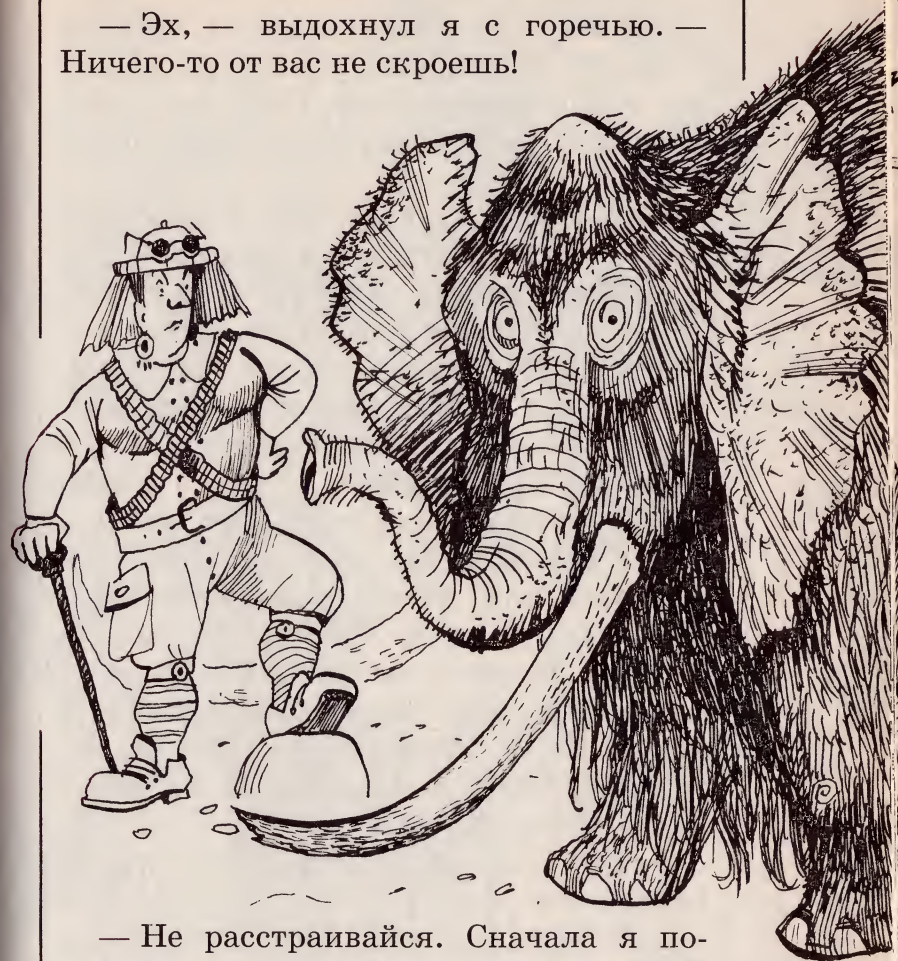
— А мамонтов? Вы видели мамонтов? — взмолился я.

— Краем глаза — да. Ничего особенного: ходят тяжело, глазки как булавочки.

— Федосья Рюриковна! — снова взмолился я. — А мне вы не дадите парочку монет... так... для нумизматической коллекции... Я согласен даже ждать до своего дня рождения...

— Вот, вот, вот! Вижу и чувствую: говоришь неправду. Не для коллекции, милый, ты просишь монеты, ты просишь для того, чтобы куда-нибудь попать, ведь так?

— Эх, — выдохнул я с горечью. — Ничего-то от вас не скроешь!

— Не расстраивайся. Сначала я посмотрю на твое поведение, милый. И если увижу, что тебе действительно необходимы мои серебряные монетки и серебряные деревья, с удовольствием поделюсь. Учти, не ради развлечений я

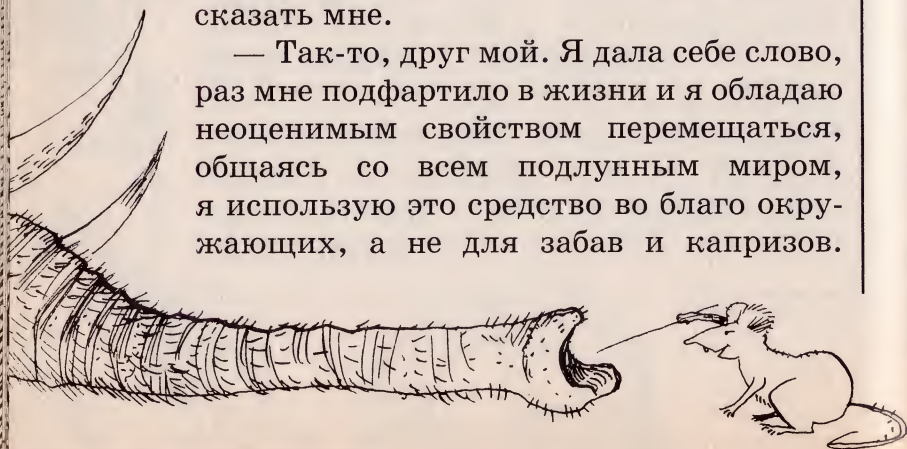
моталась туда-сюда, вдоль и поперек всех времен. Куда бы я ни попадала, всегда вела расследование. Праздные путешествия приближают старость. Запомни эту простую истину!

— И у мамонтов вы тоже расследовали? — хитро прищурил я глаза.

— Естественно! — прогремела сыщица. — Там произошла драма, сюжет которой — если в двух словах — следующий. Одна группа первобытных охотников убила мамонта и зажарила его ногу. Но сразу есть не стала, а решила переночевать недалеко от костра. Когда первобытные горе-охотники проснулись, они обнаружили исчезновение лакомой ноги. Тут-то и подвернулась я. За несколько часов я раскрутила этот доисторический детектив: оказалось, ту зажаренную ногу украла другая группа охотников и съела ее неподалеку в кустах.

— Вот это да! — только и осталось сказать мне.

— Так-то, друг мой. Я дала себе слово, раз мне подфартило в жизни и я обладаю неоценимым свойством перемещаться, общаясь со всем подлунным миром, я использую это средство во благо окружающих, а не для забав и капризов.

В конце концов выучилась на профессионального детектива.

— Разве вы учились на детектива? Расскажите, — прошептал я.

— Знаешь, милый, если бы нас сейчас увидели твои родители, они бы моментально накрыли нашу ночную лавочку, а тебя бы навсегда увезли домой, — сообщила Федосья Рюриковна с неподражаемой улыбкой. — На часах — начало третьего. Уже утро, мой друг. Раннее утро... Пора спать!

Тут-то я почувствовал, как мне хочется бухнуться в постель. Я готов был даже положить голову прямо на руки, а руки — на краешек стола и, закрыв глаза, засопеть в две дырочки, как сказала бы моя бабушка, подруга Федосьи Рюриковны Вечной.

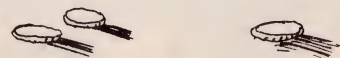
— Спать, спать, спать, — как бы гипнотизируя меня, проговорила сыщица. — А о том, как я и чему училась, расскажу после, на досуге.

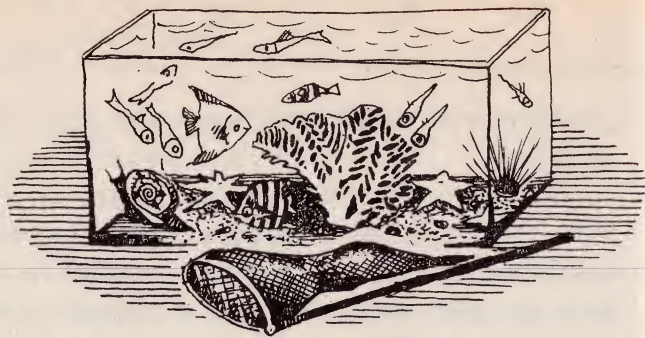
Как я оказался в мягкой постели, уже не припомню.

В стеклянные двери и окна малаховского дома смотрел сонными глазами робкий рассвет. Тихонько поскрипывали за стенами сосны. Собаки безмолвствовали. Тихо звякала посуда. Это уби-

рала со стола неповторимая Федосья Рюриковна.

Последней моей мыслью перед глубоким, сладким сном была, кажется, эта: «Как хорошо, когда рядом с тобой великая сыщица всех времен и народов, обладающая смекалкой, выдержкой, юмором, умом, неповторимым басом и конечно же серебряными монетками, из которых вырастают удивительные серебряные деревья и детективы».

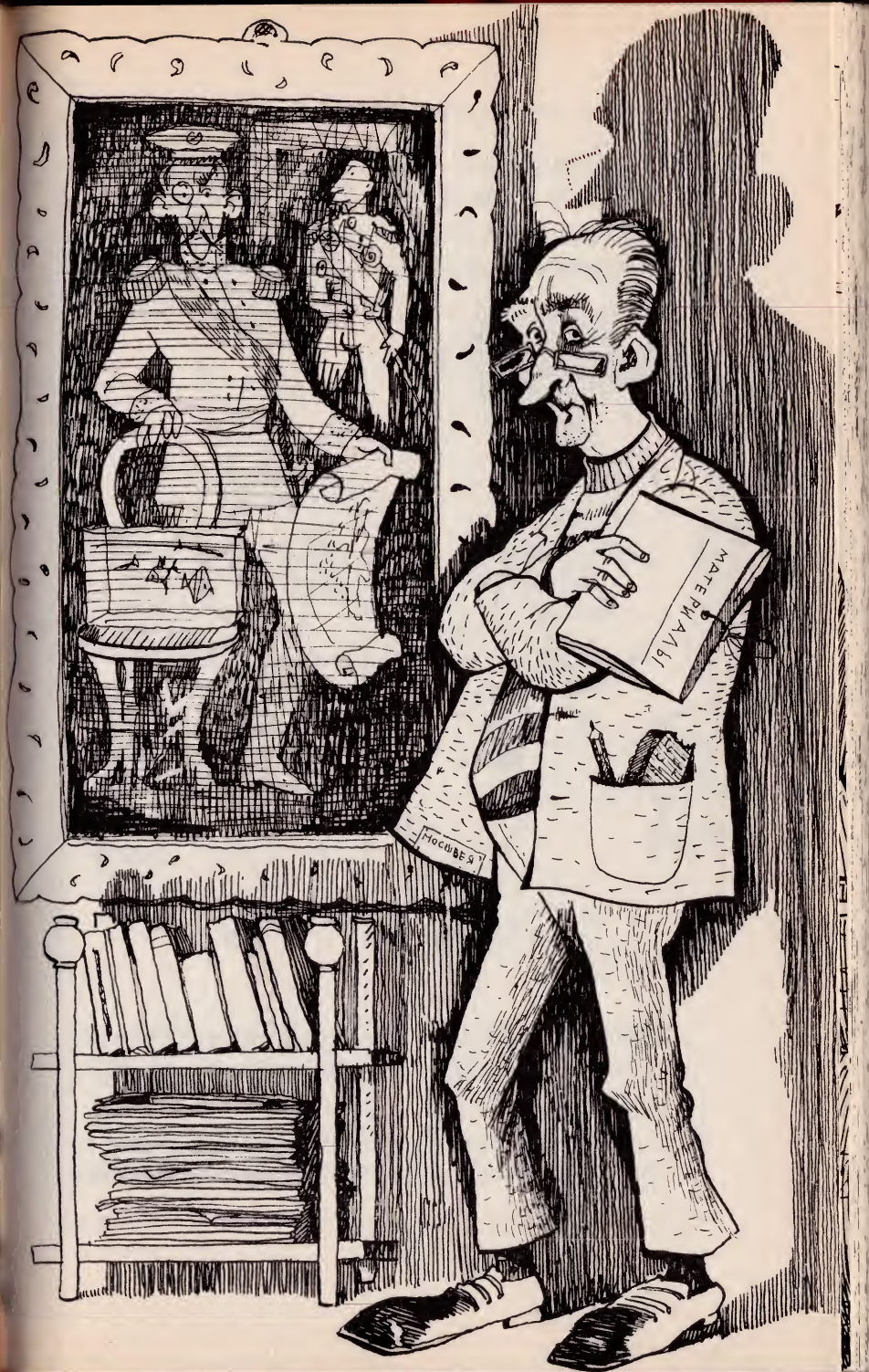
Могильщики гуарани

Владимир Гаврилович Сурмило-1 родился в 23.58 минут 17 июля 1856 года в имении своих родителей под Петербургом.

Мальчиком его отдали в Пажеский корпус, откуда он вышел офицером. Сурмило-1 служил верой и правдой Отечеству, участвовал в нескольких военных кампаниях и в чине генерала от инфантерии вышел в отставку.

Владимир Гаврилович Сурмило-1 был женат на Прасковье Сергеевне Деревицкой, от которой имел двоих сыновей — Георгия и Гаврилу. Георгий потомства не оставил, а Гаврила родил сына Владимира, то есть Владимира Гавриловича Сурмило-2.

В начале лета 1911 года генерал в отставке Владимир Гаврилович Сурмило-1 покинул Петербург — отправился путе-

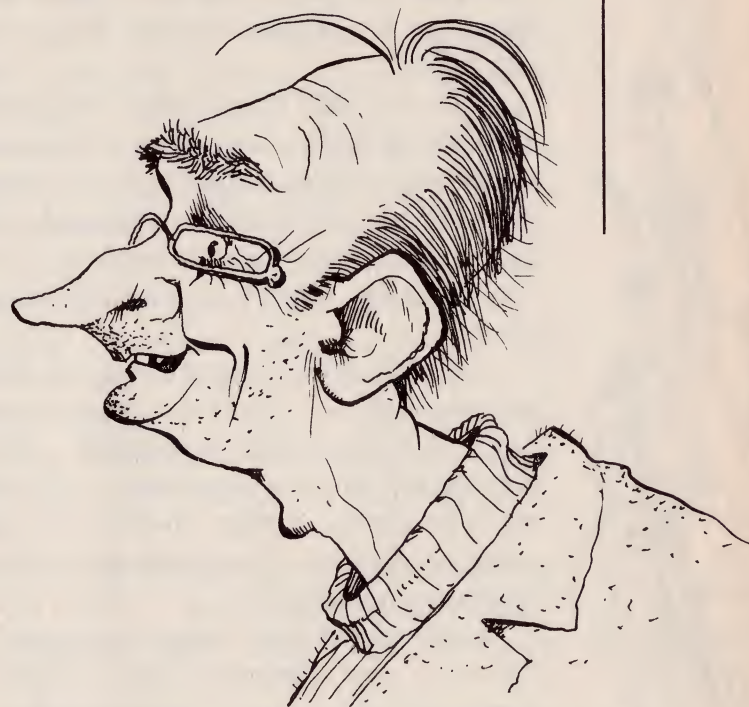
шествовать. К тому времени он овдовел: его Прасковья Сергеевна, подкошенная чахоткой, ушла в лучший мир. Сыновья выросли — жили своей жиз-

нью. Старый генерал был предоставлен самому себе. Из путешествия он не вернулся.

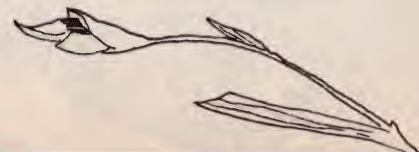
Георгий и Гаврила пытались искать отца: наводили справки, писали письма

в посольства ряда стран, но исторические катаклизмы завершили их поиски. Грянула первая мировая война, затем — 1917 год, смешавший в России не только судьбы людей, но их прошлое,

настоящее и будущее. Судьба старого Сурмило-1 осталась неизвестной...

Обо всем этом нам с Федосьей Рюриковной Вечной поведал высокий взволнованный старик с яйцеобразной голо-

вой, в легком сером костюме и отлично вычищенных ботинках. Федосья Рюриковна, напевая любимые строки «Отцвели уж давно хризантемы в саду...», срезала на своем заросшем участке цветы; я читал книги о кладках, когда седой незнакомец открыл калитку.

— О милый Владимир Гаврилович, я каждый день мысленно посылаю вам приветы, размышляя о том, здоровы ли вы? — пробасила великая сыщица. — Вы совершенно кстати — через пятнадцать минут у нас начинается обед.

— Слава богу, слава богу, вы никуда не уехали! — ответил старик невольно. — А-а... обед, говорите... Ну что ж, может, это и к лучшему... Не стоять же мне здесь, среди травы, под жалящим солнцем, и рассказывать вам потрясающие вещи.

Через открытую дверь веранды я наблюдал, как общается моя обожаемая предводительница с незнакомым стариком.

Она стояла по пояс в дикой траве, величественно откинув назад голову. На голове у нее пламенела эффектная бархатная шляпка, розовая короткая

вуаль с серебряными искрами свешивалась на нос. На могучей руке Федосьи Рюриковны покоился довольно приличный букет: штук сорок пять сиреневых ирисов и штук тридцать восемь желтых садовых ромашек.

Я уже почти ничему не удивлялся, а что касается цветов, знал: сыщица расставит громадный букет в пятнадцать ваз по всей гостиной. «Создаю приятную атмосферу для правильного пищеварения», — обязательно пояснит она перед тем, как прикоснуться ложкой к супу из черепашьего филе.

Старик держал черную папку и все время нервно переключал ее то в правую ладонь, то в левую. А когда сыщица обращалась к нему, довольно резко поворачивался к ней правым ухом.

— Милый Владимир Гаврилович, вы туги на ухо? — поинтересовалась Федосья Рюриковна. — Никогда за вами этого не замечала.

— Ваша наблюдательность достойна комплимента... Что ж, я его вам делаю: вы наблюдательны, как сотрудник отряда «Альфа», — скрипучим голосом ответил старик. — А что касается недугов, то да, действительно, все мои бо-

лезни обостряются, когда я нервничаю. Начинаю плохо слышать, сутулиться, у меня появляется насморк и тик в левом плече. Вот сейчас, посмотрите: заметно, как дергается нерв?

— В левом плече? — осведомилась Федосья Рюриковна.

— Да, да, именно в левом, — с готовностью подтвердил старик.

— Не видно, — сообщила сыщица после минуты молчания, в течение которой она пристально разглядывала гостя.

— Жалко, — сокрушенно сказал старик. — Но нерв все-таки дергается; я все время его чувствую, все время о нем помню...

— Знаете что? — бодро прервала старика сыщица. — Помогите мне выбрать-ся из цветочных грядок! За обеденным столом мы обязательно продолжим наше милое общение. Ах, как я соскучилась по вашим монотонным, успокаивающим рассказам!

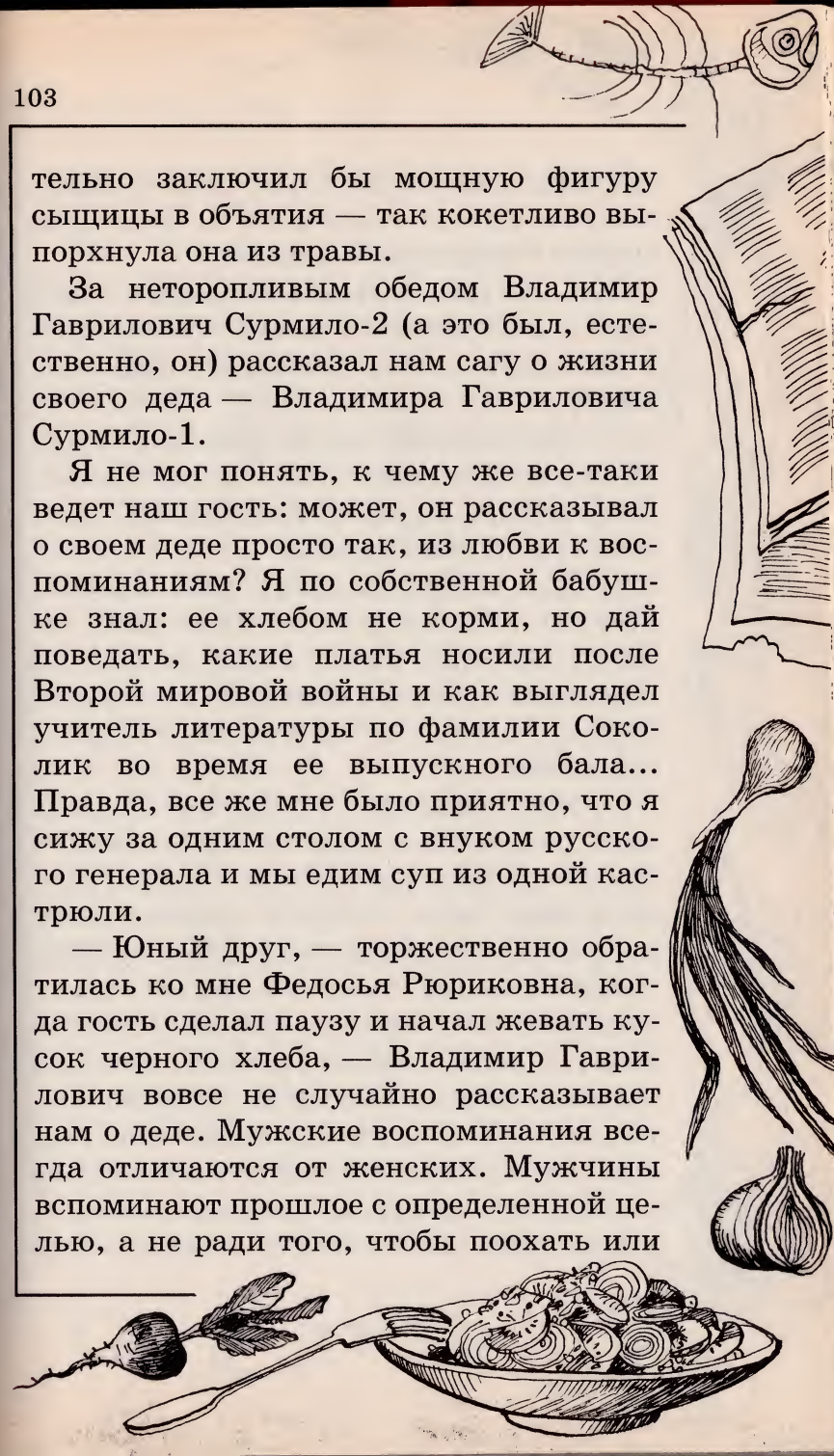
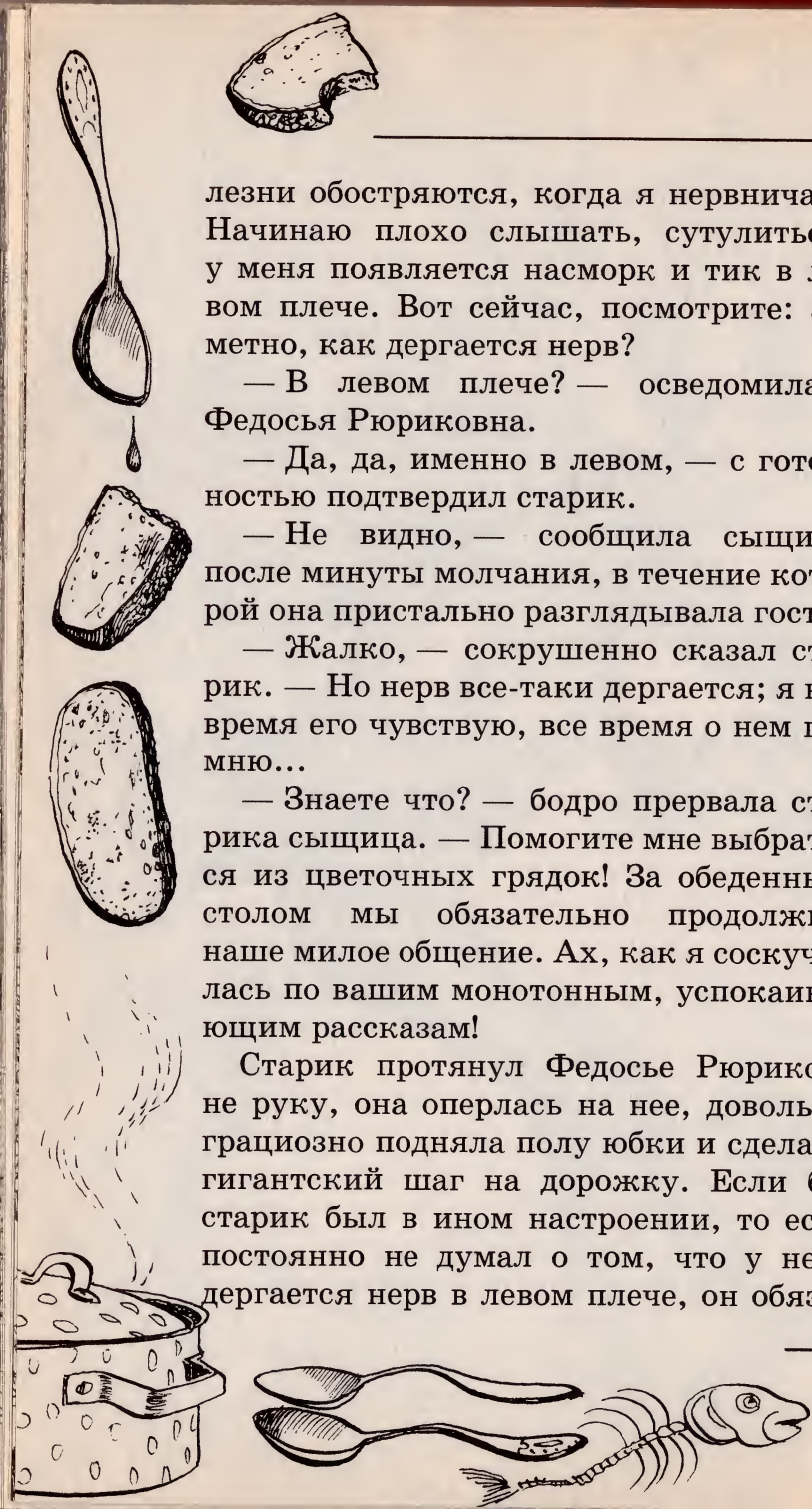
Старик протянул Федосье Рюриковне руку, она оперлась на нее, довольно грациозно подняла полу юбки и сделала гигантский шаг на дорожку. Если бы старик был в ином настроении, то есть постоянно не думал о том, что у него дергается нерв в левом плече, он обяза-

тельно заключил бы мощную фигуру сыщицы в объятия — так кокетливо выпорхнула она из травы.

За неторопливым обедом Владимир Гаврилович Сурмило-2 (а это был, естественно, он) рассказал нам сагу о жизни своего деда — Владимира Гавриловича Сурмило-1.

Я не мог понять, к чему же все-таки ведет наш гость: может, он рассказывал о своем деду просто так, из любви к воспоминаниям? Я по собственной бабушке знал: ее хлебом не корми, но дай поведать, какие платья носили после Второй мировой войны и как выглядел учитель литературы по фамилии Соколик во время ее выпускного бала... Правда, все же мне было приятно, что я сижу за одним столом с внуком русского генерала и мы едим суп из одной кастрюли.

— Юный друг, — торжественно обратилась ко мне Федосья Рюриковна, когда гость сделал паузу и начал жевать кусок черного хлеба, — Владимир Гаврилович вовсе не случайно рассказывает нам о деду. Мужские воспоминания всегда отличаются от женских. Мужчины вспоминают прошлое с определенной целью, а не ради того, чтобы поохать или

поахать, как это зачастую делают представительницы слабого пола. Ведь так, милый Владимир Гаврилович?

Как всегда, сыщица блеснула своей проникательностью, читая мысли легко и свободно, словно листала открытую книгу.

— Совершенно верно, Федосья Рюриковна, я рассказал вам о дедке потому, что вчера был просто ошеломлен, — ответил господин Сурмило.

— Мы с нетерпением ждем продолжения. — Сыщица положила в свою тарелку внушительную горку салата из помидоров, лука, сметаны и черного перца. Салат этот назывался «Пиратские слезы».

— Итак, немного скажу о себе, а то ваш подопечный ничего не усвоит, — сказал догадливый старик. — Мой симпатичный друг, совсем недавно мне перевалило за семьдесят. Здесь, в Малаховке, я живу в теплое время года — с апреля по октябрь, а зимой перебираюсь в город... Люблю коротать вечера в гостях у нашей милой Федосьи Рюриковны. Давным-давно вышел на пенсию, но скучать мне некогда, потому что у меня есть довольно полезное хобби — я уже много лет собираю исторические

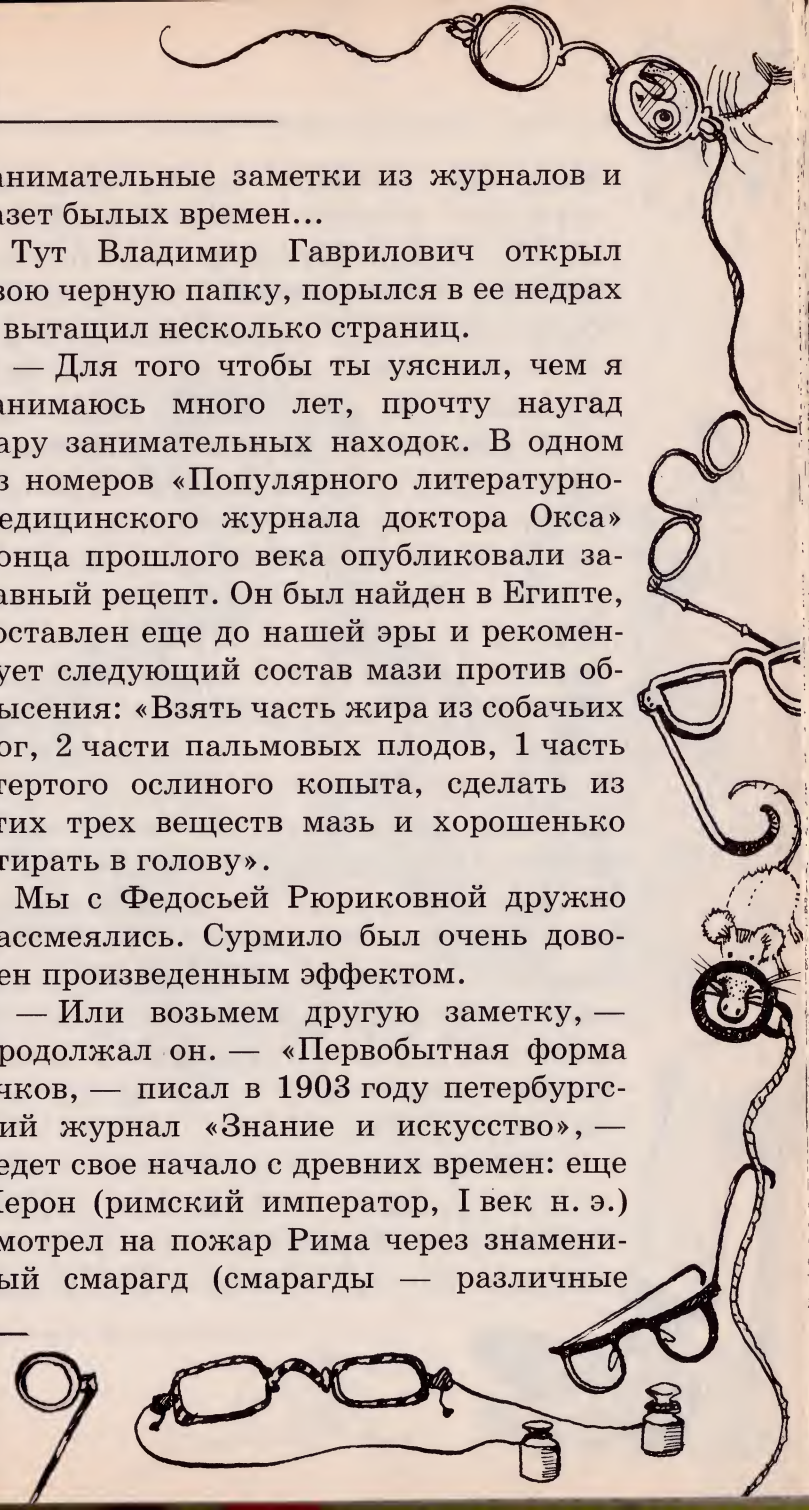
занимательные заметки из журналов и газет былых времен...

Тут Владимир Гаврилович открыл свою черную папку, порылся в ее недрах и вытащил несколько страниц.

— Для того чтобы ты уяснил, чем я занимаюсь много лет, прочту наугад пару занимательных находок. В одном из номеров «Популярного литературно-медицинского журнала доктора Окса» конца прошлого века опубликовали забавный рецепт. Он был найден в Египте, составлен еще до нашей эры и рекомендует следующий состав мази против облысения: «Взять часть жира из собачьих ног, 2 части пальмовых плодов, 1 часть стертого ослиного копыта, сделать из этих трех веществ мазь и хорошенько втирать в голову».

Мы с Федосьей Рюриковной дружно рассмеялись. Сурмило был очень доволен произведенным эффектом.

— Или возьмем другую заметку, — продолжал он. — «Первобытная форма очков, — писал в 1903 году петербургский журнал «Знание и искусство», — ведет свое начало с древних времен: еще Нерон (римский император, I век н. э.) смотрел на пожар Рима через знаменитый смарагд (смарагды — различные

минералы зеленого цвета, включая изумруд). Вначале очки напоминали лорнет в стиле рококо и наше пенсне. Монокль — изобретение более позднее. Очки встречались в древнейшие времена также в виде двух стекол, которые держались на шнурках, укрепленных за ушами, или посредством связывания на затылке, или при помощи подвешивания на шнурках маленьких тяжестей...» И так далее, и тому подобное.

Мы с Федосьей Рюриковной снова дружно рассмеялись. А когда приступ нашего веселья был исчерпан, сыщица обратилась ко мне с небольшим пояснением:

— Милый, поначалу Владимир Гаврилович просиживал в библиотеках просто для души. Коллекция есть коллекция, ее прежде всего собирают по зову сердца... Но однажды наш гость понял — заметки, обнаруженные им, могут пригодиться в нынешних редакциях как пикантная приправа к современным новостям. И начал предлагать их то тут, то там...

— Вот именно, то тут, то там, — подхватил Сурмило. — Но не всем литературным работникам интересно то, что я собираю. Но все же в некоторых редак-

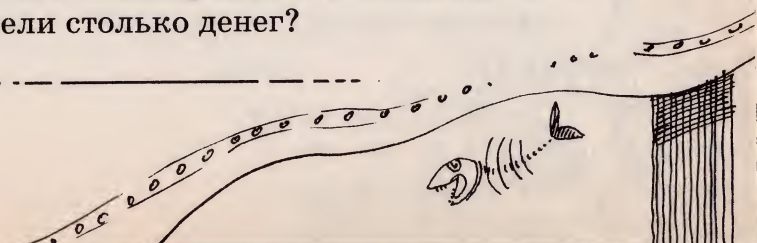
циях их берут, публикуют, даже выписывают гонорар...

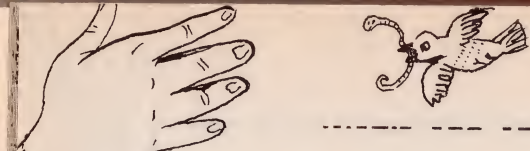
— Гонорар — это всегда приятно, — согласилась Федосья Рюриковна. — За свою жизнь я получила гонораров

на сумму пятнадцать миллиардов сто тридцать шесть миллионов рублей старыми.

— Ой! — поперхнулся я. — И куда же вы дели столько денег?

— Пустила на добрые дела, — не-
принужденно ответила сыщица. —
Продолжайте, Владимир Гаврилович.
Итак, вы собираете заметки, перепеча-
тываете их на машинке, разносите по
редакциям, как коробейник: «Кому
ленты, кому парча...», в заветный
день получаете гонорар, а дальше-то
что?

— Как что? — удивился Сурмило. —
Дальше — полный мрак и одни во-
просы... Вчера я сидел в библиотеке
и листал журнал «Метаморфозы». —
Он издавался в начале нашего века
в Петербурге... На восьмой странице я
обнаружил заметку, у которой не было
конца, потому что следующая страница
отсутствовала...

— Разве такое бывает с библиотеч-
ными экземплярами? — вставил я воп-
рос. — Мне всегда казалось, что в биб-
лиотеках хранится все-все полностью,
все номера журналов, все издания той
или иной книги, все страницы в целос-
ти и сохранности.

— Увы, молодой человек, я тоже ду-
мал примерно так. Но годы, проведен-
ные мною в библиотеках, доказывают:
иногда книги, старые газеты и журна-
лы имеют обидные утраты.

— Милый Владимир Гаврилович, да-
вайте приблизимся к вашей заметке без
логического конца. О чем она была и
чем так вас взволновала? — деликатно
напомнила Федосья Рюриковна.

— Ну, конечно, конечно, — засуе-
тился Сурмило. — Я даже переписал
текст, тем более что для меня это —
привычное дело.

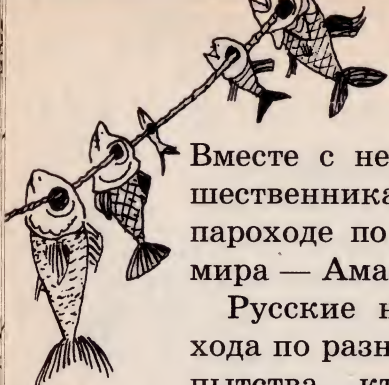
Владимир Гаврилович снова открыл
свою черную папку и извлек из ее глу-
бин вчетверо сложенную бумагу. Со
вздохом он передал ее Федосье Рюри-
ковне, которая немедленно нацепила
на нос очки, по-королевски развернула
бумагу и углубилась в изучение текста.

Как можно догадаться, я не утерпел,
вскочив со своего места и встав за пле-
чом сыщицы. Хотя, конечно, картошка
фри и фрикадельки под польским со-
усом были восхитительны и начали
слегка остывать. Но не могу же я наби-
вать живот, когда в малаховском доме
обнаруживается еще одна тайна!

Федосья Рюриковна и я прочитали
следующее:

«ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ.
Недавно из Южной Америки прибыл
наш корреспондент Б. Б. Он провел на
другом конце земли более полугода.

Вместе с несколькими русскими путешественниками он плавал на грузовом пароходе по одной из крупнейших рек мира — Амазонке.

Русские находились на борту парохода по разным причинам: кто из любопытства, кто по семейной надобности. Муж вез свою жену на излечение к местному знахарю. Генерал в отставке В. Г. Сурмило плавал по Амазонке для того, чтобы пополнить свою редкую коллекцию. По крайней мере, так он сообщил в приватной беседе нашему корреспонденту. С этим отставным генералом В. Г. Сурмило произошла жуткая история. Вот как ее излагает Б. Б...»

Федосья Рюриковна положила прочитанный листок рядом со своей тарелкой, я уселся на место. Владимир Гаврилович тревожно спросил:

— Что вы можете сказать по этому поводу, любезная Федосья Рюриковна?

— Я думаю, для начала нам всем надо завершить обед, — с улыбкой ответила великая сыщица.

Сурмило не ожидал, что она ему так ответит, и я уловил в его глазах обиду.

— Не обижайтесь, милый Владимир Гаврилович, — миролюбиво пробасила Федосья Рюриковна. — Мне кажется,

вы что-то недоговариваете. Соберитесь с духом — договорите, а потом обсудим ваше предложение.

Сурмило молча начал крутить ложкой в чашке, затем взял миндальное пи-

рожное, придвинул к себе вазочку с вареньем: явно какая-то мысль мучила бедного архивариуса. И наконец он выпалил:

— Дорогая Федосья Рюриковна! Я пришел к вам потому, что знаю: для вас

нет ничего невозможного и вы, если захотите, можете попасть туда, откуда звучит сигнал тревоги. Значит, делаю я вывод, вы вполне можете увидеть моего деда-генерала в полном здравии и проследить за его жизнью в далекой стране. Это первое. А второе: в нашей семье сохранилась легенда... Однажды дед возвращался из очередного военного похода, и цыганка гадала ему по руке. Она нагадала ему, что от насильственной смерти его спасет умная крупная женщина с грубым голосом... Ой, простите!

Владимир Гаврилович решил, что ранил сыщицу в самую глубину сердца. Может быть, ему следовало сравнить ее голос с громом небесным или звуком боевой трубы. Ну, на худой конец сказать, что голос ее похож на радостный крик слона, вырвавшегося на свободу. Но замечательная старуха не расстроилась, не обиделась, не сдвинула грозно брови, не фыркнула и не ответила Владимиру Гавриловичу резкостью. Она бархатисто рассмеялась:

— Надо же! Неужели цыганка имела в виду меня?

Владимир Гаврилович умоляюще посмотрел на грохочущую Федосью Рюриковну и тихо попросил:

— Дорогая госпожа Вечная, сделайте милость, спасите моего деда.

Федосья Рюриковна внезапно оборвала свой жизнерадостный грохот, протянула Сурмило бумагу с заметкой без логического конца и просто, без выкрутасов ответила:

— Конечно, спасу. Иначе и быть не может.

Владимир Гаврилович обрадовался несказанно. Он долго благодарил сыщицу, целовал ей руки, а когда собрался уходить, уже с порога сказал:

— Кстати, ни о какой редкой коллекции деда никто в нашей семье не слышал. И что именно он делал в Южной Америке, я не смогу вам подсказать.

— Не волнуйтесь, дорогой Владимир Гаврилович. Я узнаю о вашем деде все необходимое. Его таинственное увлечение станет явью, как только я вплотную займусь этим делом.

...Когда Сурмило покинул нас, Федосья Рюриковна испытующе взглянула на меня:

— Милый, конечно, не надо объяснять тебе, что мы втравились в очередное приключение?

— Не надо, дорогая Федосья Рюриковна!

— Ты готов к новому путешествию? Нам предстоит попасть в довольно жаркие места...

— Готов, готов, — перебил я сыщицу. — Скорее доставайте свои серебряные монетки, и айда в Амазонию!

— Погоди. Сначала переоденься. Сними свою шикарную фланелевую рубашку, надень майку с коротким рукавом, а то сжаришься в Амазонии за пять минут.

— Я все сделаю, как посоветуете.

— Прекрасно. Еще возьми, пожалуйста, флягу, пару носовых платков и вот этот русско-португальский словарь. Если я забуду некоторые португальские выражения, ты попытаешься мне помочь... Да, головной убор обязателен. Солнце в тех местах, куда мы отправляемся, нешуточное...

Федосья Рюриковна монотонно инструктировала меня, а я пребывал в восторженном состоянии. Неужели я увижу реку Амазонку? Неужели буду смотреть с борта грузового пароходика на бурные речные волны? Беседовать с аборигенами? Неужели познакомлюсь с русским отставным генералом Сурмило-1, и, может быть, даже он будет спасен с моей помощью?

...Через час мы уже стояли на месте старта — на опушке малаховского леса, у серебряного дерева Федосьи Рюриковны — и спинами ощущали его прохладный благородный ствол.

— Запомни, мы должны попасть в июнь 1911 года в город Манаус, на местную пристань, — сказала Федосья Рюриковна. — Ты готов?

— Ну конечно же! Давным-давно! Надо спешить!

— Спешить никогда не надо. Эта золотая мысль принадлежит моему близкому другу, философу Аристотелю, — прокомментировала мое нетерпение сыщица. — Ну, ладно. Закрываем глаза, представляем то место, о котором я только что сказала. Раз, два, три!

Надо ли добавлять, что серебряное дерево сработало безотказно: через мгновение мы стояли на замусоренной пристани бразильского города Манауса. Недалеко от берега качалось грузовое судно с большими колесами по бортам. А рядом с нами стоял Владимир Гаврилович Сурмило-1! С яйцеобразной головой, высокий, длинноносый. Как две капли воды похожий на малаховского Сурмило. Так впервые я увидел русского отставного генерала.

— Добрый день, господин генерал, — сказала бодро Федосья Рюриковна, — вы тоже отправляетесь в город Пара?

— Да, сударыня, — ответил скрипучим голосом старик-генерал. — Откуда вы меня знаете?

— Кто не знает русского героя? — ответила сыщица. — От Петербурга до Владивостока генерала Сурмило знают все.

— Так вы, сударыня, тоже моя соотечественница? — поинтересовался Владимир Гаврилович Сурмило-1.

— Конечно. Но судя во вашему вопросу, вы хотите сказать, что в этой бразильской глуши окружены русскими?

— О нет, естественно! Окружение — довольно сильное слово. Оно предполагает большое количество людей. Русских же здесь — помимо меня — всего трое: муж и жена из Самары, Наталья Николаевна и Николай Николаевич, и господин из Киева, поэт.

— Да что вы говорите! — обрадовалась Федосья Рюриковна. — Поэт — это так романтично!

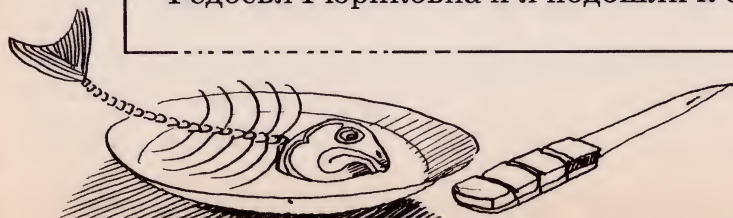
— Романтично? Не знаю. Очень неприятный господин, волосы до плеч, похож на бунтаря или разбойника. Все

время молчит, — пробурчал Сурмило-1. — Сударыня, я хочу предложить вам и вашему внуку держаться ко мне поближе. Все-таки места здесь малозна-

комые, в пути могут возникнуть сложности. Не стесняйтесь — всегда к вашим услугам.

Так, мило беседуя, отставной генерал, Федосья Рюриковна и я подошли к само-

му берегу, откуда вот-вот должна была отчалить лодка, перевозящая пассажиров на пароходик с большими колесами.

— Уважаемый господин Сурмило, будьте так любезны — замолвите за нас с мальчиком слово перед капитаном, чтобы он взял нас на борт, — попросила сыщица. — Видите, я немедленно пытаюсь воспользоваться вашим покровительством.

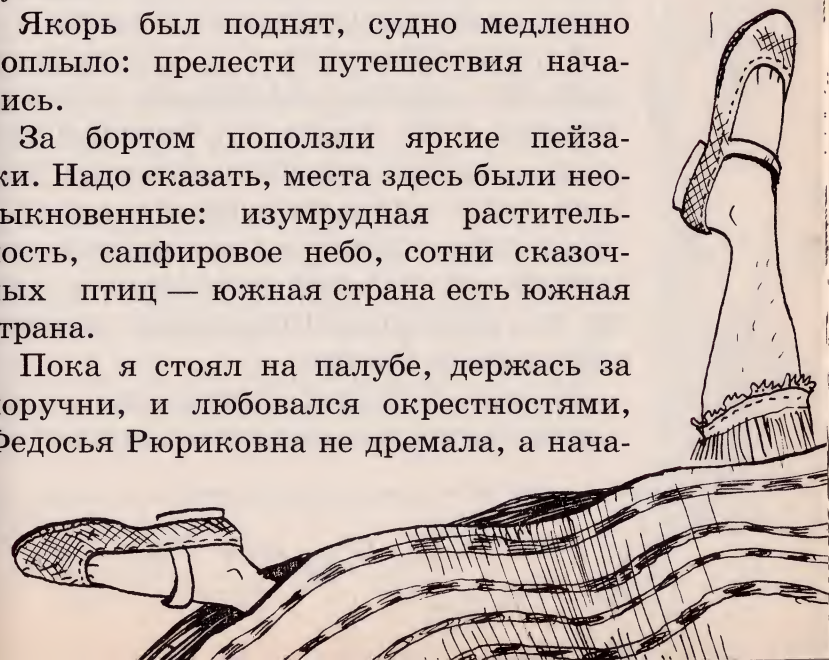
— С большим удовольствием помогу вам, — ответил генерал...

Не буду утомлять читателя подробным описанием переговоров с бразильским капитаном, но в конце концов мы с Федосьей Рюриковной оказались в крошечной каюте, где было темно, жарко и душно.

Якорь был поднят, судно медленно поплыло: прелести путешествия начались.

За бортом поползли яркие пейзажи. Надо сказать, места здесь были необыкновенные: изумрудная растительность, сапфировое небо, сотни сказочных птиц — южная страна есть южная страна.

Пока я стоял на палубе, держась за поручни, и любовался окрестностями, Федосья Рюриковна не дремала, а нача-

ла знакомиться с русскими, которые волею судеб оказались с нами на одном плавучем средстве.

Поэт действительно оказался странным субъектом. Он был небрежно одет, то и дело грыз ногти, на вопросы сыщицы отвечал односложно — да или нет. А когда она спросила его, почему он оказался в этом далеком от цивилизации уголке земли, единственный раз ответил более пространно:

— Для собственных впечатлений, сударыня.

Федосья Рюриковна пожелала ему грандиозных, запоминающихся впечатлений и оставила в покое.

В каюту к самарским супругам — Наталье Николаевне и Николаю Николаевичу — мы вошли с сыщицей вместе.

Наталья Николаевна — невысокая дама лет сорока, полненькая, с очень живыми, я бы сказал, цыганскими глазами — сидела на койке и хохотала. Она была одета в розовое платье и красные матерчатые туфли: они все время высывались из-под длинного подола, потому что Наталья Николаевна, смеясь, взбрыкивала ногами.

Ее муж, Николай Николаевич, сидел в углу каюты и равнодушно смотрел на

речные волны. Его лицо украшала довольно длинная черная борода, закрывающая грудь, и я решил: «Этот Николай Николаевич похож на капитана Немо».

При появлении Федосьи Рюриковны скучающий муж встал, поцеловал сыщице руку и предложил нам сесть.

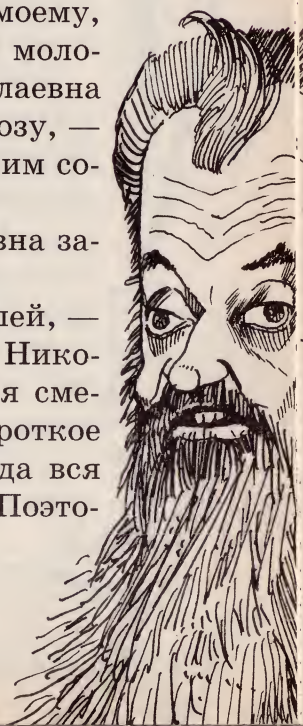
— Разрешите полюбопытствовать без лишних предисловий. — Федосья Рюриковна вытащила из кармана огромный фиолетовый платок и вытерла с висков бисеринки пота. — Зачем вы оказались на этом углу суденышке?

— Мы едем лечиться, только и всего, — ответил Николай Николаевич.

— Вы больны?! — крайне удивилась великолепная старуха. — По-моему, у вас обоих — цветущий вид, вы молоды, прекрасны, а Наталья Николаевна вообще походит на восточную розу, — сообщила Федосья Рюриковна своим собеседникам.

В этом месте Наталья Николаевна захохотала с утроенной силой.

— Видите, что творится с Наташей, — грустно кивнул в сторону жены Николай Николаевич. — Она все время смеется. Даже ночью. Лишь на короткое время забывается сном, но и тогда вся трясется от внутреннего смеха... Поэто-

му мы едем лечиться, то есть я везу Наташу к целителю, чтобы избавиться от бесконечных приступов беспричинного смеха.

— Чего только не встретишь на белом свете, — подивилась мудрая проницательная Федосья Рюриковна. — Я однажды познакомилась с одной дамой, которая пела пять суток подряд без передышки.

— Да? И что она с собою сделала? — оживился Николай Николаевич. — Чем лечилась? Не подойдет ли ее средство моей несчастной жене?

— Ну что вы, — улыбнулась Федосья Рюриковна. — Она пела потому, что влюбилась первый раз в жизни в шестьдесят семь лет.

Услышав ответ сыщицы, Наталья Николаевна на секунду утихла, но... Приступ смеха снова скрутил ее в бараний рог.

— А где вы намереваетесь лечить свою жену? — участливо поинтересовалась Федосья Рюриковна. — Насколько я себе представляю, здесь поблизости нет ни больниц, ни клиник, даже санатории отсутствуют.

— Что верно, то верно, — согласился капитан Немо. — Но мы едем не к вра-

чам, обученным в Европе, а к одному знаменитому местному целителю из племени тупи-гуарани. Я слышал, он может излечить от всего на свете.

Федосья Рюриковна округлила глаза, я просто-напросто застыл от неожиданности: разве возможно вылечить от всего на свете. Николай Николаевич вновь бросил грустный взгляд за окошко, а Наталья Николаевна продолжала хохотать. Бедная, мне показалось: она даже чуточку посинела от хохота.

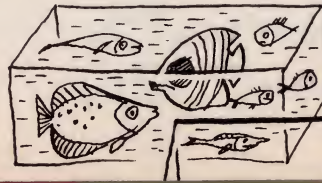
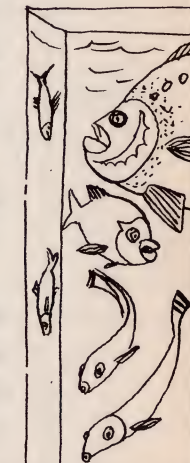
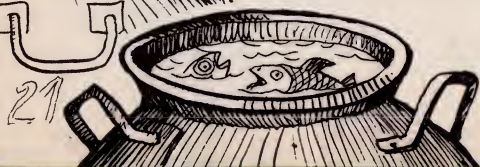
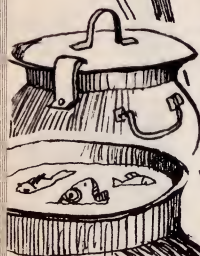
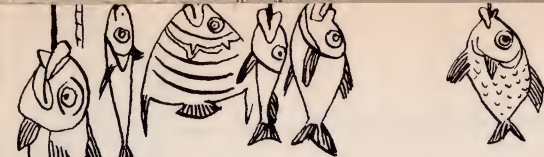
— Что ж, желаю вам удачи. — Федосья Рюриковна встала с места. — Иногда на свете случаются совершенно невероятные вещи. Как знать, может быть, тупи-гуараниец действительно поможет вашей несчастной супруге.

Я и сыщица вышли в коридор.

— Не хочешь ли ты прогуляться до каюты генерала? — поинтересовалась старуха. — Меня гложет мысль: какое такое увлечение появилось у Сурмило-1 за время заграничного путешествия?

— Вы еще спрашиваете! — воскликнул я. — Срочно идем к Владимиру Гавриловичу!

В тесной, крохотной каюте генерала Сурмило на полу стояло несколько железных сосудов. Когда мы показались на

пороге, он смотрел в один из них с интересом и даже причмокивая.

— Милый Владимир Гаврилович! — Федосья Рюриковна боком втиснулась в его временное жилище. — Что я вижу? Канны! Сосуды, в которых перевозят экзотических рыб!

— О, дорогая сударыня! Как вы устроились? Не очень ли утомительными показались вам первые мгновения нашего плавания? — учтиво проговорил Сурмило-1. — Вы совершенно правы — это канны, а в некоторых из них — рыбки. Пустующие канны в ближайшем будущем я тоже надеюсь заселить.

Я оттеснил Федосью Рюриковну и заглянул в открытый сосуд — туда несколько секунд назад смотрел Сурмило-1.

В темной воде происходило движение: кто-то плавал, шевелился, на мгновение на поверхности воды показалась малиновая спинка и, подразнив глаза, снова исчезла в глубинах канны.

— Так, так, так! — обрадовалась Федосья Рюриковна. — Я, кажется, догадалась: вы с некоторых пор стали аквариумистом и в Бразилию приехали для пополнения собственной коллекции рыбок?

— Да-а, — протянул в легком недоумении отставной генерал. — А я смот-

рю, у вас недюжинный ум и редкие способности к размышлениям.

— Наверное, — скромно подтвердила Федосья Рюриковна. — Но, знаете ли, не требуется особого ума, увидев в жилище человека канны, догадаться, что он аквариумист.

— Может быть, может быть, — сказал Владимир Гаврилович. — Но все-таки, если бы я встретил вас лет двадцать назад во время военных действий, я бы с удовольствием пригласил вас в свой штаб армии советником. Ох, простите, ради бога, советницей.

— Польщена, — улыбнулась Федосья Рюриковна. — Скажите, а где ваша основная коллекция? Я понимаю: ее невозможно возить с собою.

— Коллекция ждет меня в Одессе. У одного моего приятеля, бывшего сослуживца, собственная квартира в семь комнат. Вот в одной из них и живут мои рыбы. Там за ними осуществляется надлежащий уход: в аквариумах поддерживается нужная температура, рыбам дается свежий корм. Приятель тоже заболел аквариумистикой.

— Надо же, как интересно! — оптимистично протрубила Федосья Рюриковна.

И действительно — интересно было необыкновенно. Я слушал во все уши, глядел во все глаза, и вообще — отставной генерал мне нравился больше остальных русских пассажиров.

— Много лет назад, уважаемый Владимир Гаврилович, я собирала коллекцию бабочек. Круглое лето носилась с сачком по окрестностям, однажды чуть-чуть не сломала ногу, но коллекция у меня составила приличная, — доверительно поведала генералу сыщица.

— О, как я вас понимаю! В поисках редкого экземпляра я готов сломать не только ногу, но и рискнуть здоровьем! — пылко подхватил Владимир Гаврилович.

Я пристально вглядывался в лицо генерала: в нем жило много мальчишеского, по крайней мере, мимика у Сурмило-1 была совершенно юношеская.

— Интересно, а сейчас, отправившись из Манауса в Пару, вы преследуете какую-либо определенную цель? — Федосья Рюриковна уютно устроилась в жаркой тесной каюте и, видимо, готовилась за расспросами провести здесь долгое время.

— Конечно, сударыня! Конечно! — возликовал Владимир Гаврилович. —

Я вижу в вас родственную душу, поэтому с удовольствием поделюсь сокровенной мечтой. Я отправился в нынешнее путешествие для того, чтобы добыть речную гиену.

— Гиену?! — воскликнули мы с сыщицей хорошо отлаженным дуэтом.

— О, ну не стоит так пугаться? Это вовсе не гигантское животное. Это всего лишь скромная серо-голубая рыбка до тридцати сантиметров в длину. Но — доложу вам — зубки у речной гиены вовсе не скромные. Зубки у нее — что надо! — с сияющими глазами поведал Сурмило-1.

— Кажется, я знаю, о какой рыбке вы говорите, — сказал я. — Это пиранья. Так?

— Совершенно верно, юный друг, — уважительно подтвердил отставной генерал. — Откуда же ты знаешь про пиранью? В России она такая же редкость, как на юге, например, пригоршня снега.

— Из книг знаю. Я тоже мечтаю об аквариуме, упрашиваю родителей, чтобы они мне его купили, и время от времени читаю книги по аквариумистике, — гордо сообщил я.

— Ты мечтаешь об аквариуме? — удивился старик. — Но это же доро-

гое удовольствие. Не всякий человек может позволить себе подобную роскошь.

— Не думаю, у нас в классе у троих ребят есть аквариумы. У Лехи Гришина — с меченосцами и гуппи. У Ленки Левина — с петушками. А у Ваньки Распопова уже два года живут золотые рыбки. Даже дают потомство, а Ванька с отцом на Птичьем рынке мальков продают!

Владимир Гаврилович Сурмило-1 вытаращил поблекшие голубые глаза. Моя речь потрясла его. Наверное, меня так же удивила бы речь инопланетянина, рассказывающего о своем житье-бытье на планете Тумба-Юмба из соседней галактики.

«Тьфу ты, пропасть! — вдруг подумал я. — Этот Сурмило ничего же не знает про нынешнюю нашу жизнь, он же из 1911 года. Зачем же я пугаю старикана, мелю, как мельница, про ребят, про школу, про Птичку, на которой каждое воскресенье толчется этот придурок Распопов?»

Федосья Рюриковна поймала мои мысли за хвост, укоризненно покачала головой и ловко перевела разговор в иное русло.

— Ах, Владимир Гаврилович! Совершенно верно, аквариум — это истинный праздник, истинная роскошь. Только в самых приличных домах можно полюбоваться экзотическими рыбками. Помню, совсем недавно я была в гостях у графини

ни Потоцкой. Так вот, кофе с марципанами мы пили в Изумрудной гостиной, где стояли три великолепных аквариума. Какая красота! Графиня так любит все необычное.

Владимир Гаврилович облегченно вздохнул. Услышав слова сыщицы, он

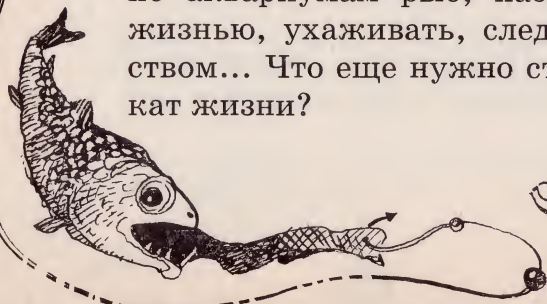

понял: мы вовсе не сумасшедшие и с нами можно продолжать доверительную беседу. Мой последний монолог он, видимо, отнес к буйным отроческим фантазиям.

— Я рад, сударыня, что вы теперь не сомневаетесь: ваш новый покорный слуга, он же генерал в отставке, занимается весьма оригинальным, необычным увлечением. Моя коллекция — целое состояние. Она стоит больших денег. Конечно, деньги увлекают меня не в первую очередь, но все же приятно сознавать: рыбки, привезенные из многотрудных путешествий, — это и сказочная красота, и приумножение собственных средств.

— Ах, какие верные размышления, — закатила глаза Федосья Рюриковна. Ни дать ни взять — салонная дама. — Естественно, если вам удастся, вы займетесь разведением рыбок в Петербурге...

— Конечно, любезная, конечно, проницательная сударыня! Я только и мечтаю о том времени, когда смогу уединиться в своем имении, расселить по аквариумам рыб, наблюдать за их жизнью, ухаживать, следить за потомством... Что еще нужно старику под закат жизни?

Дверь в каюту приоткрылась. К нам всунулось черное лицо матроса-бразильца. Бразилец что-то быстро сказал на португальском языке.

— Скорее, друзья, скорее! Матросы поймали речную гиену! — истошно закричал старик-генерал и рванулся из каюты.

...На палубе царила суматоха. Носились матросы, капитан из рубки мощно кричал в свою длинную железную трубу, Наталья Николаевна и Николай Николаевич тоже были здесь: жена привычно смеялась, муж пытался пробиться через любопытствующих. Те плотным кругом стояли вокруг чего-то и смотрели на это что-то с ужасом и отвращением. Поэт-разбойник прохаживался рядом, бросая угрюмые взгляды на возбужденную публику.

Как ни удивительно, все расступились, пропуская вперед Сурмило-1, Федосью Рюриковну и меня. Видимо, сыщица грандиозной, представительной фигурой внушала бразильцам почтение; генерал Сурмило-1 тоже производил бравое впечатление, а я — под сурдинку — проникнул к тому месту, где прыгала по доскам взбешенная речная гиена.

Надо же! Мне захотелось присвистнуть от разочарования. Речной гиеной оказалась пустяковая серо-голубая рыбка с белыми острыми зубами. Глаза ее бесстрашно сверкали. Зубами она впилась в тряпку с тонкой длинной веревкой.

Бразильцы что-то наперебой стали говорить отставному генералу. Он кивал, охал, вздыхал, поглядывал на пиранию горящими глазами.

— Милый, — тихо обратилась ко мне Федосья Рюриковна, — Владимир Гаврилович так возбудился, что забыл про нас да и про все на свете разом. Но я понимаю португальский, поэтому хочу перевести тебе всю эту невероятную суматоху... Матросы рассказывают генералу, что решили позабавиться, смочили тряпку в говяжьей крови... Кстати, на обед нам сегодня предложат жареное мясо с тушеными плодами авокадо... Привязали тряпку к веревке и бросили за борт.

Тут же примчалась стая пираний — они чуют запах крови, как мы — запах свежего хлеба, доносящийся из булочной. Одна из пираний, наверное самая кровожадная, вцепилась в тряпку, и

матросы вытащили ее на борт нашего парохода...

Генерал срывающимся от волнения голосом на португальском спросил что-то у матроса, стоящего ближе всех. Публика захохотала, матрос утвердительно ответил генералу.

— Ах, сейчас случится трагедия! — воскликнула сыщица. — Наш генерал спросил: не может ли он взять пиранию себе? Матрос ответил: «Да, конечно, если путешественник не боится остаться с откушенным пальцем».

Глаза Владимира Гавриловича азартно горели. Он уже не видел и не слышал ничего вокруг, нагнулся над тряпкой и...

Дерзкая мысль пронзила меня. Я в мгновение ока представил себе, как речная гиена вцепляется в палец генерала, как хохочут матросы, как корчится от боли Сурмило-1...

Я вихрем подлетел к тряпке с пиранией и отфутболил ее за борт. Удар был классный, что и говорить — во мне явно пропадал талант легендарного Пеле.

— Что ты наделал, негодный мальчишка! — грозно закричал генерал. —

Ты опозорил меня перед всей командой!

— Ничего подобного, милый Владимир Гаврилович, — величественно пробасила Федосья Рюриковна. — Он спас вас от позора, физической боли и отрицательных эмоций... Успокойтесь, ради бога. Экземпляры для вашей коллекции надо подбирать не в суете, а с чувством, расстановкой, подготовившись. Скажите, куда бы вы сию минуту дели эту жуткую пиранью? Пока бы вы дошли до каюты, она искусила бы вас, вы задушили бы ее от переизбытка нахлынувших эмоций или случилось бы многое другое, о чем вы даже не подозреваете.

Отставной генерал ничего не ответил, сердито повернулся на каблуках и удалился в свою каюту, а матросы хохотали что есть мочи. Ну и наплевать! Главное, пальцы старика остались на месте.

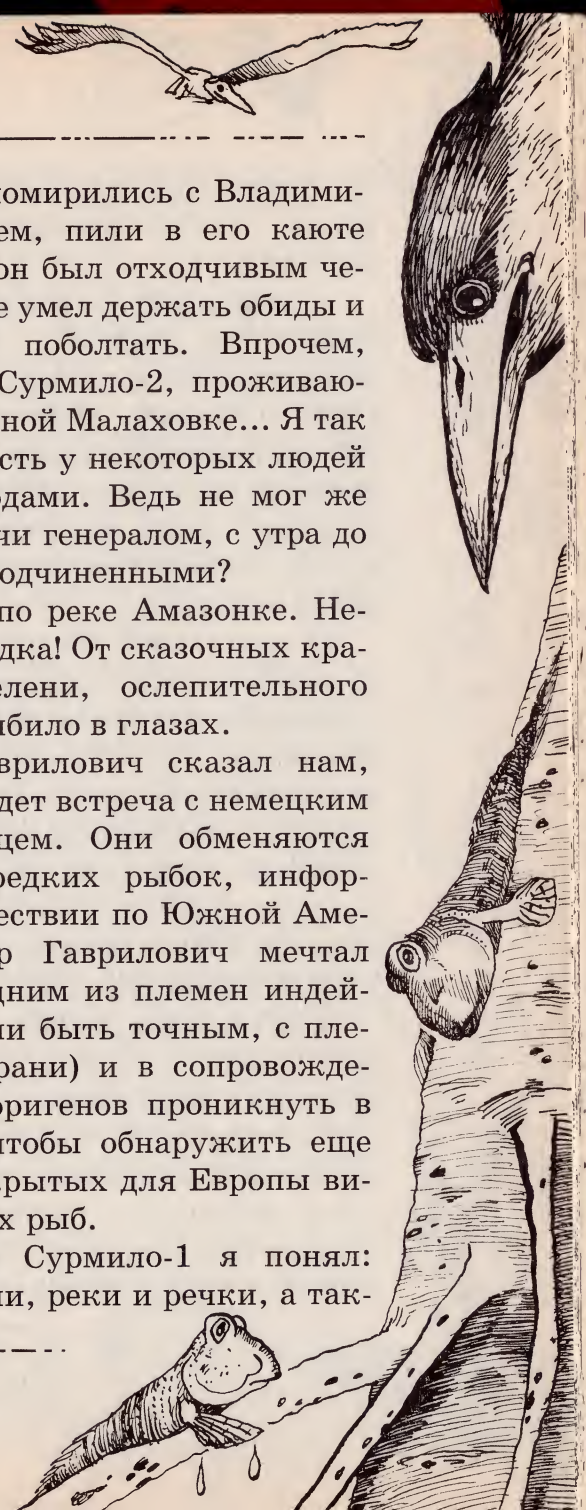
Между прочим, в компании веселых матросов громче всех надрывалась Наталья Николаевна. Ее муж Николай Николаевич тихо улыбался в бороду, а мрачный поэт-разбойник прохаживался неподалеку, без слов наблюдая за разыгравшейся сценой...

К вечеру мы помирились с Владимиром Гавриловичем, пили в его каюте чай, и я понял: он был отходчивым человеком, долго не умел держать обиды и страшно любил поболтать. Впрочем, как и его внук Сурмило-2, проживающий в подмосковной Малаховке... Я так думаю: болтливость у некоторых людей развивается с годами. Ведь не мог же Сурмило-1, будучи генералом, с утра до ночи трещать с подчиненными?

...Мы плыли по реке Амазонке. Незабываемая поездка! От сказочных красок, обилия зелени, ослепительного солнца у меня рябило в глазах.

Владимир Гаврилович сказал нам, что в Паре его ждет встреча с немецким зоологом Шварцем. Они обмениваются экземплярами редких рыбок, информацией о путешествии по Южной Америке. Владимир Гаврилович мечтал встретиться с одним из племен индейцев гуарани (если быть точным, с племенем тупи-гуарани) и в сопровождении группы аборигенов проникнуть в глубь страны, чтобы обнаружить еще несколько неоткрытых для Европы видов экзотических рыб.

Из рассказов Сурмило-1 я понял: здесь, в Бразилии, реки и речки, а так-

же озера, другие разные водоемы буквально кишат невиданными в Европе рыбками.

— Мой друг, — в один из дней признался мне старик, — занявшись аквариумистикой, я сделался поэтом. Послушай: «Однажды небо опрокинулось на эту диковинную страну, просыпало в водоемы звезды, они превратились в рыб, и теперь люди любят ими сколько хотят...» Как? Эти стихи я сочинил прошлой ночью!

От отставного генерала я узнал: есть на свете рыбки, которые умеют лазать по деревьям. Ученые назвали их «анабас сплендес», а местные жители — «тамоуле-паунеиери», что в переводе означает «рыбка, карабкающаяся на дерево». Эти чудесные создания, спасаясь от засухи, находят убежища в дуплах, где долгое время сохраняется вода, и живут внутри деревьев до нового сезона дождей.

Есть на свете рыбки, строящие брачные гнезда из... воздуха. Среди них — красавцы макроподы.

А петушки не только красивы, но и необыкновенные забияки. Их еще прозвали бойцовыми рыбками. Стоит двум самцам петушков встретиться на узкой дорожке, как начинают лететь пух и пе-

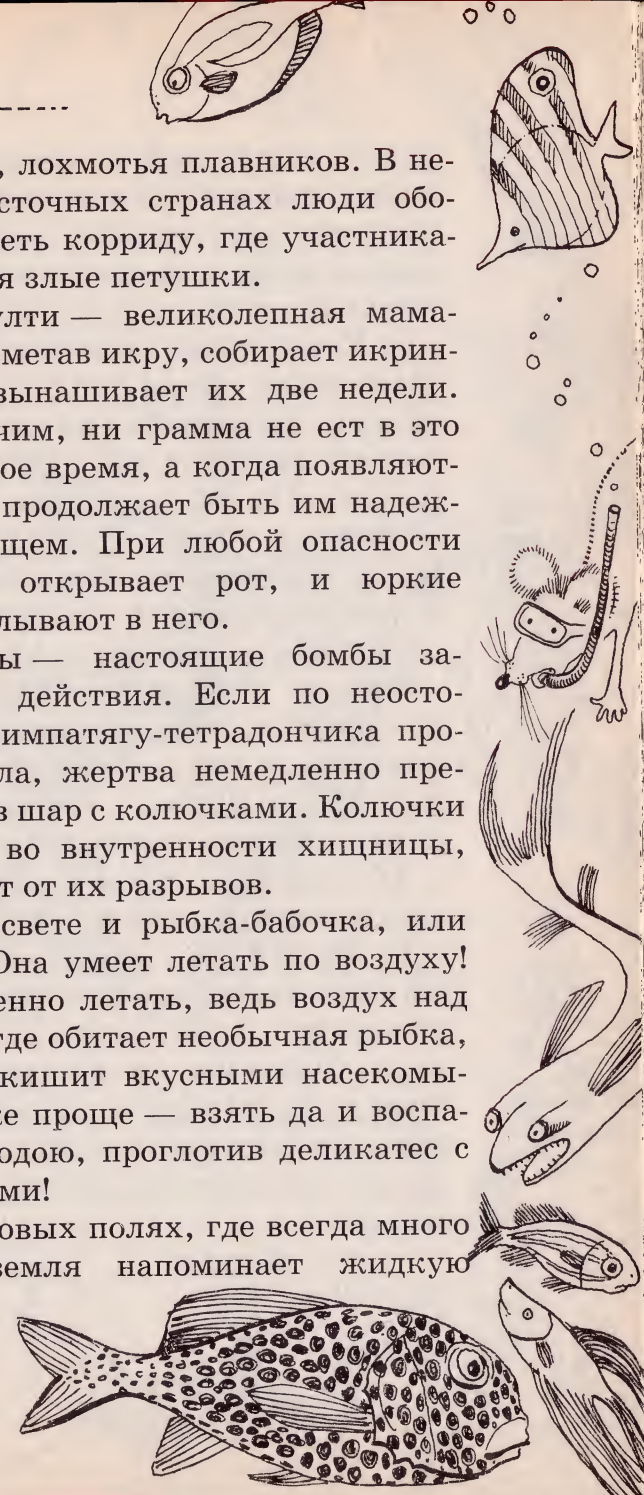
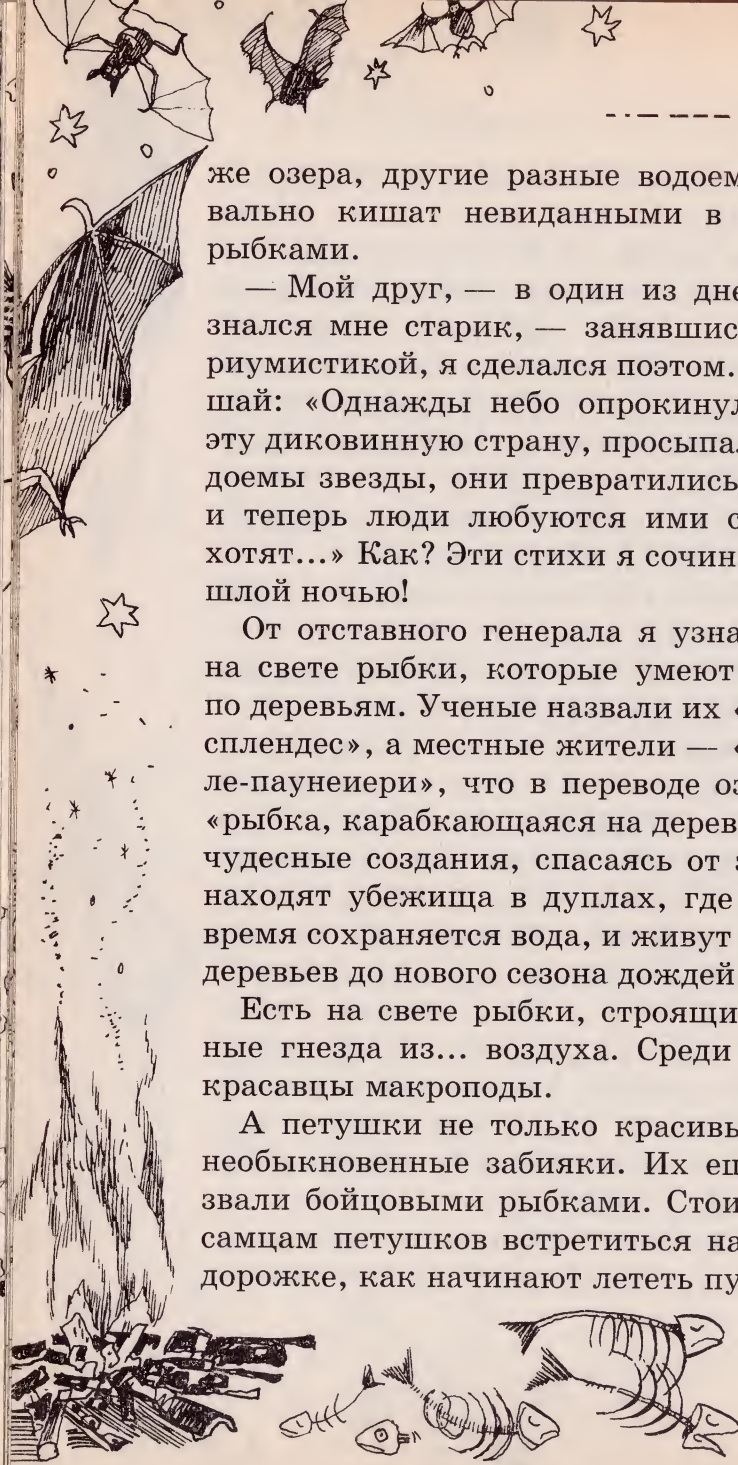
рья. Вернее, лохмотья плавников. В некоторых восточных странах люди обожают смотреть корриду, где участниками являются злые петушки.

Рыбка булти — великолепная мамаша. Она, выметав икру, собирает икринки в рот, вынашивает их две недели. Между прочим, ни грамма не ест в это ответственное время, а когда появляются мальки, продолжает быть им надежным убежищем. При любой опасности мать-булти открывает рот, и юркие мальки заплывают в него.

Тетрадоны — настоящие бомбы замедленного действия. Если по неосторожности симпатягу-тетрадончика проглотит акула, жертва немедленно превращается в шар с колючками. Колючки впиваются во внутренности хищницы, и она гибнет от их разрывов.

Есть на свете и рыбка-бабочка, или пантодон. Она умеет летать по воздуху! Да, да, именно летать, ведь воздух над водоемом, где обитает необычная рыбка, постоянно кишит вкусными насекомыми. Чего же проще — взять да и воспарить над водой, проглотив деликатес с крылышками!

А на рисовых полях, где всегда много воды и земля напоминает жидкую

грязь, живет рыбка оризиас — «рожденная рисом». Самка этой рыбки носит свою икру больше недели под брюхом, и лишь за день-два до появления мальков гроздь икринок распадается.

...Как я уже отмечал, Владимир Гаврилович Сурмило-1 любил поговорить, поэтому беседы со мной и Федосьей Рюриковной длились иногда часами. Но это мне даже нравилось, а сыщица тоже выражала всем своим поведением крайнее любопытство и расположение к одержимому коллекционеру.

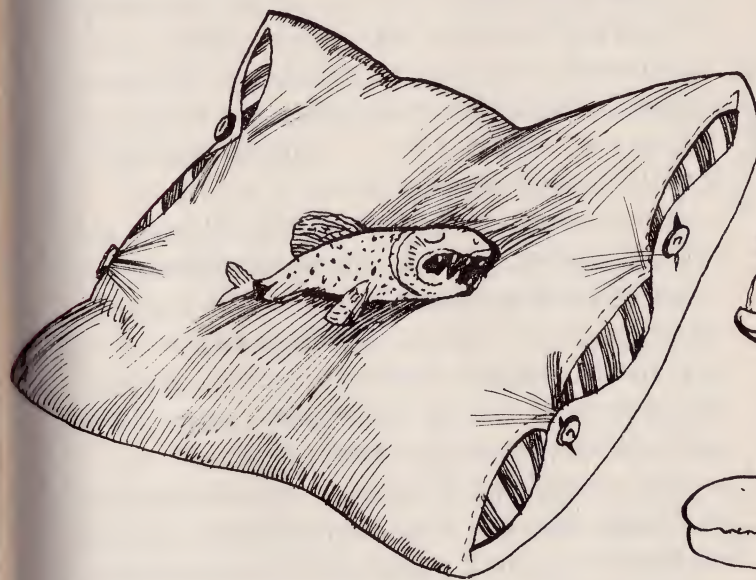
Короче, путешествие наше проходило довольно безмятежно, и я начал удивляться про себя: зачем мы перенеслись в 1911 год? Никакими трагедиями, преступлениями и не пахло.

Но однажды утром пронизательная сыщица шепнула мне:

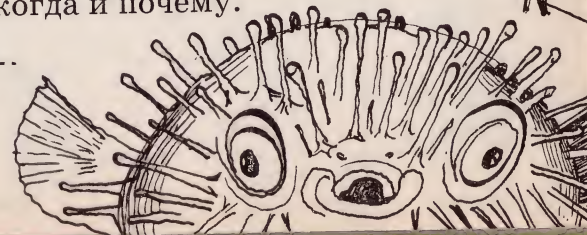
— Милый, ты совершенно не прав. На этом скромном грузовом суденышке давным-давно созрел нехороший план. Скоро мы о нем узнаем. От Владимира Гавриловича он тоже не укроется. Не буду предвосхищать события, но об этом коварном плане узнают все, все, все.

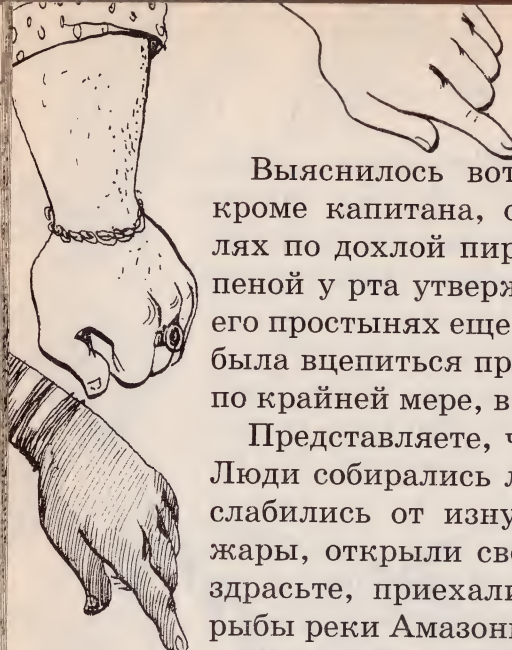
— Что за план?

— Скажу тебе единственное: жизнь Сурмило под угрозой. Поэтому мы незря преодолели расстояние в десятилетия и так мило болтаем с симпатичным генералом.

Вечером того же дня, когда произошел этот разговор, на судне началась суматоха. А раз суматоха, значит, все выбегают на палубу и начинают выяснять, что стряслось, когда и почему.

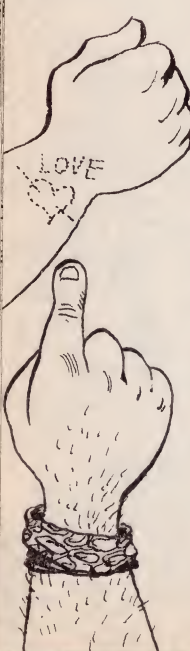

Выяснилось вот что: вся команда, кроме капитана, обнаружила в постелях по дохлой пиранье. Один матрос с пеной у рта утверждал: речная гиена в его простынях еще шевелилась и готова была вцепиться прямо ему в горло. Ну, по крайней мере, в запястье руки.

Представляете, что это был за ужас? Люди собирались ложиться спать, расслабились от изнурительного труда и жары, открыли свои постели, а там — здрасьте, приехали, — самые хищные рыбы реки Амазонки!

Разговоры о странном событии гудели в каютах до поздней ночи. Конечно, зародились подозрения, команда настояжилась и начала косо поглядывать на пассажиров. Хотя с какой стати? Пассажиры могли бы также косо глядеть на чернокожих матросов.

На следующий день история повторилась. Матросы вновь обнаружили в койках гнусных рыб с острыми, как наточенные шипы, зубами. Команда выскочила снова, как и в прошлый вечер, на палубу и начала требовать от капитана справедливости, расследования и наказания виновника. Конечно, капитан не обладал гениальными способностями — распутывать загадочные дела,

как это блистательно делала Федосья Рюриковна, но он обладал властью. Капитан, как мог, успокоил матросов, сурово сдвинул брови и сделал для себя молчаливые выводы.

Третий вечер как две капли воды был похож на два предыдущих. Проклятые речные гиены — дохлые, с оскаленными пастьми — валялись на простынях матросов. На палубе разразилась буря. Крики, угрозы, бешеные взгляды сыпались со всех сторон.

Капитан вызвал на палубу всех пассажиров — Федосью Рюриковну, меня, Сурмило-1, самарских супругов, поэта-разбойника — и объявил свое решение:

— Господа! Я не имею времени разбираться в том, что происходит. Кто-то из вас упорно пакостит моим ребятам, втихую ловит мерзких речных гиен и подсовывает их в постели. Завтра утром вам всем придется высадиться на берег. Добирайтесь до Пары по суше. Ваш багаж в целости и сохранности доедет до места: в Паре каждый получит свои тюки, чемоданы, сумки и железные бочки с рыбками.

Спорить было бесполезно. Команда поддержала решение капитана радостными воплями.

...Наутро грузовое судно остановилось у совершенно дикого живописного берега, и всех русских путешественников перевезли на лодке в труднопроходимые

заросли. Команда ликовала, мы слегка приуныли.

— Испытания закаляют человека, — бодро сказала великая сыщица, стоя по пояс в береговой траве. — Так утверж-

дал мой хороший знакомый, неутомимый путешественник Миклухо-Маклай.

Не знаю как остальные, но я приободрился после оптимистического заявления моей предводительницы.

Джунгли, по которым мы тронулись в путь, ошеломили меня. Теперь не с борта суденышка, а в непосредственной близости я видел сияющие разноцветные цветы. Попугаи порхающим бисером ле-

тали с ветки на ветку и чуть не касались наших лиц и плеч яркими крыльями. Из-под ног выныривали какие-то таинственные обитатели Амазонии: их я даже не успевал разглядеть, потому что они снова скрывались в непроходимой высокой траве. Может быть, это были змеи?

То тут, то там порхали диковинные бабочки, напоминающие сказочные цветы. Стволы деревьев оплетали лианы. Эти лианы разнообразно цвели. Воздух щекотал ноздри терпкими, сладкими, нежными и сильными ароматами. Со всех сторон неслись птичьи голоса, чье-то рокотанье, постанывание... Нам ничего не оставалось делать, как отправиться в путь по вовсе не безопасным местам.

Бедняжка Наталья Николаевна все время давила в себе смешки. Ей так хотелось быть серьезной в эти малоприятные минуты... Я почему-то вспомнил, как мне было трудно слушать рассказ комика Терегулова из театра «Роза ветров», когда тот рассказывал о пропавшей челюсти примадонны Турмалиновой. Но мне хотелось тогда смеяться, потому что было смешно, а Наталья Николаевна смеялась потому, что болела

странной болезнью. Вот где была настоящая пытка.

Время от времени отставной генерал вынимал из планшета карту, сверял направление, по которому двигался наш маленький отряд, перебрасывался репликами с Федосьей Рюриковной, подбадривал остальных:

— Господа! Мы скоро выберемся с тропы на дорогу, а там до цивилизации рукой подать. Слово бывалого офицера!

«Кто же подбрасывал в постели команды дохлых пираний? — размышлял я. — Наверное, Федосья Рюриковна знает, но, по обыкновению, не сразу раскрывается».

— Совершенно верно, — тихо сказала Федосья Рюриковна, положив руку на мое плечо. — Я кое о чем догадываюсь, но предпочитаю не спешить с монологами. Дорого яичко к завтраку, а стакан кефира — на ужин. Так говаривал мне великий физиолог, прекрасный ученый Илья Ильич Мечников. О подозрениях же скажу следующее. Команда решила, что пираний в постели подбрасывал наш милейший Владимир Гаврилович Сурмило-1.

— Как?! — Я несказанно удивился.

— Да так... Все знали, что Сурмило-1 ловит и собирает разных-прекрасных бразильских рыбок. Ну раз так, значит, он и подбрасывал пираний, — поведала мне сыщица.

— Но генерал не мог так поступить! — встал я на защиту Владимира Гавриловича. — Хоть он и в отставке, но офицерская честь нерушима!

— Золотые мысли, мой друг! Можешь подарить их капитану грузового судна уже в Паре, а пока нам приходится продираться через траву, кусты, колючки, деревья и обливаться потом.

На этом нам пришлось завершить обмен мнениями, иначе бы мы провалились в яму с рыжей пахучей жижей.

Когда солнце начало спускаться к горизонту, а джунгли наполнились тенями, наш отряд внезапно услышал странные гортанные звуки. Отставной генерал остановился, прислушиваясь. Наталья Николаевна застыла как вкопанная, прикрывая рот руками, затянута в голубые перчатки. Николай Николаевич насторожился. Мрачный поэт как обычно не проявил радости. Лишь Федосья Рюриковна безмятежно улыбалась — на ее лице вы не нашли бы ни боязни, ни настороженности, ни тени

беспокойства. Я выжидательно смотрел на великую сыщицу.

На тропинку перед нами выпрыгнул гибкий высокий человек. «Абориген», — догадался я. Он был совершенно голый, лишь набедренная повязка украшала его смуглое тело. Глаза человека сверкали.

— О-о! — протрубила сыщица. — Владимир Гаврилович, это представитель индейских народов тупи-гуарани. Вы знаете хотя бы один из их языков?

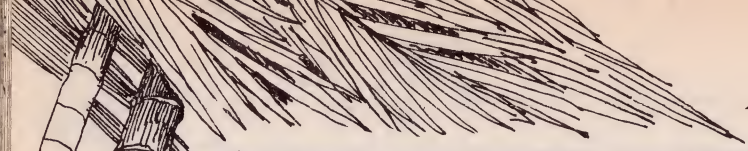
— Языков? — удивился генерал.

— Конечно. Тупи-гуарани говорят на пятидесяти языках, среди них языки — юруна, арикем, тупари, рамарама, монде, пурубора и другие.

— Вы меня озадачили, уважаемая сударыня. Я всегда думал, что мне будет достаточно знать английский, немецкий, французский, португальский, венгерский, русский и белорусский... Конечно, я не говорю ни на одном из перечисленных вами языков тупи-гуарани, — отвечал Владимир Гаврилович. — Жаль, видно, мы никогда не узнаем, почему этот красавец из джунглей потрясает копьём над головой.

— Узнаем, — сказала сыщица. И вдруг начала говорить с темнокожим

аборигеном на довольно красивом булькающе-гортанном языке.

Вот это да! Я догадывался, что Федосья Рюриковна — полиглот, но то, что она суперполиглот, даже и не предполагал.

— Друзья мои! — в конце переговоров с индейцем сыщица обратилась к нашему отряду. — Должна вам сообщить: этот милый юноша приглашает нас переночевать под кровом хижин его родного племени. Он говорит: «Через час ягуар выйдет на охоту, и один из вас может стать для него лакомым блюдом. Будет лучше, если завтра утром вы примете участие в празднике, посвященном могильщикам гуарани, а не превратитесь в ужин гигантской кошки».

Ни у кого из присутствующих не произошло ни малейшего желания попасть в когти к местному ягуару, а также в объятия к анаконде. А они в этих местах просто кишели. В одной из книг я однажды прочитал, что анаконды достигают десяти метров, питаются птицами, рыбами, молодыми крокодилами, млекопитающими... Конечно, и от людей они не откажутся.

Одним словом, коротко посоветовавшись, мы решили, что лучше провес-

ти ночь под травяной крышей индейского жилища, чем смотреть на звезды сквозь ветви деревьев.

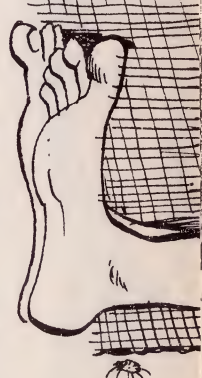
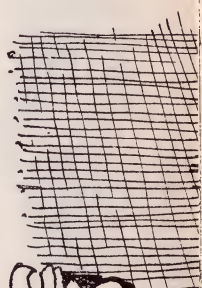
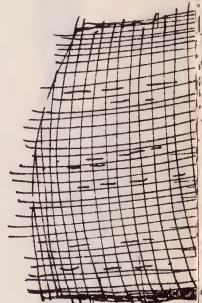
Федосья Рюриковна гортанно сообщила индейцу наш положительный ответ. Тот кивнул, взмахнул копьем — это означало «Добро пожаловать», и мы потянулись за ним через темнеющие джунгли.

...Индейцы тупи-гуарани поместили нас в просторную хижину и предложили угощение: фрукты на подносе, сплетенном из прутьев, и сильно пахнущую рыбу в листьях неизвестного мне растения. В хижине мы нашли циновки и травяные матрасы.

Пужинав, наш отряд расположился на ночлег. Перед тем как улечься на свою циновку, Владимир Гаврилович сообщил Федосье Рюриковне:

— Какие замечательные люди, эти тупи-гуарани! И накормили, и спать уложили, и на праздник пригласили. Не то что капитан и его команда со своими дурацкими обвинениями.

— Посмотрим, посмотрим, кто хороший, а кто очень хороший, — согласилась с генералом сыщица. — Ложитесь спать, завтра нас ждут великие дела и крутые повороты судеб.

— Я заметил, уважаемая, вы все время говорите высоким стилем. Иногда я не понимаю вас. Вот сейчас вы сообщили о каких-то поворотах судеб? Что вы имели в виду? — поинтересовался Владимир Гаврилович.

Но его вопросы остались без разъяснений: Федосья Рюриковна уже нежно похрапывала, растянувшись на своем ложе. Улеглись и остальные члены нашего отряда. Словоохотливому Владимиру Гавриловичу ничего не оставалось делать, как тоже улечься и засопеть.

...Конечно, ночью я проснулся. У меня особенность — плохо спать на новом месте. Первым делом я сел и огляделся в темноте. Внезапно меня встревожило одно обстоятельство: я обнаружил на своих местах лишь Федосью Рюриковну, Владимира Гавриловича и, естественно, себя. Матрасы самарских супругов и мрачного поэта пустовали.

Я подполз к выходу, выглянул наружу... Где-то неподалеку горел костер, ночные тревожные звуки наполняли округу. С невидимых высот сияли звезды. Они напоминали чистые ясные глаза.

Куда же подевались супруги и поэт?

Когда мои глаза окончательно привыкли к темноте, я различил, что у кост-

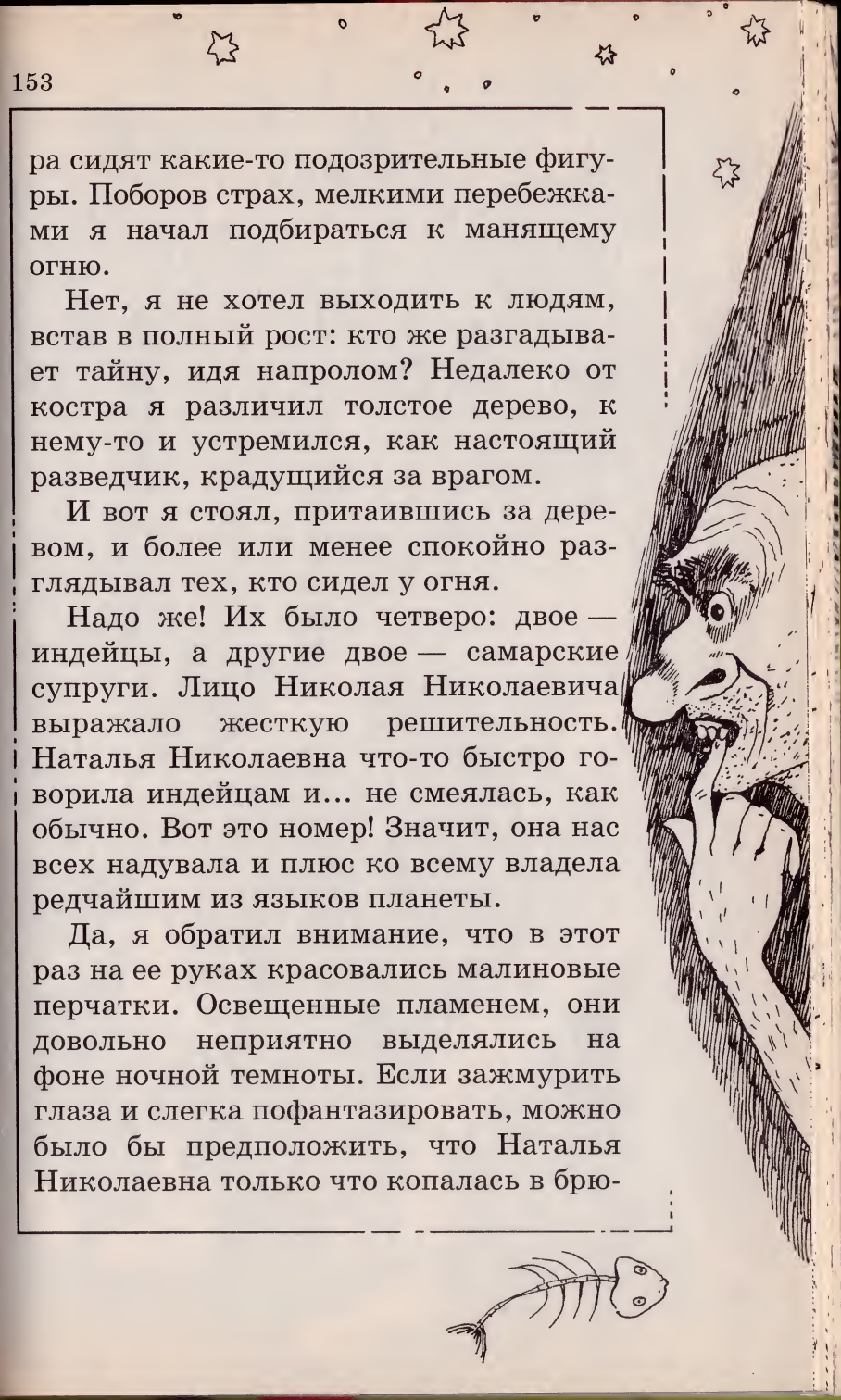
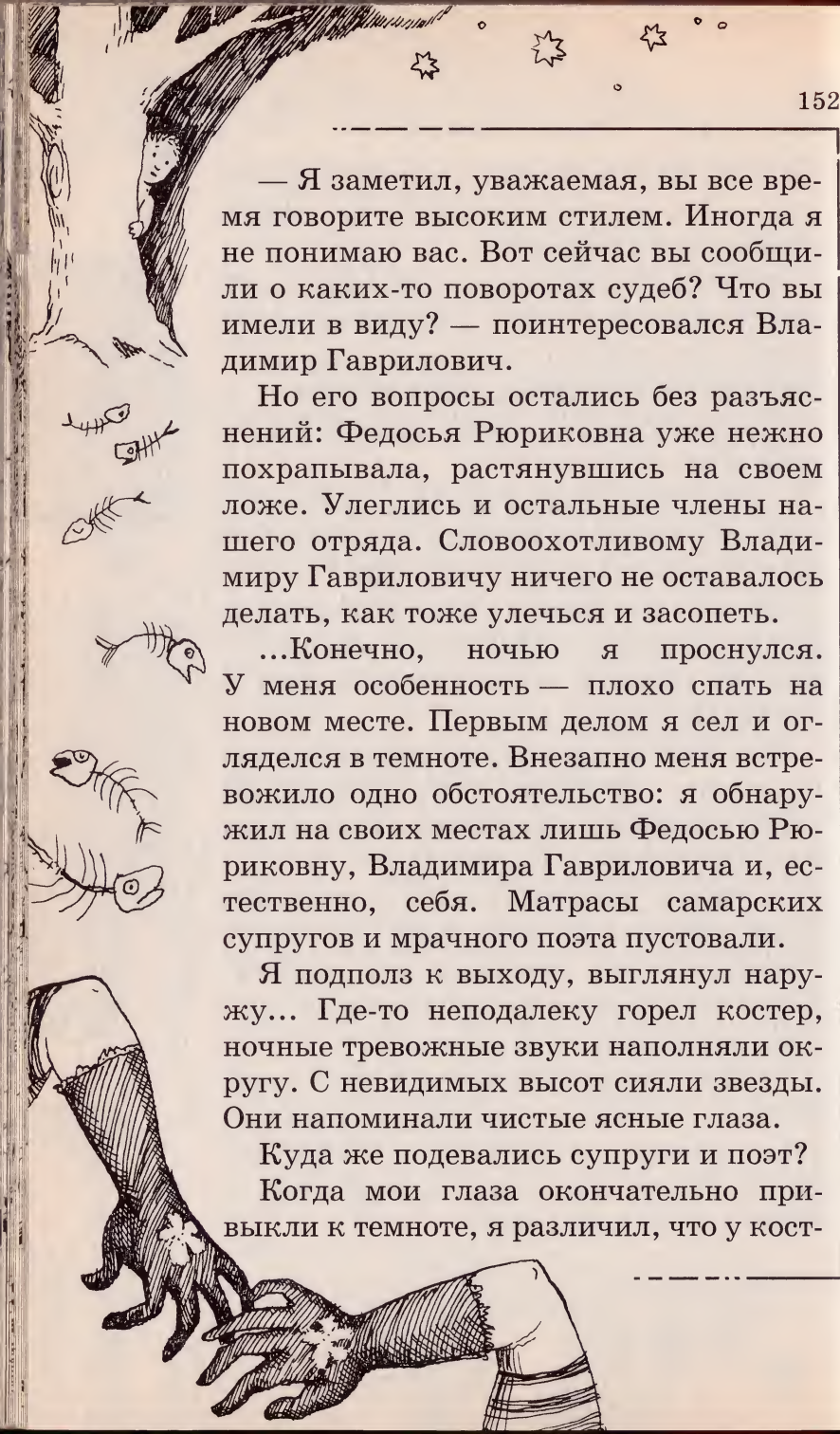
ра сидят какие-то подозрительные фигуры. Поборов страх, мелкими перебежками я начал подбираться к манящему огню.

Нет, я не хотел выходить к людям, встав в полный рост: кто же разгадывает тайну, идя напролом? Недалеко от костра я различил толстое дерево, к нему-то и устремился, как настоящий разведчик, крадущийся за врагом.

И вот я стоял, притаившись за деревом, и более или менее спокойно разглядывал тех, кто сидел у огня.

Надо же! Их было четверо: двое — индейцы, а другие двое — самарские супруги. Лицо Николая Николаевича выражало жесткую решительность. Наталья Николаевна что-то быстро говорила индейцам и... не смеялась, как обычно. Вот это номер! Значит, она нас всех надувала и плюс ко всему владела редчайшим из языков планеты.

Да, я обратил внимание, что в этот раз на ее руках красовались малиновые перчатки. Освещенные пламенем, они довольно неприятно выделялись на фоне ночной темноты. Если зажмурить глаза и слегка пофантазировать, можно было бы предположить, что Наталья Николаевна только что копалась в брю-

хе убитого ягуара и теперь руки ее были в крови.

Но где же поэт? Я не обнаружил его в нашем ночном пристанище, значит, он тоже где-то бродит поблизости? А вдруг он заодно с самарскими супругами?

Тут кто-то коснулся моей руки. Я чуть было не закричал на всю округу сумасшедшим голосом. Мысли о ягуарах, анакондах и всякой другой нечисти не вылезали из моей головы. Конечно, это хвост ягуара! Конечно, это морда анаконды! «А-а-а!!!» — подумал я.

— Тише, мальчик, — сказал кто-то над моим ухом.

Я посмотрел направо и увидел... поэта. Но — господи, боже мой! — поэт преобразился: его лохматые черные волосы до плеч отсутствовали. Лысая голова слабо блестела в ночной темноте.

— А где ваши волосы? — прошептал я. — Неужели индейцы обрили вас?

— При чем здесь индейцы, мальчик? Днем я ношу парик, а на ночь его снимаю, чтобы голова немного подышала, — ответил с раздражением поэт.

— Ну, знаете что... — обиженно протянул я. — Значит, вы всех нас дурачили? У настоящих поэтов не бывает лы-

сых голов. Если у вас фальшивые волосы, значит, вы не поэт.

— Твоя логика на грани фантастики, — ухмыльнулся лысый. — Чего ради тебе дались мои волосы и моя голова, когда рядом ТАКОЕ происходит?

— Что ТАКОЕ?

— Ты разве не понимаешь, что эти двое не муж и жена? — сообщил мне новость лысый поэт.

— Ну и что? — сказал я. — Не муж и жена, а дальше?

Поэт странно посмотрел на меня.

— А то, что неприлично путешествовать по странам, если ты не муж и жена. Это, мальчик, дурной тон.

Поэт глянул на меня не просто странно, а даже как-то дико, словно я предлагал ему слетать на Луну, оседлав метлу... «О Господи! — подумал я. — Так я же нахожусь в начале двадцатого века, и лысый не понимает меня, потому что в мое время совершенно иные нравы. От этого вывода на сердце у меня стало грустно-грустно.

— Знаешь, мальчик, мне кажется, тебе надо пойти и лечь спать, — мягко посоветовал лысый поэт. — Вдруг твоя бабушка проснется и перепугается, не обнаружив тебя на месте?

Мне не хотелось в который раз доказывать, что Федосья Рюриковна не моя бабушка, что она — великая сыщица всех времен и народов и моя предводительница на момент отсутствия родственников. Я посчитал дискуссию лишней, тем более что Наталья Николаевна и Николай Николаевич, сидя у зловещего костра, принялись говорить на повышенных тонах.

— Послушайте, а о чем они говорят? — сменил я тему ночного разговора.

— Я предполагаю о том, что наш отставной генерал — богатый человек, — коротко сообщил лысый, переступив с ноги на ногу.

Под его каблуками хрустнула ветка. Этот хруст услышал один из индейцев и, толкнув другого, показал в нашу сторону.

— А, черт! — ругнулся лысый. — Срочно уходим! Иначе нам несдобровать!

Индейцы вскочили, мы с поэтом рванули в темноту и, натываясь на десятки хвостов ягуаров, наступая на сотни анакондовых морд — так, по крайней мере, представлял я, — через десять секунд влетели в свою хижину и плюхнулись на травяные матрасы.

Федосья Рюриковна безмятежно посапывала. Владимир Гаврилович тонко посвистывал носом. В хижине царили сон и покой.

— Эй, сударь! — позвал я поэта. — Вы меня слышите? Я еще хотел спросить у вас...

Но в ответ я услышал международные звуки «фр-р, фр-р». Поэт не отвечал: я понял — он заснул, а во сне фыркал, как конь.

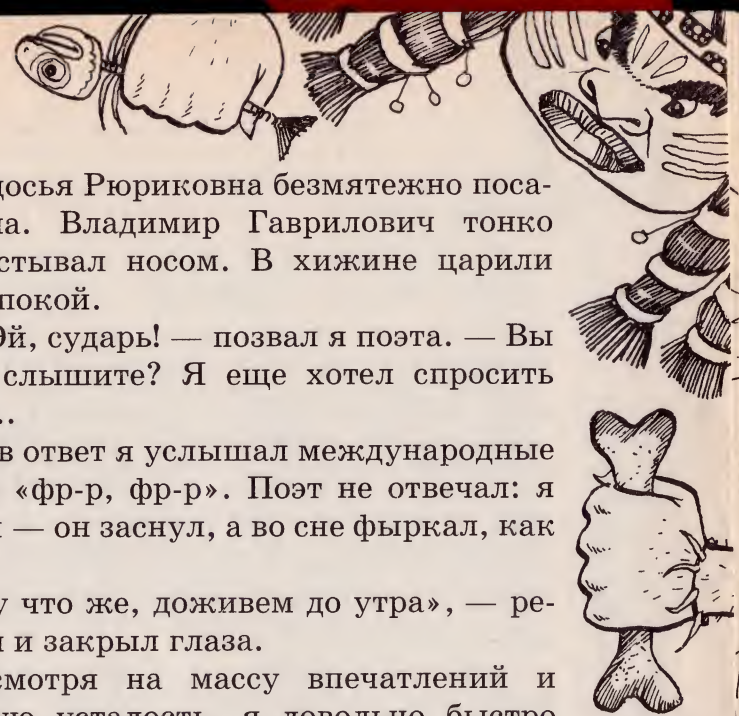
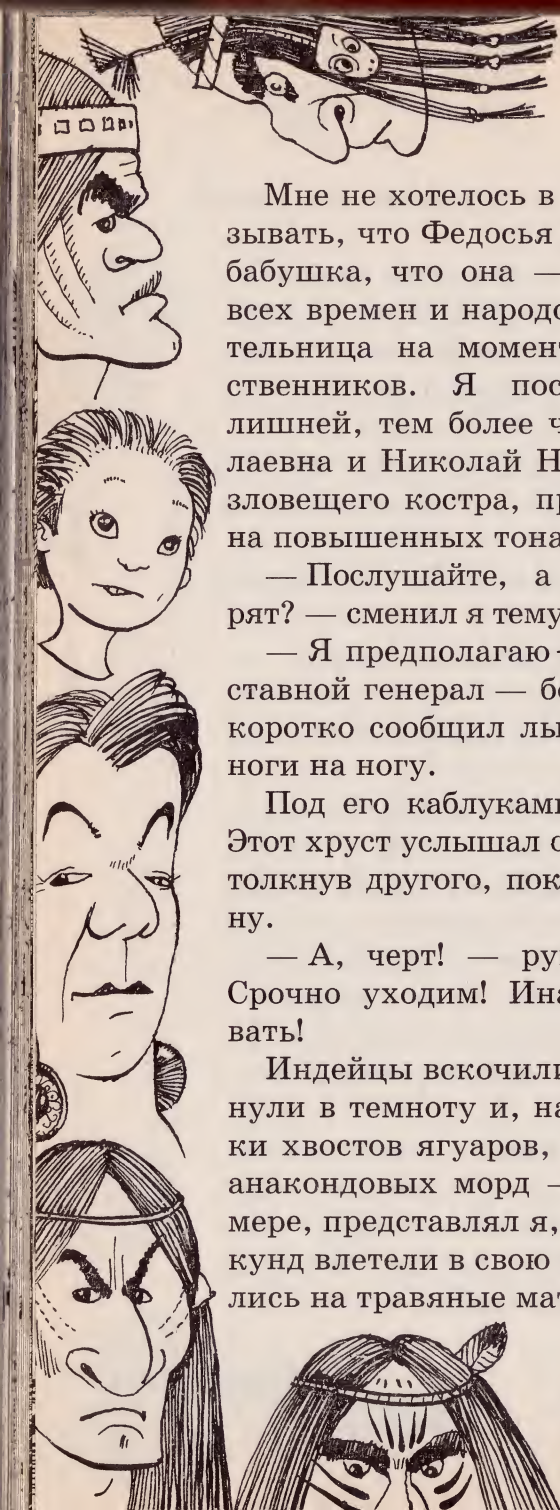
«Ну что же, доживем до утра», — решил я и закрыл глаза.

Несмотря на массу впечатлений и жуткую усталость, я довольно быстро уснул.

...Утром, когда я открыл глаза, в хижине никого не было. Снопы яркого солнца пробивались сквозь щели в травяной крыше, и все внутри хижины казалось прекрасным, таинственным и даже каким-то волшебным.

«Эх, если я расскажу родителям о том, что спал в гостях у тупи-гуаранийцев в хижине, они ни за что не поверят», — мечтательно подумал я, потягиваясь.

За стенами легкого жилища послышался нарастающий звук барабанов. В этом стуке слышалось нечто тяжелое,

грозное. Я мгновенно вскочил и выбрался наружу.

В нескольких метрах от хижины я увидел толпу индейцев, окруживших кого-то плотным кольцом. Индейцы выглядели довольно необычно: в перьях всевозможных цветов и оттенков, разрисованные белыми и красными красками. Не раздумывая, я пробрался через них и оказался на пяточке, где стоял весь наш отряд путешественников. Федосья Рюриковна улыбнулась мне, кивнула и ласково сказала:

— К сожалению, милый, сегодняшним утром я не могу угостить тебя ни паштетом, ни ветчиной, ни даже чашечкой крепкого чая. Как видишь, мы попали в переделку — на праздник могильщиков гуарани. Иди, встань рядом, мне так будет за тебя спокойнее.

Барабаны били с утроенной силой, воздух буквально накалился от их грохота. Наконец барабаны смолкли, и вождь племени вышел из толпы собратьев. Я узнал одного из ночных собеседников самарских псевдосупругов.

Вождь строго повел глазами, толпа тут же замолчала, и он начал говорить.

— Если хочешь, я буду переводить, — тихо предложила сыщица. — Лучше

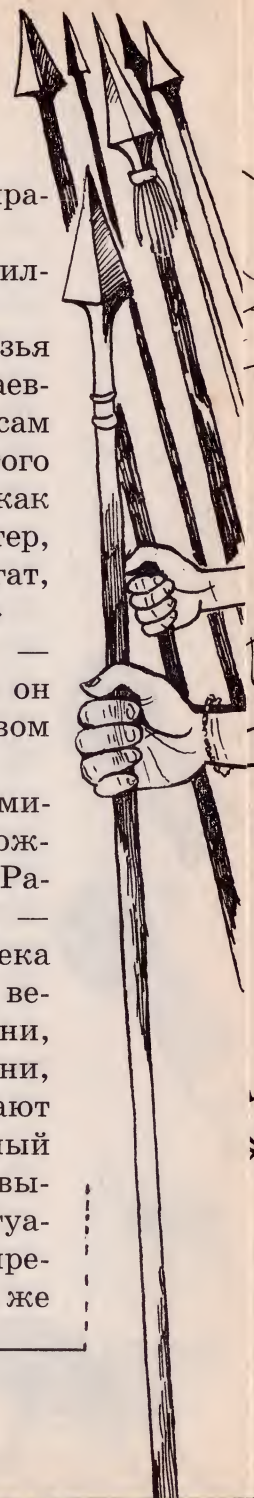
быть в курсе дела, чем с глупым выражением лица глазеть на аборигенов.

— Конечно, переводите, — согласился я.

— Вождь говорит: «Мои белые друзья Ната и Нико (то есть Наталья Николаевна и Николай Николаевич, как ты сам догадался) привели к нам очень богатого человека. Вот вы его видите. Он стар, как орел, проживший сто лет в небе, хитер, как крокодил во время охоты, и богат, словно древние вожди нашего края...»

— Ну, загнул! — возмутился я. — Если бы генерал Сурмило был богат, он не таскался бы по Амазонке на грузовом пароходике!

— Тихо, не стоит возмущаться, милый, я ведь только перевожу слова вождя, а не свои собственные мысли... «Рано утром, — говорит дальше вождь, — я попросил поделиться этого человека его богатствами. Ведь у нас сегодня великий праздник могильщиков гуарани, и слитки золота, драгоценные камни, монеты, украшения вовсе не помешают покровителям нашего племени. Белый богатый человек наотрез отказался выполнить мою просьбу. Могильщики гуарани опечалены, они не ожидали презрительного отношения к себе... Так же

опечалены наши белые друзья Ната и Нико: им тоже полагалась доля от сокровищ старого орла. Раз они рассказали нам полезные сведения, привели в джунгли желанную добычу, значит, им полагалась заслуженная награда. Итак, по законам нашего племени мы должны отправить этого непокорного белого человека в гости к могильщикам гуарани. Иначе мы больше никогда не сможем хоронить своих покойников по законам предков. Не получив сегодня, в свой праздник, добычу, могильщики разгневаются и уплывут из наших рек и ручьев... Через час мое решение будет приведено в исполнение».

Толпа загудела, неодобрительно поглядывая на Владимира Гавриловича Сурмило. Индейцы осуждали несчастного путешественника за то, что он упрямо скрывает от них свои несметные богатства.

Вождь промолвил еще несколько слов, Федосья Рюриковна с готовностью их перевела:

— Вождь сказал, что белых друзей Нату и Нико он отпускает с миром, поэта — тоже. А по поводу нас с тобой провозгласил: «Старухи и дети для тупи-гуаранийцев — святое». В общем,

мы можем отправляться восвояси хоть сию минуту.

— Нетушки, — прошептал я. — Как мы можем оставить бедного генерала на произвол судьбы, тем более что его ждет знакомство с какими-то могильщиками.

— Правильно, — согласилась сыщца. — Я довольна твоим мужественным ответом: никогда нельзя оставлять человека в беде, иначе в другой раз в беде оставят тебя. Мы поможем повернуть колесо фортуны в сторону Владимира Гавриловича.

Наконец вождь удалился, тупи-гуаранийцы возбужденно загудели. Откуда-то как из-под земли появились молодые сильные воины с копьями в руках. Они без лишних слов и эмоций окружили нашу группу. Конечно, это был не почетный караул: Владимира Гавриловича взяли в плен!

Любопытствующая толпа не расходилась. Видно, аборигенам ничего не стоило часок поторчать под знойным солнцем и вкусить прелести какого-то жуткого действия.

— Объясните мне, что происходит! — воскликнул расстроенный Владимир Гаврилович. — Эти малопонятливые

чернокожие все время талдычили мне про сокровища и богатства. Кажется, вождь призывал меня с ними чем-то поделиться, но я так и не догадался: чем, зачем, когда и где... Наша беседа проходила на языке жестов и мимики... А сейчас вождь, видимо, объявил о своем решении. Милейшая сударыня, что вам удалось разобрать из его речи?

— Не волнуйтесь, милый Владимир Гаврилович, вождь сказал, что за вашу строптивость он хочет познакомить вас с могильщиками гуарани.

Отставной генерал побледнел. Я впервые в жизни видел человека, у которого лицо, будто сметаной, заливают белая краска.

— И вы так спокойно говорите об этом!!! — воскликнул он. — Могильщики гуарани — это же пираньи!!! У этого народа есть обычай: когда кто-нибудь у них умирает, тело опускают в ближайшую реку. На труп набрасываются стаи пираний, обглаживают его до белых костей, а затем живые гуаранийцы хоронят с почестями уже чистый скелет... Значит, этот жестокий вождь решил, что я должен умереть!

— Что вы так разволновались, милый Владимир Гаврилович? Мало ли

что решил вождь! Рядом с вами есть мы — ваши друзья, соотечественники, страстные поклонники экзотических

рыбок. Пока мы здесь, ваша жизнь вне опасности.

— Прекратите строить из себя старую сивиллу! — взвизгнула вдруг Наталья

Николаевна. — Вы так надоели нам в путешествии! Вам же сказали: убирайтесь! Вы же прекрасно поняли: тупи-гуаранийцев не волнуют разные дрянные старухи и невоспитанные дети!

Лицо Натальи Николаевны стало такого же цвета, как ее малиновые перчатки. Глаза злобно сверкали, а настроение (хотя она пыталась это скрыть) было совсем никуда. Бедная женщина! Ее планы рухнули, сокровища уплыли из рук. Конечно, оставалось лишь визжать и обзывать.

— Не горячитесь, сударыня, — холодно оборвала впавшую в истерику Наталью Николаевну великая сыщица. — Давайте разберемся, кто есть кто.

— Противная старуха! У меня своя личная жизнь, и я никому не позволю в нее влезать, — немедленно окрысилась Наталья Николаевна.

— Я огорчу вас, но я давным-давно знаю, кто из вас кто, — спокойно сказала Федосья Рюриковна. — Пожалуйста, мне нетрудно, я мигом карты открою.

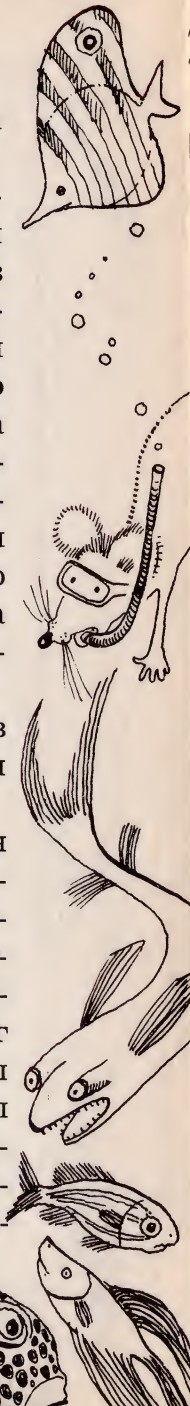
Лысый поэт, псевдосупруги и Владимир Гаврилович замерли в напряженном молчании. Федосья Рюриковна хмыкнула, прочищая горло, и привычно, с королевским достоинством начала

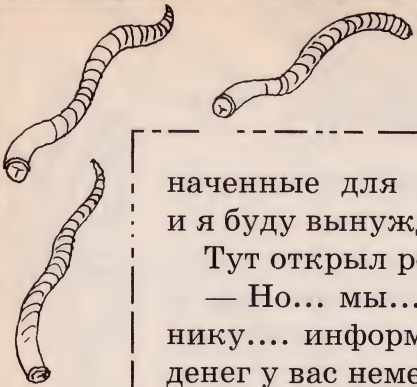
открывать тайны, или карты, как она сама выразилась.

— Во-первых, вы, Наталья Николаевна и Николай Николаевич, не муж и жена. Вы познакомились в одном из одесских салонов. Хи-хи, ля-ля, шутки-прибаутки... Некий сплетник поведал вам, что Владимир Гаврилович Сурмило сказочно богат, а вы — поскольку оба обладаете авантурным нравом — решили ограбить этого пожилого симпатичного человека. Вот и потащились за ним по Южной Америке. Сначала просто выслеживали, потом оказались с ним на грузовом пароходе, следующем из Мануса в Пару...

Сурмило смотрел на псевдосупругов так, словно перед ним находилась стая голодных крокодилов.

— О каком таком богатстве все время идет речь?! — воскликнул бедный старик. — Я обыкновенный генерал в отставке. Ну, есть у меня имение, награды, но я не царь Соломон и даже не египетский фараон! Это путешествие я смог позволить себе лишь тогда, когда ушел со службы и собрал некую сумму, чтобы передвигаться то на пароходе, то на корабле, то в сопровождении местных проводников. Скоро мои средства, предназ-

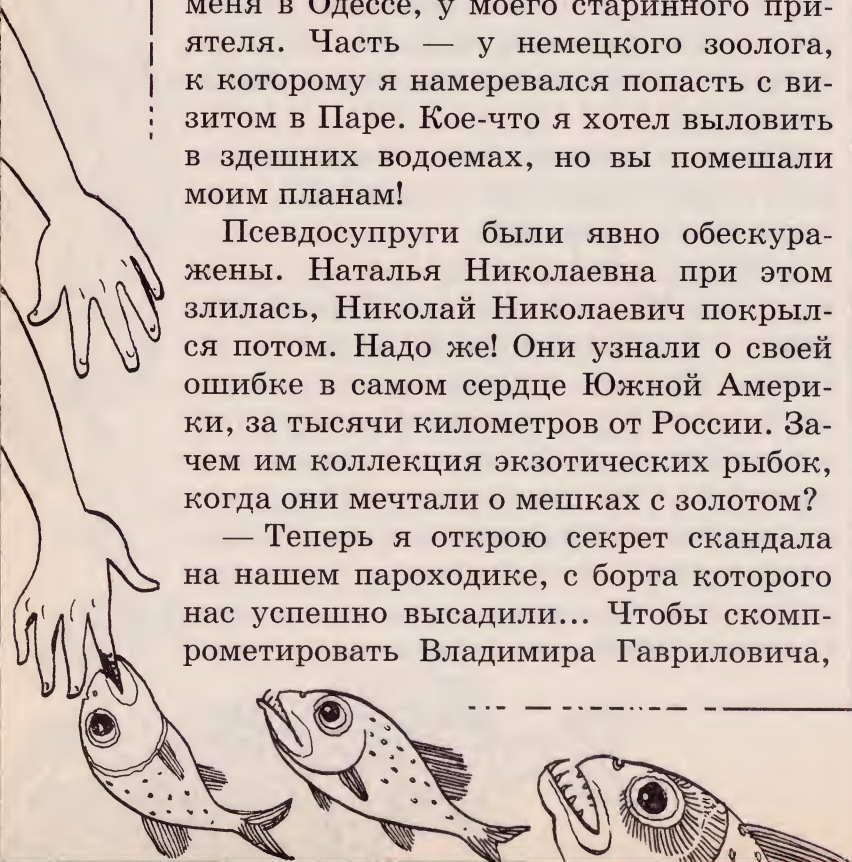

наченные для путешествия, иссякнут, и я буду вынужден вернуться в Россию.

Тут открыл рот Николай Николаевич:

— Но... мы... верим... нашему источнику.... информации... Он уверял... что денег у вас немерено...

— У меня?! — совершенно обалдел Владимир Гаврилович. — Вы с кем-то меня путаете! Единственное мое настоящее богатство — нынешнее увлечение. Да, я собрал коллекцию экзотических тропических рыбок. Да, часть ее ждет меня в Одессе, у моего старинного приятеля. Часть — у немецкого зоолога, к которому я намеревался попасть с визитом в Паре. Кое-что я хотел выловить в здешних водоемах, но вы помешали моим планам!

Псевдосупруги были явно обескуражены. Наталья Николаевна при этом злилась, Николай Николаевич покрылся потом. Надо же! Они узнали о своей ошибке в самом сердце Южной Америки, за тысячи километров от России. Зачем им коллекция экзотических рыбок, когда они мечтали о мешках с золотом?

— Теперь я открою секрет скандала на нашем пароходике, с борта которого нас успешно высадили... Чтобы скомпрометировать Владимира Гавриловича,

вы, Ната и Нико, ловили на тряпки, пропитанные мясным соком, пираний и ближе к вечеру подбрасывали их в постели членов экипажа. С пираньями не шутят: пару раз злые рыбки цапнули Нату за пальцы, поэтому она ни с того

ни с сего и начала носить перчатки. Надо же раны скрыть... Пираньи исправно пугали команду, в итоге нас всех высадили в этих местах. А почему? Потому что белая подруга индейцев Ната

неплохо рассчитала свои козни и маршрут судна.

— Как вы смее! — закричала, задыхаясь, Наталья Николаевна.

— Смею, — успокоила ее сыщица почти миролюбиво. — Дело в том, что вождь здешнего племени хорошо знаком вам. Редкая случайность, но волею непредсказуемых судеб его старшая сестра была несколько лет вашей няней, сударыня. Как она попала в Россию — рассказ отдельный, для другого места и других обстоятельств. Но вы благодаря няне отлично знали обычаи племени тупи-гуарани, выучили язык, по рассказам чудесно представляли, где находится ее родина и почти с родственной легкостью передали привет ее брату-вождю. Он, в свою очередь, тоже падок до денег, и нынешней ночью вы общими усилиями решили надавить на богатого старика, а потом поделить добычу... Ваш план прост, как пиявка, разрывающая речной ил.

— Надо же! — вырвалось у меня. — А зачем тогда Наталья Николаевна смеялась всю дорогу?

— Для того чтобы заморочить всем окружающим голову. Обыкновенный актерский трюк. Ведь Наталья Никола-

евна — актриса, — улыбнулась Федосья Рюриковна.

— Хорошо, пусть так, — сказал я, —

но тогда кто же этот человек, выдающий себя за поэта?

— Браво, браво, мой друг! — обрадовалась сыщица. — Действительно, этот человек вовсе не поэт. Он частный агент,

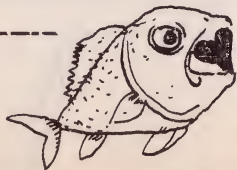
нанятый возлюбленным Натальи Николаевны еще в Одессе. Фамилия вашего воздыхателя Грешнер? — стремительно обратилась она к актрисе.

Та опешила и машинально кивнула.

— Так вот, господин Грешнер решил, что его Наталья Николаевна завела себе нового фаворита и испытывает к нему серьезные чувства. Господин Грешнер — миллионер и к тому же ревнив, как сто Отелло, вот он и нанял секретного агента, чтобы тот проследил за ее путешествием в Южную Америку. Но, увы, наша актриса больше всего на свете любит деньги, а не окружающих.

— Пусик, ты же клялась мне в верности и страсти! — теперь пришла очередь вскричать Николаю Николаевичу. — Ты обещала мне, что когда мы разбогатеет, то отправимся на Багамские острова, купим там виллу и проживем в свое удовольствие. Ты — для меня, а я — для тебя...

— Ждите этой идиллии, как снега летом! — басисто засмеялась Федосья Рюриковна. — При чем здесь Багамы, вилла и романтическое «ты — для меня, а я — для тебя»? Не могла же Наталья Николаевна отправиться в путешествие одна; ей нужен был подруч-

ный, попутчик, собеседник, наконец, человек, который просто-напросто поднесет чемоданы. Вот она и выбрала именно вас.

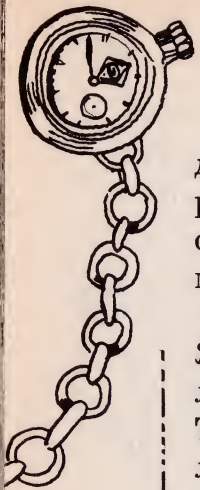
Тут актриса злобно рассмеялась — не фальшиво, а по-настоящему. И по ее смеху я понял: то, о чем сейчас рассказала Федосья Рюриковна, было чистой правдой.

— Что же теперь-то делать? — устало спросил Владимир Гаврилович. — Все обманулись в своих чувствах и ожиданиях, но лишь мне одному предстоит отправляться к могильщикам гуарани.

— Послушайте, милый Владимир Гаврилович, стоит вам сказать: «Я намерен начать новую жизнь, забыть весь этот кошмар», и вы отправитесь не к могильщикам, а в очень милое место и довольно приятное общество, — пообещала Федосья Рюриковна.

— Что вы имеете в виду? — вздохнул генерал. — Моя голова трещит от разоблачений, предположений и разгадывания тайн.

— Я не могу сию минуту все объяснить до конца: в джунглях намного больше ушей, чем в многолюдном городе. Тем более мы стоим в окружении не-

доброжелателей. Вам придется поверить мне на слово, — скороговоркой сыпала Федосья Рюриковна обалдевшему старику.

Индийские барабаны забили вновь. Я понял: час, отпущенный на размышления Владимиру Гавриловичу, истек. Толпа индейцев радостно зашевелилась.

— Ничего не понимаю, ничего не понимаю, — забормотал отставной генерал.

— Понимать нечего. Все очень просто: я могу вернуть вас в будущее, — доверительно сообщила сыщица. — Скажите лишь «да».

— В будущее? — Генерал совсем потерял голову. — А что я там буду делать?

— Общаться со своими родственниками, разводить рыбок и по вечерам смотреть телевизор. — Эту информацию Федосья Рюриковна выпалила, потому что тучи над головой несчастного Сурмило сгущались каждое мгновение.

— Как вы сказали, сударыня... теле... азор? — Мне показалось, глаза у Сурмило начинают увеличиваться до размеров чайных блюдец.

— Не будем вдаваться в малосущественные мелочи. О телевизоре я рас-

скажу вам чуть позже, если услышу от вас «да».

Били боевые барабаны, индейцы гуарани начали сжимать кольцо, молодые воины хладнокровно схватили Владимира Гавриловича под локти и стали подталкивать вперед.

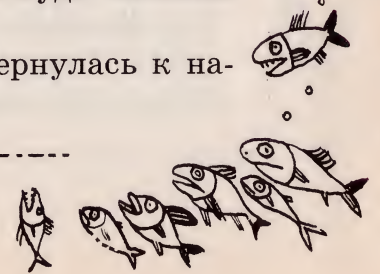
— Владимир Гаврилович, я взываю к вашему разуму, — спокойно сказала Федосья Рюриковна. — Через несколько минут представители народа тупи-гуарани столкнут вас в реку и с удовольствием будут глядеть на пир своих могильщиков.

— Не может быть, — пробормотал генерал. — Я ни в чем не виноват.

Тут я увидел, как по злому лицу Натальи Николаевны и холеным щекам Николая Николаевича пробежала тень раскаяния. Несомненно, они поняли свою ошибку, и стыд начал царапаться в глубине их душ.

Актриса бросилась к вождю и начала что-то лопотать, просить, умолять. Но лицо вождя оставалось непроницаемым. Все усилия оказались напрасными. Закон джунглей диктовал следующее: раз вождь сказал, то будет именно так, как он сказал.

Наталья Николаевна вернулась к нашей группе.

— Ах, простите, генерал, — вымолвила она. — Вождь не хочет меня слышать. Я ему только что твердила, что у вас ничего нет за душой, что вы обычный российский дворянин. Я призналась, что ошиблась и денег у вас нет, золота нет. Но он меня не слышит!

Толпа гуаранийцев и мы вместе с ней медленно двигались к реке.

— Сударыня, но откуда я возьму в вашем будущем рыбок? — спросил почти обессиленный от впечатлений и событий генерал.

— Я же вам говорил: рыбок можно купить на Птичьем рынке, потом по всей Москве напихано миллион зоологических магазинов! — вмешался в назревающую трагедию я. — Говорите «да» и увидите, что произойдет!

Когда впереди показалась река, вся заросшая густой растительностью, в бликах жгучего солнца, Владимир Гаврилович, наверное, мысленно представив весь ужас от грядущей встречи с могильщиками гуарани, наконец вымолвил:

— Да. Я согласен.

Тут Федосья Рюриковна проявила небывалую прыть. Она быстро раздвинула плечом ряды пританцовывающих индейцев, приблизилась к вождю и обратилась к нему на местном гортанном языке.

Вождь, на удивление всем, благосклонно кивнул. Толпа остановилась, стражники отступили от Сурмило на шаг.

Федосья Рюриковна с утроенной энергией вернулась к нам.

— Я только что попросила вождя, чтобы он разрешил нам отдохнуть. Он сказал: «Бросить белого человека к могильщикам племени я могу и через десять минут».

Все-таки, как ни крути, ситуация содалась аховая.

— Федосья Рюриковна, что вы хотите делать? — жарко зашептал я.

— Ты же знаешь, милый. Достану из кармана...

— Серебряную монетку! — обрадовался я.

— Точно!.. Теперь, генерал, слушайте меня, как трубу архангела. Сейчас на ваших глазах произойдет чудо. Но для этого вы должны сделать то же, что я и мой юный подопечный. Когда я скамандую, вы мысленно скажете про себя: «Москва. Малаховка. Две тысячи первый

год» — и все. Ваша жизнь изменится к лучшему. Для вас начнется будущее.

— Мне уже все равно. Лучше проговорить слова «Москва. Малаховка. Одна тысяча девятьсот девяносто девятый год», чем быть пожираемым могильщиками гуарани, — с достоинством сказал Сурмило.

Индейцы не спускали с нас глаз; псевдосупруги шептались чуть поодаль; тайный агент, направленный в Южную Америку ревнивым миллионером Грешнером, вытирал со лба и лысины обильный пот.

Федосья Рюриковна вынула из кармана волшебную монетку и бросила ее на землю. В мгновение ока прекрасное серебряное дерево выросло на глазах изумленных людей. Оно сверкало среди джунглей благородным фантастическим фонтаном.

Индейцы были ошарашены этим явлением и отбежали-отпрыгнули от нас в великом испуге. Под деревом остались стоять я, сыщица и спасаемый нами генерал.

— Итак, многоуважаемый Владимир Гаврилович, — твердо сказала Федосья Рюриковна. — Еще раз внушаю вам: то, что сейчас произойдет, делается во

благо, а не ради шутейного интереса. Выбор у вас весьма небольшой: либо в южноамериканскую реку, либо в тысяча девятьсот девяносто девятый год.

Наконец-то в глазах Сурмило засверкали искры разума.

— Сударыня, не стоит повторять мне одно и то же сто тысяч раз. Я согласен — и баста!

В рядах индейцев началось движение. Любопытство или врожденное упрямство заставили их сделать в нашу сторону несколько шагов. Эти шаги были нерешительными, страх и недоумение блуждали на лицах гуаранийцев.

— Внимание! — протрубила сыщица. — Встаньте к серебряному дереву спиной и на счет «Три!» скажите заветные слова. Если хотите, закройте глаза, чтобы при движении из начала в конец века у вас не закружилась голова.

Генерал выполнил первую часть команды великой, решительной сыщицы, как офицер, беспрекословно выполняющий приказы главнокомандующего во время решающей битвы.

Я тоже прижался спиной к серебряному дереву: оно приятно холодило тело сквозь майку, а серебряная крона нежно пела: «Тинь-тинь-тинь».

— Раз! — прогремела Федосья Рюриковна.

Лица наблюдателей напряглись. Псевдосупруги вытянули шеи, псевдопоэт приоткрыл от изумления рот.

— Два! — пробасила сыщица.

Из рядов гуаранийцев вдруг послышалась монотонная песня. У нее был обволакивающий мотив, убаюкивающие звуки. «Ясенько, — догадался я. — Они решили, что мы небожители и сейчас произойдет чудо».

— Три!!! — пророкотала Федосья Рюриковна.

Я быстро закрыл глаза, представив Малаховку 1999 года, и...

Через мгновение мы стояли на опушке малаховского леса, и, несмотря на то, что в Бразилии нам пришлось провести несколько дней, мы возвратились домой вечером того же дня, когда и исчезли. Отставной генерал улыбался, оглядываясь по сторонам.

— Мужайтесь, мой друг, — пожалала ему руку сыщица. — Я сделала для вас все, что могла.

Не мешкая мы отправились к дому Владимира Гавриловича Сурмило-2. Под ногами похрустывали песчаные

дорожки, сосны сорили иглы на наши плечи и головы.

Конечно, без конфузной встречи не обошлось. Откуда-то из кустов выскочила госпожа Утуткина в плаще абрикосового цвета. Волосы ее были пронзительно фиолетовы, в руках — корзинка. Я вспомнил, как совсем недавно среди ночи она собирала деньги на подарочный компьютер для банкира Макарона.

— Добрый вечер, Владимир Гаврилович! Добрый вечер, госпожа Вечная! Вы тоже решили пройтись за грибами?

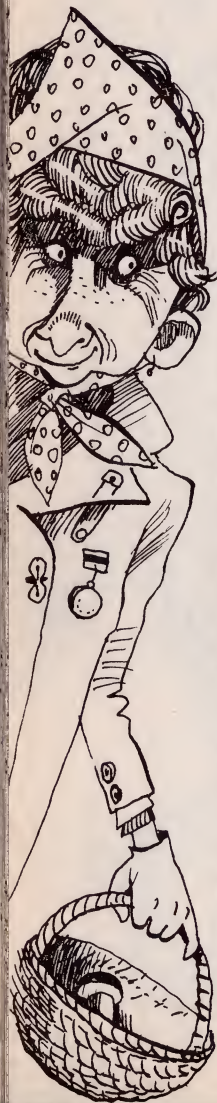
— И за грибами, и за ягодами, и за шоколадом «Аленка», — достойно ответила Федосья Рюриковна.

У госпожи Утуткиной вытянулось лицо:

— Как это... за шоколадом «Аленка»? Он разве растет в наших краях?

— Не морочьте нам головы, — сурово сказала сыщица. — Мы сейчас заглянем в наш малаховский магазин и купим там все, что нам необходимо. Соленые грибы, джем из черники, шоколад и даже, пожалуй, пачку молока «Домик в деревне».

— Ах, вы о магазине? А я думала, вы собираете грибы, которые растут сейчас

езде, даже под садовыми скамейками... Владимир Гаврилович! Как ваше самочувствие? Как ваши библиотечные раскопки?

У Сурмило-1 вытянулось лицо. Но Федосья Рюриковна, взяв его под руку, не дала ввязаться в разговор с госпожой Утуткиной.

— Простите, мы спешим, — бросила через плечо сыщица фиолетововолосой Утуткиной. Наверное, общественница все же заподозрила нечто неладное, но у нее не оказалось возможности уточнить свои подозрения, потому что наша троица уже исчезла за поворотом.

— Милый Владимир Гаврилович! — бодро заговорила Федосья Рюриковна. — С сегодняшнего дня у вас начнется совершенно новая жизнь, и для того, чтобы вы не выглядели нелепо, вам надо срочно обнять своего внука. Его, кстати, тоже зовут Владимиром Гавриловичем.

Сурмило-1 остановился.

— Как внука? Когда я уезжал из Петербурга, у моих сыновей еще не было детей.

— Вот именно. Запомните, с 1911 года прошла прорва времени. За этот период мир пережил две мировые войны,

один октябрьский переворот в России, нэп, коллективизацию, индустриализацию, электрификацию и компьютеризацию. Правительство менялось десятки раз. Ваш старший сын Георгий, увы, умер бездетным, а младший Гаврила оставил после себя сына, которого нарекли в вашу честь Владимиром. На свете живет Владимир Гаврилович Сурмило-2, ваш семидесятилетний внук.

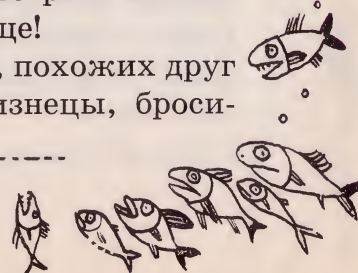
— Боже мой, что вы такое говорите! — только и воскликнул спасенный нами от кровожадных тупи-гуаранийцев старик.

— Говорю то, что есть на самом деле. Итак, вступайте в новую жизнь смело. Главное, вы живы и ваш внук готов прижать вас к своему сердцу. Кстати, это он отправил нас в Бразилию начала века, чтобы мы вас спасли...

Не буду утомлять читателя подробностями похода в малаховский магазин. Еще двое дачников признали в отставном генерале внука-архивариуса.

После посещения продуктового магазина мы вошли на участок Сурмило-2, и наконец-то эпохальная встреча состоялась. Трогательное зрелище!

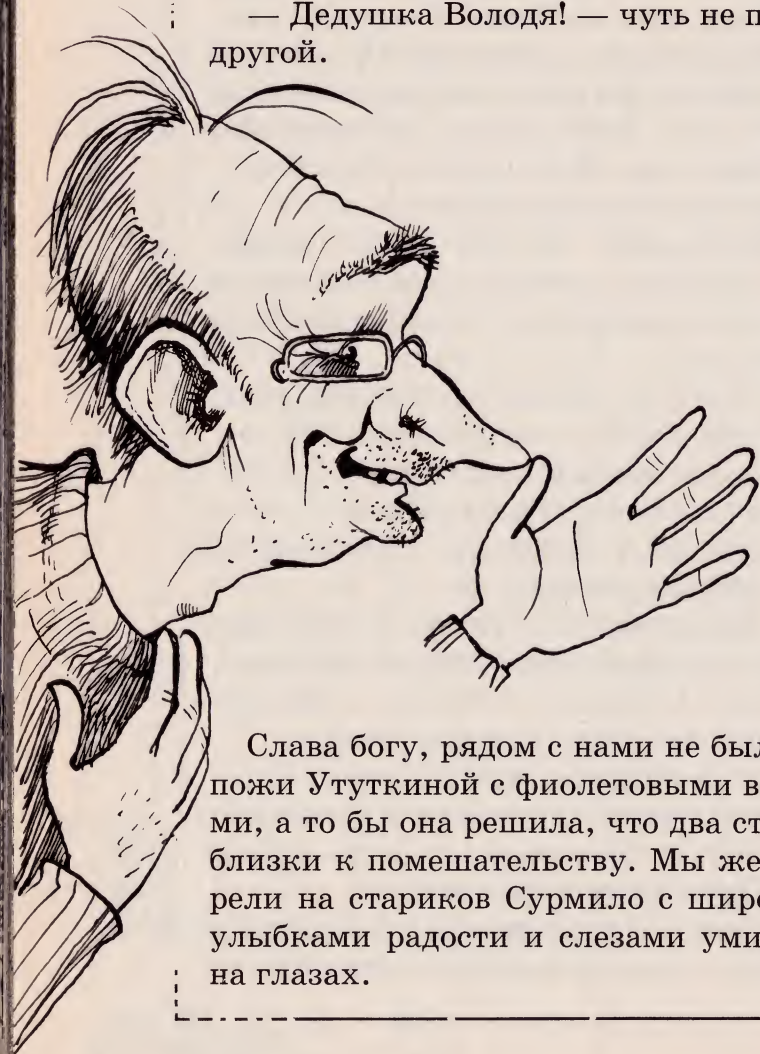
Два пожилых человека, похожих друг на друга, как братья-близнецы, броси-

лись на шеи друг к другу и троекратно поцеловались.

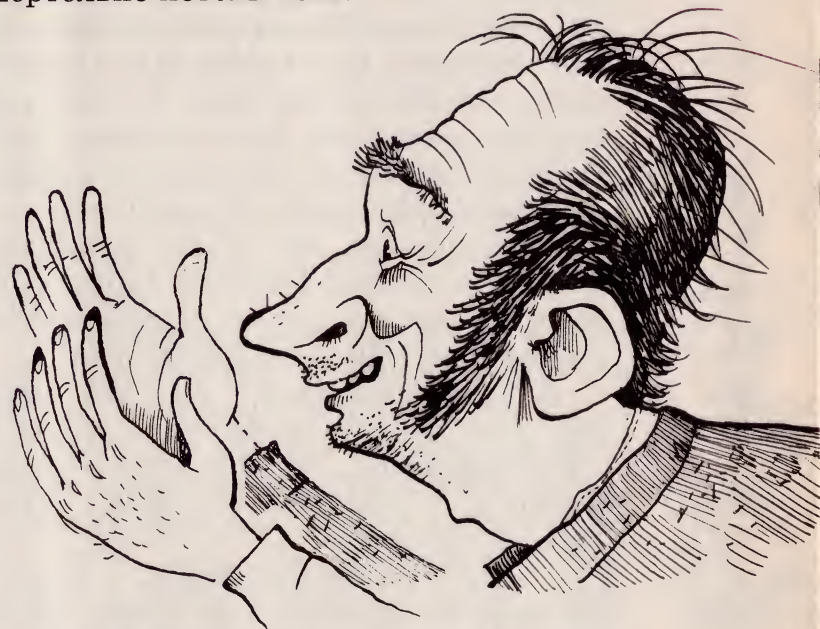
— Володя, внук! — говорил проникновенным голосом один.

— Дедушка Володя! — чуть не плакал другой.

Слава богу, рядом с нами не было госпожи Утуткиной с фиолетовыми волосами, а то бы она решила, что два старика близки к помешательству. Мы же смотрели на стариков Сурмило с широкими улыбками радости и слезами умиления на глазах.

...Мы оставили деда и внука познавать судьбы семейства Сурмило — не сомневаюсь, Сурмило-2 рассказывал деду о родственниках до утренней зари, — а сами бросились домой, потому что смертельно хотели есть.

На следующий день к обеду оба старика явились к нам в гости. Они принесли подарок — гигантский торт из бисквита, украшенный тысячей незабудок из голубого крема. Этот торт, если поставить его на пол, доставал мне до пояса. Представляете, сколько времени нам предстояло его поедать?

— Не паникуй, милый, — довольно пробасила Федосья Рюриковна. — Сейчас за чаем мы все съедим по кусочку, а оставшиеся крошки отдадим верному Полкану.

Радостный вышел обед! Оказывается, Сурмило-дедушка еще ранним утром съездил на электричке в город, разыскал Птичий рынок и купил несколько десятков аквариумных рыб. Остаток августа он предполагал посвятить оформлению новой коллекции.

Сурмило-внук нас тоже порадовал. Он достал из своей черной папки вчетверо сложенный листок и торжественно преподнес Федосье Рюриковне.

— Многообожжаемая госпожа Вечная! Вы помните заметку из журнала «Метаморфозы», у которой не было конца и с которой, собственно, началась эта история?

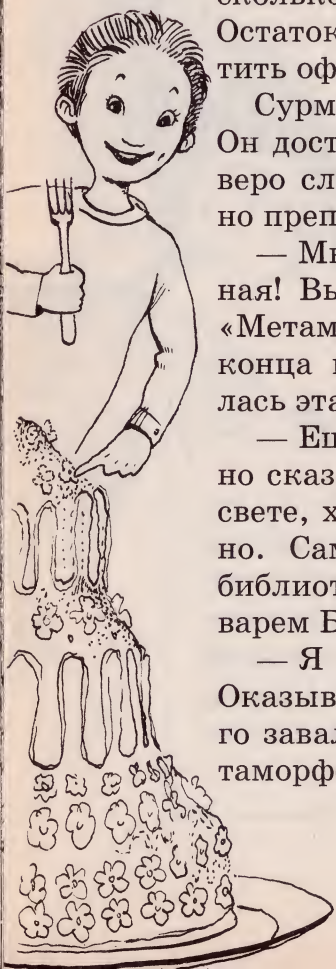
— Еще бы мне не помнить, — радостно сказала сыщица. — Я помню все на свете, хотя это довольно обременительно. Сама себе кажешься лондонской библиотекой или по крайней мере словарем Брокгауза и Ефрона!

— Я отыскал конец той заметки! Оказывается, у моего старого знакомого завалилась подшивка журнала «Метаморфозы» за 1911—1912 годы, и он,

зная мою страсть к старым фактам, подарил мне бесценные журналы!.. Почитайте, пожалуйста, окончание взбаламутившей нас заметки.

Федосья Рюриковна нацепила очки и начала читать вслух: «...Члены команды грузового судна на третий день плавания из Манауса в Пару начали каждый вечер обнаруживать в своих постелях речных гиен, или пираний. Эти рыбки отличаются кровожадностью и могут насмерть загрызть анаконду, упавшую в воду, ягуара, переплывающего реку.

Подозрение пало на отставного генерала В. Г. Сурмило. Его высадили на берег, чтобы он добирался до Пары пешком. Из чувства солидарности на берег высадили остальных русских путешественников... Вскоре на них напало племя тупи-гуарани. Бравый генерал в одиночку отражал атаки аборигенов, в то время как его товарищи по несчастью пытались спастись от преследования в джунглях. Итог этой необычной истории таков: русские достигли Пары, а затем благополучно отбыли на родину. Генерал В. Г. Сурмило из джунглей не вернулся. Вечная слава героям Отечества!»

— Ах, журналисты не могут жить без приукрашивания действительности, — изрекла сыщица. — Заметка из журнала «Метаморфозы» — яркий пример бреда сивой кобылы, если за сивую кобылу считать корреспондента Б. Б.

Наша компания долго смеялась.

Августовский вечер незаметно вполз в гостиную, и сыщица предложила двум милым старикам Сурмило плавно перейти от обеда к ужину. Но те отказались, встали со своих мест и откланялись.

— Надеюсь, вам не надо советовать, как объяснять любопытным, почему вы так необыкновенно похожи? — пророкотала Федосья Рюриковна.

— Конечно, драгоценная сударыня! Мы еще утром решили везде представляться братьями, — ответил Сурмило-дед. А может, это был Сурмило-внук. Я, честно говоря, уже в них путался.

— Правильно, все люди — братья, — согласилась сыщица. — Это не мое наблюдение, это тонкая мудрость древних.

Когда за Сурмило закрылась дверь, я тревожно спросил свою предводительницу:

— Вы не боитесь, что с помощью вашего серебряного дерева к нам проник-

нут индейцы тупи-гуарани? Оно же стоит там, в Амазонии, позвякивает листьями-монетами?

— Я ничего не боюсь. За дерево не беспокойся. Ты же знаешь: через три месяца оно потеряет свои необычные свойства — перемещать людей из страны в страну, из века в век. Превратится в пальму или в какой-нибудь местный клен. А пока тупи-гуарани относятся к нему как к божеству и танцуют под его кроной искрометные ритмичные танцы.

...Засыпая в уютном малаховском доме Федосьи Рюриковны Вечной, я видел, как пес Полкан с достоинством поедает остатки торта. Эти остатки представляли собою небольшой айсберг из крема, бисквита и глазури. Полкан был доволен, я — тоже.

Сыщица на сон грядущий мурлыкала под гитару романс «Нет, не тебя так пылко я люблю...».

Вот и вся история про могильщиков гуарани. А сколько их еще будет впереди?

На этот вопрос могла бы ответить великая сыщица Федосья Рюриковна Вечная, но у меня уже не было сил спрашивать ее об этом. Сон мягкой уверенной рукой слепил мои веки.

СОДЕРЖАНИЕ

Серебряные деревья	7
Могильщики гуарани	95

РЕДАКЦИЯ ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Серия «Детский детектив»

Для среднего школьного возраста

Андрианова-Голицына Ирина Анатольевна

МОГИЛЬЩИКИ ГУАРАНИ

Детективные повести

Заведующая редакцией *Н. М. Иманова*
Ответственный редактор *А. Н. Печерская*
Художественный редактор *Р. А. Клочков*
Технический редактор *М. В. Биденко*
Компьютерная верстка *А. В. Боброва*
Корректор *Т. А. Семочкина*

Изд. лиц. № 061622 от 07.10.97.

Подписано к печати 10.07.01. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,08. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4653.

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

По вопросам приобретения продукции издательства «Дрофа»
обращаться по адресу: 127018, Москва, Суцевский вал, 49.
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник».
109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.
Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**ДОРОГИЕ РЕБЯТА!
УВЕРЕНЫ, ВАМ ПОНРАВИТСЯ
И ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ
“ДЕТСКИЙ ДЕТЕКТИВ”:**

В. Ховенко

“Банда “Черные орлы”

В. Ховенко

“Охота на снайпера”

В. Ховенко

**“Загадочное преступление
на Сретенке”**

И. Андрианова-Голицына

“Пропавшая челюсть”

И. Андрианова-Голицына

“Лунный замок”

И. Андрианова-Голицына

“Загадочный жених”

ozon.ru
выберите

1097790435